

ОЛЕГ ДИВОВ

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Новый Дивов. Коллекция. Премияльное оформление

Олег ДИВОВ
Небо и Земля

«ЭКСМО»

1998, 2001

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Небо и Земля / О. И. Дивов — «Эксмо», 1998, 2001 — (Новый Дивов. Коллекция. Премияльное оформление)

ISBN 978-5-04-176791-4

«Лучший экипаж Солнечной» – лихая и жестокая история военных астронавтов, которые были героями, а потом оказались не нужны, брошены, преданы и наконец прокляты. Не надо так с людьми, чья профессия – космический бой, а призвание – защищать и служить. «Саботажник» – книга-обманка, вроде бы про идиотизм и бесконечную пьянку на планете, где по небу летают крокодилы, а под ногами течет эликсир бессмертия. А еще про войну и мир, жизнь и смерть, веру и надежду. Две самых диких и симпатичных русских спейсопера. Романы Олега Дивова – выдающиеся реконструкции современности. Истории, которые могли бы случиться с каждым. Автор – член Союза писателей России, Союза литераторов России и Совета по фантастике и приключенческой литературе при Союзе писателей России. «Лучший экипаж Солнечной» Книга, которую покупают уже 25 лет в коллекцию и на подарки. Новое издание – для тех, у кого «заиграли книгу». «Саботажник» Лауреат премии «Странник, 2002» / Крупная форма. Повести ранее были опубликованы. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176791-4

© Дивов О. И., 1998, 2001

© Эксмо, 1998, 2001

Содержание

Лучший экипаж Солнечной	7
Часть I	7
Часть II	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олег Дивов
Небо и Земля
(Сборник)

© Дивов О., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Лучший экипаж Солнечной

Часть I *Над землёй*

Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл были только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса. В принципе рабочую форму военного астронавта даже рекомендуется надевать иногда на голое тело. Лучше чувствуешь, как действуют усилители. Спецкостюм в какой-то степени оружие, и эффективно пользоваться им учатся годами. Ещё в костюме нельзя выходить за ворота наземных баз. Иначе, вздумай ты дать кому-нибудь в лоб, у противника отвалится голова, а тебе нужен будет протез кисти.

С пристёгнутыми ботинками костюм мгновенно превращается в скафандр: стоит только поднять капюшон и опустить маску. Ботинки Ива сунула под свой пульт. Астронавты любят на работе ходить босиком. Во-первых, пол на корабле стерильный, чуть подогретый и очень приятный на ощупь. Во-вторых, ботинки страшно тяжёлые. В-третьих, шляться по кораблю разутым категорически запрещено.

Но когда на борту такой бардак, что за подвижность отвечает женщина, у которой месячные начнутся с минуты на минуту, нести вахту можно хоть нагишом.

По сравнению с тем, что бомбардир Фокс третьего дня сломал нос старшему технику, это вообще не будет считаться за проступок.

Тем более что в сейфе малого оперативного штаба нашли канистру самогона.

И контроль отражателей барахлит.

А на дне бассейна какой-то самородок очень реалистично нарисовал активной краской двухметровый фаллос. Краска намертво въелась в покрытие, а бассейн такой здоровый, что выбрасывается только вместе с кораблём. И замазать эту порнографию невозможно, потому что сквозь другой цвет активная краска просочится, а в бассейне с радикально красным дном беззаботно плещутся только утопленники.

Под давлением таких печальных обстоятельств старпом Боровский, который ещё полгода назад скорее удавился бы, чем поставил на дежурство женщину в критические дни, только сказал: «Ты, Кенди, поаккуратнее, да?» А Кенди именно одного дежурства в этом месяце не хватало, чтобы в платёжной ведомости нарисовался лишний нолик.

Кенди-Конфетка в списках группы F значится как мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл. Ей тридцать лет, она стриженная под мальчика зеленоглазая блондинка и потрясая водит корабли. На парадном кителе у неё две Летучих Медали, Офигенный Лётный Крест и очень редкая для астронавта награда: Пурпурное Сердце. Это штука до того серьёзная, что острословы просто не придумали, как её обозвать. Дело в том, что военный астронавт почти никогда не бывает ранен. Он, как правило, сразу оказывается убит. И не столько наповал, сколько вдребезги, а то и в клочья. Потому что с дыркой в обшивке жить и воевать можно. А вот с дыркой в обшивке и дыркой в спецкостюме – это вряд ли. Это, как любит говорить адмирал Рашен, стопроцентный pizdets.

Во всей группе F кавалеров Пурпурного Сердца только трое. И все ходят на флагмане. Трёхзвёздный адмирал Рашен, он же командир «Тушканчика», старпом командер¹ Жан-Поль Боровский и мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл.

¹ Коммандер (здесь) – капитан третьего ранга.

Рашен получил Сердце в незапамятные времена, когда был по званию едва-едва капитаном и гордого прозвища Рашен ещё не носил. Кто-то там в него стрелял. Ну и он кого-то шлёпнул. А вот Боровский и Кенди схлопотали по медали вместе, три года назад, за вторую марсианскую кампанию. В составе призовой команды вели на базу трофейный бэттлшип «Энтерпрайз» и едва не стали жертвами диверсии. Здоровенная дура размером с Фобос неожиданно взбрыкнула и так об этот самый Фобос приложились, что пришлось её списать на металлолом. Боровский в момент рывка уже отстегнулся и стоял на ногах. Старпома размазало по стене, и в таранном ударе о спутник он участвовал пассивно, валяясь без сознания. А Кенди боролась за корабль до последней секунды, умудрилась-таки перевести удар из лобового в скользящий, и все было бы ничего, но тут у неё кресло сорвалось с креплений. Три ребра Кенди оставила на краю пульта управления и тридцать зубов – в маске спецкостюма. Заработала на память шрам под левой грудью, красивые зубы за счёт Адмиралтейства и медаль. И ещё, говорят, сам Рашен её на руках нёс и чуть не плакал. Только из этого Кенди удовольствия не извлекла, поскольку уже отдавала концы, и явился ей некто белый и пушистый. Так бы он её и увел к себе, если бы не гениальный спецкостюм и не отчаянный Рашен. Спецкостюм не дал Кенди мгновенно помереть от ударной деформации. А Рашен привел «Тушканчик» к Фобосу с такими бешеными ускорениями, что потом вся команда ещё неделю ходила, пошатываясь. Кстати, сам адмирал перегрузку «держит» плохо. Не мальчик уже, сорок шесть мужику. Но пожалей он себя и опоздай минут на двадцать – была бы у Кенди другая медаль и посмертно.

А теперь и война кончилась, и на вахту можно выйти босиком и без трусов, старшие офицеры лупят друг друга по морде, как сопливые курсанты, а в бассейне кто-то член нарисовал. Адмирал уехал вниз на совещание. Единственное позитивное событие – то, что над контролем отражателей колдует новый старший техник. Очень красивый мужик по фамилии Вернер. Такое у него лицо... Кошачье. «Зовите меня просто Энди, капитан». – «А вы будете звать меня Кенди, лейтенант? Энди и Кенди. А?..» – «Извините, капитан, я, кажется, допустил бестактность». – «Не берите в голову, лейтенант. Я просто хотела тонко намекнуть, что вы ещё не свой на „Тушканчике“. Получилось?» – «Получилось, капитан. Принял к сведению. Не считите за труд, отрубите питание вот здесь». – «Запросто... Энди». – «Спасибо, капитан».

Держится как ветеран. Лет примерно тридцать пять. Мог бы быть капитаном, но всего лишь лейтенант. А на груди планка. Одна-единственная медаль. Четвёртое на «Тушканчике» Пурпурное Сердце.

Ива рассеянно перелистнула на своем терминале несколько страниц женского романа (ещё одно злостное служебное нарушение) и отвернулась к большому, во всю стену, обзорному экрану. В боевой рубке экран такой, что дух захватывает. А здесь, в ходовой, просто большой.

«Тушканчик» летел над Россией. Внизу не было огней, и легендарная страна выглядела с орбиты пугающей в своей безбрежности чёрной дырой.

В углу Вернер одной рукой выбивал команды на «доске» мобильного терминала, а другой перебрасывал контакты. Работал он красиво и явно с удовольствием. А ещё красивее было то, как при каждом повороте головы скакал у него с плеча на плечо длинный, чуть не до лопаток, коричневый хвост, схваченный на затылке резинкой с кожаным чёрным бантиком. Волосы у Энди просто обалденные. Блестящие и холёные. Ива невольно залюбовалась ими, с сожалением подергала себя за чёлку и застыла, поражённая догадкой. На «Тушканчике» все мужики по окончании войны начали отпускать такие же хвосты по моде средневековых аристократов. В знак протеста: мол, вы решили армию распустить, а мы тогда будем ходить обросшие и небритые. Но пока ещё хвостики у ребят были куцы. А вот Энди... Оказывается, мастер-техник лейтенант Вернер очень давно не был в космосе. Как минимум – на боевых кораблях.

Ива как раз примерялась задать Вернеру какой-нибудь хитрый провокационный вопрос, когда в ходовую рубку, шлёпая босыми ногами, вошла Линда.

– Здорово, мать! – провозгласила она с порога. – Как жизнь половая?

В отличие от Ивы, Линда сейчас не дежурила, но тем не менее оказалась в трусах. Правда, больше на ней не было вообще ничего. Вернер бросил на Линду косой взгляд, неожиданно смутился и нырнул в свою машинерию аж по пояс.

– Жизнь нормально, – ответила Ива, исподволь разглядывая Линду и прислушиваясь к странным ощущениям где-то внутри. У Ивы не было гомосексуального опыта, и она не хотела признаться себе, что крупная и сильная белокурая Линда волнует её. Ива вдруг представила, как эта тяжёлая полная грудь с коричневыми сосками ложится ей на живот, большой жадный рот по очереди заглатывает целиком её маленькие острые груди, сильная рука широко раздвигает колени, и властные пальцы ударом, толчком входят в неё... Чтобы отогнать видение, пришлось зажмуриться и помотать головой. Конечно, в реальности ничего подобного случиться не могло, да Ива и не особенно этого хотела. Но от Линды сейчас шла такая мощная волна сексуальных эмоций, что не поддаться её настроению было просто невозможно.

– Ты чего морщишься? – спросила Линда. – Нездоровится?

– Да нет, – отмахнулась Ива. – Первый день. Грудь побаливает и вообще...

– А-а... Соболезную. Прими таблеточку.

– Да уже. Ты-то как, подруга?

– Мне уже таблетками не поможешь, – заявила подруга. – Вниз пора. Трахаться.

Вернер, который в этот момент осторожно выползал, пятясь, из недр контрольного пульта, крепко стукнулся затылком и что-то неразборчиво буркнул. Линда хищно уставилась на его ягодицы и машинально почесала зад.

– Ну, потерпи недельку, – сочувственно вздохнула Ива. Они были с Линдой в одной смене и через восемь дней вместе отправлялись вниз, то есть на Землю, на отдых и тренировочные курсы. В мирное время служба на кораблях группы F шла двухнедельными циклами. Четырнадцать дней наверху, сутки на пересменку и тринадцать дней внизу. И наверху, как правило, было не до мыслей о сексе. Да и модель отношений между астронавтами исторически сложилась не та. Экипаж – семья. Братья и сестры. Все друг друга любят, берегут, разве что пылинки не сдувают. Неуставные безобразия в группе F начались совсем недавно. Армия переживала глубочайший кризис, и людям приходилось нелегко.

– Через недельку как раз у меня месячные начнутся, – объяснила Линда. – Ну ладно, подруга. Вижу я, ты в порядке. Неси службу. Пойду, что ли, изнасилую кого-нибудь... – Она крепко хлопнула Иву по плечу, цыкнула зубом в сторону притихшего в углу Вернера и, демонстративно вихляя бёдрами, покинула рубку. Вернер уткнулся носом в монитор и деловито застучал по «доске». Ива любовалась его причёской. Потом вдалеке Линда заорала: «Здорово, отец! Как жизнь половая?!» Из коридора донеслись хохот и звучные шлепки по голому телу.

– Насколько я помню, на круизерах положен по штатному расписанию психолог, – задумчиво произнёс, не отрываясь от работы, Вернер.

– Он только что был здесь, – ответила Ива равнодушно.

Вернер обернулся и посмотрел на Иву в лёгком изумлении. Ива заметила, какие у него красивые глаза, и потупилась.

– Однако! – пробурчал Вернер.

– Она с нами всю вторую марсианскую кампанию прошла, – заметила Ива. – Ей буквально цены нет. Между прочим, Линда капитан.

– Кстати, о второй марсианской, – сменил тему Вернер. – Я всё хотел спросить... Откуда у вас Пурпурное Сердце, капитан?

– Воевала, – ответила Ива неожиданно сухим тоном. Ей даже стало немного стыдно. – А у вас, лейтенант?

– Болел, – отрезал Вернер и вернулся к работе.

«Обиделся, – подумала Ива. – Ну и дурак». Она снова отвернулась к экрану. В поле зрения показалась чудовищная туша висящего на геостационарной орбите мегадестроера «Джон

Гордон». Ярко-белую букву F на его необъятном черном брюхе можно было разглядеть с Земли в театральный бинокль. С помощью этой буквы «Гордон» выполнял значительную часть своей работы – напоминал, кто в мире хозяин. Увы, марсианские колонисты в своей безумной гордыне позабыли, что, имея бомбер над головой, лучше быть смиренными и послушными. А потом их пример заразил Венеру. И тогда бомберы перестали запугивать и начали бомбить.

Маленький «Тушканчик» на фоне «Гордона» выглядел сушей блохой. Но только выглядел. Потому что на «Тушканчике» (он же «Муад-Диб», он же «наш Махди», а то и просто «старина Пол») держал флаг командир группы F адмирал Рашен. А сам «Тушканчик» значился в реестре Адмиралтейства как круизер серии 100 «Пол Атридес».

Теоретически Рашен должен был ходить именно на «Гордоне» или на аналогичной дуре серии 105, даром что понастроили их достаточно. Но после одного прискорбного инцидента Рашен поклялся до пенсии летать на круизере, а слово его было крепко. Поэтому на «Гордоне» разместился контр-адмирал Задница со своим раздутым штатом планировщиков, аналитиков и прочих штабных писарей. А Рашен скакал на «Тушканчике» с его тесными каютами, минимумом удобств и небольшим экипажем – и ни на что не жаловался. Корабль, приспособленный ко входу в атмосферу, его вполне устраивал. Однажды такой круизер, «Лок фон Рей», спас ему жизнь. Это случилось ещё в первую марсианскую кампанию, Рашен был капитаном, и на «Фон Рее» он нырнул в Юпитер.

Дежурная смена тогда проворонила врага. Тот самый злосчастный бэттлшип «Энтерпрайз», на котором Ива билась о Фобос и который хронически всю войну переходил из рук в руки, зажал «Фон Рея» на траверзе Юпитера. Обложил самоходными минами, выпустил целое крыло² фэйтеров на перехват, отжал к поверхности и начал расстреливать. Деваться было некуда. Рашен спикировал в атмосферу и тонул в ней, пока висающие у него на хвосте фэйтеры не начали плющить, как консервные банки. Месяц «Фон Рей», кряхтя и стелая, провисел в жуткой пузырящейся каше, под многократной перегрузкой и на пределе своей прочности. Корабль пытку выдержал. Но здорово поломался экипаж. Того и гляди тебя раздавит, ты лежишь в полуобморочном состоянии и едва-едва дышишь, а где-то наверху барражирует здоровенный бэттлшип. И так день за днём. По-настоящему нормальными людьми из этой передраги вышли от силы десять человек во главе, разумеется, с несгибаемым Рашеном. Тех, кто начал трогаться рассудком, доктор накачивал депрессантами и заставлял уснуть. Сам доктор на двадцать восьмые сутки застрелился, потому что медикаменты у него вышли, а психика тоже истощилась, и он решил, что больше никому здесь не нужен. А на тридцатый день «Фон Рей» всплыл, как субмарина, шарахнул «Энтерпрайзу» по отражателям и к едрёне матери все их разнёс. Обошёл потерявшую ход махину по широкой дуге и рванул на базу. Рашен сдал в психушку экипаж, получил звание командера, Медаль За Наглость и новенький, с иголочки, «Эрик Джон Старк», систершип «Гордона». Но у Рашена после Юпитера в одночасье поседели виски. И на мегадестроер он не пошёл. Потому что этот корабль мог продырявить насквозь планету земного типа, но был не в состоянии войти в сколько-нибудь плотную атмосферу. А зачем нужны плотные атмосферы, Рашен сам уяснил и другим рассказал.

Кроме того, ему совсем не хотелось бомбить сепаратистов. Основной специальностью Рашена был космический бой, он атаковал, разрушал и захватывал корабли повстанцев. А мегадестроеры работали из космоса по поверхности, не разбирая, где там внизу армия ползает, а где просто люди живут. Так что какая слава его ждёт, прими он «Старка», Рашен очень точно вычислил.

И тогда начальник Рашена вице-адмирал Кениг повысил на него голос. При свидетелях он произнёс свою историческую речь, в которой раз десять кряду прозвучало: «Ах, ты, русский наглец!» И при тех же свидетелях Рашен ему ответил. «Все правильно, – сказал он. – Не

² Крыло (здесь) – дивизион, усиленный дивизион, реже – малая эскадра.

отрицаю, что наглец. И не отрицаю, что русский. Более того, горжусь своей русской кровью. И как русский офицер, заявляю: я всегда дрался по законам чести и намерен поступать так впредь. Дайте мне хороший корабль и прикажите сбивать плохие корабли. А на этой huevine ходите сами. И бомбите, сколько влезет. А если вам не нравится чьё-то происхождение, то, во-первых, это не по Уставу, а во-вторых, просто неприлично. И впредь, господин вице-адмирал, забудьте моё настоящее имя. Зовите просто – командер Рашен!»

Кениг схватился для начала за сердце, а потом за пистолет. Рашен был в спецкостюме и как раз уже примерился треснуть начальника по голове, что кончилось бы плачевно, но тут подал голос адмирал флота, покойный Хантер.

«Отстань от парня, Гуннар, – приказал он. – Ты не прав. А вы, командер, встаньте смирно. В рамках держитесь, ясно? Значит, так. Сейчас заканчивают ходовые испытания на ещё одном „сотом“. Для себя готовил. А отдаю вам. Звать корабль „Пол Атридес“. На таком дурака валять нельзя: имя обязывает. Идите и готовьтесь его принять, а заодно возьмёте под начало все силы прикрытия группы F. И сколотите мне из них такое лихое крыло, чтобы ни одна марсианская сволочь не отлипла от поверхности. И если через месяц хоть одна краснозая посудина будет летать, я вас разжалую и посажу. Всё ясно?»

«Так точно, господин адмирал флота, – отчеканил Рашен. – Разрешите доложить. Одна сволочь летать будет. Но плохо и недалеко».

«Это какая же?» – удивился Хантер.

«Да „Энтерпрайз“, будь он неладен», – напомнил Рашен.

Тут Хантер заржал и смеялся долго, наливаясь краской и хлопая себя ладонями по коленям.

«Ладно, – сказал он, отсмеявшись. – „Энтерпрайз“ пусть летает пока. Не до него. А теперь вы идите и воюйте хорошо... командер Рашен».

Так Рашен приобрел своё прозвище, которое приклеилось к нему накрепко. А «Энтерпрайз» доковылял до Марса только к самому концу войны и прибыл на орбиту донельзя лоляльный, с запертыми в карцере офицерами и весь обляпанный демаскирующей белой краской. Некоторое время он ходил под земным флагом, его даже собирались переименовать по-человечески. Потом решили, что бэттлшип морально устарел, отказались от капремонта и решили толкнуть на вторичном рынке. Но коммерсанты «Энтерпрайз» оплевали, сказав, что на корабле с такой потрёпанной ходовой частью нерентабельно возить даже мусор. Тогда разоружённый бэттлшип вернули марсианам, которые умудрились-таки его залатать и поставили новые пушки. В самом начале второй кампании «Энтерпрайз» захватила диверсионная группа землян и отогнала на Венеру. Как выяснилось, зря. Венериане провозгласили суверенитет и долго ещё пугали этим кораблём Землю. Затем «Энтерпрайз» у них отбили, позорно сдали марсианам, ещё какое-то время он воевал в поясе астероидов, пока не столкнулся во второй раз с войсками Рашена и не принуждён был сдаться. Оставленный повстанцами компьютерный вирус сыграл злую шутку с мастер-навигатором Иветтой Кендалл, и на этом история «Энтерпрайза» завершилась...

«Тушканчик» прошёл от «Гордона» в сотне километров, и громадная машина смерти бросила Иве на терминал дежурное ОК. Компьютер сам дал подтверждение – молодцы, несите службу, – и на этом обмен любезностями завершился. А в боевую рубку ввалился, в окружении клубов сизого дыма, Фокс. Изо рта у него торчала квадратная в сечении гавана внушительной длины. Под левым глазом бомбардира красовался фиолетовый синяк. И ботинки он, разумеется, где-то забыл.

– Привет, Конфетка! – промычал Фокс, вынул сигару изо рта и пошёл к Иве, широко улыбаясь. – Дай-ка я тебя, солнышко, облизну!

Ива засмеялась, позволила Фоксу отечески чмокнуть себя в макушку и в ответ потрепала по толстой щеке. За последние несколько месяцев склонного к полноте Фокса здорово разнесло. Комбинезон на нём так и топорщился.

Должность у Фокса была «старший эксперт по огневому взаимодействию». Поэтому иначе как бомбардиром его никто не называл.

– Салют, Андрэ! Как твоё самочувствие? – спросил Фокс у Вернера. Эту фразу он произнёс по-французски, чтобы подчеркнуть обращение на ты. Ива удивлённо подняла брови. Ей и в голову не приходило, что Вернера на «Тушканчике» кто-то может давно и хорошо знать.

– Спасибо, Мишель, порядок, – бросил через плечо Вернер. – А ты почему всё ещё с синяком?

– Я его ношу как орден, – гордо ответил Фокс. – Ну, как там у «старика Пола» с отражателями?

– Похоже, заводской брак в одном блоке. Ничего серьёзного. А тебе-то что? Наше дело рулить, твоё дело бомбить... Меньше хода – прицел чётче.

– Мне до всего есть дело, – сообщил Фокс. – Я «старика Пола» люблю всем сердцем. Меня беспокоит любая мелочь. Даже то, что у нашей Линды сексуальный психоз. Конфетка, у тебя был когда-нибудь сексуальный психоз?.. Кстати, ребята, какая из вас получится классная пара! Энди и Кенди!

Ива поманила Фокса пальцем и, когда тот к ней нагнулся, крепко схватила его за нос.

– Ой, де дадо! – взвыл бомбардир. – Я больше де буду!

– Так его, болтуна... – одобрил экзекуцию Вернер.

Ива отпустила нос бомбардира и поймала Фокса за воротник, чтобы не сбежал.

– Ты откуда его знаешь, Майк? – прошипела она Фоксу на ухо.

– А что? – шёпотом удивился Фокс, растирая покрасневший нос. – Энди ходил на «Фон Рее». Мы оба из первого экипажа Рашена. Просто меня сразу послали на переподготовку, и я не успел... э-э... Короче, ничего не успел. А Энди... Видела у него планку Сердца? Вот так-то.

– А-а... – протянула Ива многозначительно, ничего толком не поняв.

Фокс распрямился, воткнул сигару в рот и упёр руки в бока.

– На «Тушканчике» теперь просто уникальное общество, – сказал он в полный голос. – Целых четыре Пурпурных Сердца и аж двое русских. Про нас ещё песни сложат. И легенды.

– А кто второй русский? – удивилась Ива.

– Да вон! – Фокс указал сигарой в сторону Вернера.

– Слушайте, Эндрю, он это серьёзно? – не поверила Ива.

Вернер чем-то звонко щёлкнул, с довольным видом подбросил на ладони дефектный блок и задвинул на место контрольную панель. Небрежно швырнул блок в сумку с инструментами, уселся на кресло верхом, сложил руки на спинке и опустил на них подбородок. И посмотрел Иве прямо в глаза, да так, что она впала в окончательное замешательство.

– А почему бы и нет? – спросил он.

– А-а... – в очередной раз сказала Ива.

– А фамилия у него такая для маскировки, – объяснил Фокс. – Чтобы не приставали.

– Трепло, – усмехнулся Вернер. – Вы не слушайте Майка, капитан. Фамилия у меня родная. Предки мои были из обрусевших немцев. И жили Вернеры в России начиная с семнадцатого века и вплоть до самой Заварухи. И потом тоже скрещивались только с чистокровными русскими. Так что я русский на сто процентов. Как адмирал Рашен.

– Кстати, у Рашена тоже имя... – заметила Ива.

– Вполне русское, – не согласился Фокс. – Алекс Успен. Чем тебе не нравится?

Вернер не удержался и прыснул.

– Что такое?! – возмутился Фокс. – Какого чёрта сегодня все надо мной издеваются?! Одна ненормальная за яйца хватает, другая за нос, теперь ты ещё...

– Ну ты даешь, Майк, – сказал Вернер. – Адмирала зовут Oleg Uspensky.

– Быть не может, – отмахнулся сигарой Фокс. – Фамилии на «ский» все еврейские. Как у нашего Жан-Поля.

– Могу открыть штатное расписание, – предложила Ива, кладя руку на контакты своего терминала. – Пока Майк и вам нос не сломал. Вы с ним поосторожнее, Эндрю. Он у нас тот ещё задира.

– Ему не сломаешь, – хмыкнул Фокс и снова окутался клубами дыма. – Ну давай, не тяни, делай запрос. На что спорим?

– Не будет запроса, – сказала Ива, глядя на монитор.левой рукой она выбила дробь на контактах, а правую сунула под пульт и вытащила ботинки.

– Ох, мама! – воскликнул Фокс. – Где моя обувь, вы, астронавты?! Никто не видел мои башмаки?! Куда же я их... – и опрометью выскочил в коридор, чуть не сбив с ног старпома Боровского.

Ива поспешно обувалась. Вернер со спокойной улыбкой смотрел, как на обзорном экране растёт, приближаясь, адмиральский катер.

– О, Жан-Поль! – обрадовался в коридоре Фокс. – Ты ведь еврей?!

– Ну... – хмуро ответил Боровский.

– Фамилии на «ский» все еврейские, ведь так?

– Слышь, ты, поц, – сказал Боровский. – Где твои ботинки?

– Виноват, – пробормотал Фокс и убежал по коридору.

Боровский вошёл в рубку и остановился посередине, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок.

– Бар-р-дак! – прорычал он, ни к кому специально не обращаясь.

Вернер подобрал сумку и встал.

– Контроль отражателей в норме, – доложил он.

– А, – сказал Боровский, как будто только что заметил Вернера. – Здравствуйте, Эндрю. Хотя кто-то здесь в состоянии за что-то отвечать. Ну, и?..

– Видимо, дефектный блок. Сейчас я его протестирую на своей машине и тогда смогу дать полное заключение.

– На диверсию не похоже? – неожиданно спросил Боровский. Ива, услышав это, подпрыгнула в кресле и обернулась.

– Не похоже, – ответил Вернер, ощутимо понизив голос. – А что?

– Да так, – Боровский неопределённо шевельнул бровью. – Пришёл снизу меморандум о профилактике возможного саботажа. Это, конечно, совершенно не моё дело, но если бы меня спросили... М-да. Вот я и спрашиваю: не похоже?

– Знаете, командер, – сказал Вернер без тени юмора в голосе, – по-моему, в Адмиралтействе у кого-то поехала крыша. А вы – рады стараться.

– Сам-то когда из психушки вышел?! – окрысился Боровский.

– Да я там, может, и вовсе не был... – пробормотал Вернер обескураженно.

– А я – был, – веско сказал Боровский. – И многому научился. Поэтому я всегда помню, что на «сотках» до полутора тысяч деталей, отказ каждой из которых приводит к потере боеспособности корабля. А ещё я помню, что на «Тушканчике» сто человек экипажа. И все основательно тронутые. Во главе с психологом, которая только что хватала меня за яйца. Спрашивается – что ей стоит отвинтить какую-нибудь елду на оружейной палубе и засунуть себе в ...? Может, «Тушканчик» без этой елды и не развалится, но...

– Раз вы такой ответственный, подарите ей вибратор, – посоветовал Вернер.

– Да у неё этих вибраторов два ящика. Ей по штату положено. Не в том дело. Ты пойми меня правильно, Эндрю. Мы с тобой здесь отвечаем за боеспособность. Только мы. Ну, ещё твои пятеро шлимазлов, но с них спросу никакого. А больше никто. Ни Кенди, ни тем более

этот толстожопый Фокс. Даже адмирал Рашен ни за что на «Тушканчике» не отвечает. Сломать корабль они все могут, это им только дай. А потом спросят. И с кого? С нас. Понял? Так что давай, шевели мозгами. Тем более ты русский...

Ива смотрела, как причаливает адмиральский катер, слушала бредовый разговор за спиной и качала головой. С Вернером она была не согласна. Крыша ехала не только у чиновников Адмиралтейства. На «Тушканчике» тоже потихоньку дурели все. Не исключая старпома Боровского.

– Слушайте, Жан-Поль, – сказал Вернер. – Я вас понял. Все будет ОК. Только вы не расстраивайтесь так.

– Я даже твоего личного дела не видел, – вдруг сказал Боровский с непонятной тоской в голосе.

– А вам и не положено, – неожиданно жёстко заметил Вернер.

– То-то и оно... – вздохнул старпом. – Дежурный! – рявкнул он себе в воротник, туда, где торчал микрофон. – Не слышу доклада!

– У вас же наушника нет, Жан-Поль, – сказал Вернер тихонько.

Боровский пронзил техника безумным взглядом и принялся хлопать себя по карманам в поисках наушника.

– Возьмите, – Вернер протянул старпому маленькую чёрную фишку. – Это мой резервный.

Боровский что-то промышчал, схватил фишку и запихнул её в левое ухо.

– Дежурный! – заорал он.

– Что-нибудь случилось, Жан-Поль? – спросил из коридора глубокий и ровный голос.

Боровский судорожно отпрыгнул с прохода и принял строевую стойку.

– Никак нет! – отрапортовал он.

– Это хорошо, – сказал адмирал Рашен. – Добрый день, Иветта. Zdravstvui, Andrey.

– Zdravstvuite, Oleg Igorevich, – сказал Вернер и почтительно склонил голову.

– Как ты здесь? – спросил Рашен, переходя на французский и протягивая Вернеру руку. – Привыкаешь? Не обижают?

– Его обидишь, – ответил за Вернера Боровский. – Он сам кого хочешь обидит до слёз.

– Всё нормально, драйвер, – улыбнулся Вернер, пожимая крепкую руку адмирала.

– Отражатели починил?

– Да ничего там не было, драйвер. Ерундовая потеря контакта.

– Разберёшь «старика Пола» по винтику и соберёшь. Ясно?

– Да, сэр.

– Коммандер Боровский тебе всё обеспечит.

– Да, сэр! – хором ответили старпом и техник.

– Вопросы?

– Да, сэр, – сказал Вернер. – Коммандер Боровский обеспокоен тем, что не видел моего личного дела.

– И ничего я не обеспокоен... – пробормотал Боровский, опуская глаза.

– Пусть он лучше обеспокоится тем, что у него по кораблю голые бабы разгуливают, – сказал Рашен.

– Застрелю психопатку... – прошипел Боровский. – Застрелю и в жопу трахну.

Рашен сделал нижней челюстью жующее движение и посмотрел на старпома очень внимательно.

– А может, в обратной последовательности?

– Виноват, сэр, – сказал Боровский, глядя в пол. – Разрешите удалиться?

– Через полчаса зайдёшь ко мне, – приказал Рашен. – И к Линде не суйся. Я с ней уже поговорил. Хватит с неё. Ладно, Andrey, ты работай по своему расписанию, я потом тебя найду. По местам, астронавты. Не развалите тут всё окончательно.

Вернер и Боровский, щёлкнув каблуками, скрылись в коридоре. Рашен подошел к пульта Ивы и устало повалился в кресло слева от неё.

Ива украдкой посмотрела на адмирала. Ей всегда нравилось его волевое и умное лицо. Но теперь под глазами Рашена запали тени. И глаза эти, обычно такие острые, живые, а зачастую даже злые, казались мёртвыми. А седая чёлка и серебристые виски окончательно превратили адмирала в старика. Раньше Иву так и тянуло прикоснуться к Рашену или хотя бы сказать ему что-нибудь хорошее. Но развалина, которая сидела рядом сейчас, не вызывала желания приласкать её.

– Пожалуйста, вызови Задницу, Иветта, – пробормотал адмирал, потирая ладонью глаза.

– Да, сэр. – Ива набрала команду, быстро переговорила с дежурным «Гордона», и через минуту на мониторе появилась костлявая физиономия контр-адмирала Эссекса.

– Здравствуй, Фил, – сказал Рашен. – Ты мне нужен. Сможешь подвалить часам к семи?

– Один? – спросил Задница.

– Да. Бутылку только возьми и подваливай. Думать будем.

– А может, ты ко мне? Моя охрана у тебя на борту не поместится.

– А ты всех не бери.

– Ну, Алекс, чего тебе стоит...

– Фил, кончай ныть. Ты уже старый хрен, а всё ломаешься, как не знаю что... Я сказал «подваливай», значит, подваливай.

– Сам ты старый хрен. Будет исполнено, сэр, – и Задница дал отбой.

– Всё-таки он действительно Задница, – заключил Рашен. – А представляешь, Иветта, ходили бы мы с тобой сейчас на «Старке». Или на том же «Гордоне». Бассейн – двадцать пять метров! Теннисный корт. Зона психологической разгрузки... Санаторий. То-то Задница вниз не стремится. Ему и так хорошо.

– Наш кораблик самый лучший, – сказала Ива. – И мы тоже классные парни и хорошие астронавты.

– Угу, – кивнул Рашен. – Только кроме нас этого почему-то никто не понимает. Да и сами мы, честно говоря... Слушай, детка, ты мне доложить ничего не хочешь?

– А что докладывать, сэр? – удивилась Ива.

– Воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, – продекламировал Рашен. – И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав... А я ведь, кажется, целый адмирал...

– Можно вопрос, драйвер? – спросила Ива, игнорируя намёк.

– Хоть дюжину. Но сначала ты мне доложишь, как полагается. Что тебе, жалко? Уважь старика.

– Господин адмирал, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Дежурный навигатор капитан-лейтенант Кендалл, сэр, – лениво пробубнила Ива. – И ничего вы не старый.

– Я говорю, что старый, значит, старый. Ну, чего тебе?

– Сэр, вам никто ещё не говорил, что через пару месяцев такого бардака мы уже не сможем работать?

– Знаешь, Кенди, ты действительно забыла, что я адмирал.

– Сэр, люди не хотят больше служить. Даже хуже, чем не хотят, – не могут. И деваться им некуда. Я когда в прошлый раз внизу была, так и не рискнула выйти за ворота базы. Просто боюсь, что земляне со мной сделают что-нибудь нехорошее. Вы слышали, одну девчонку из десанта изнасиловали и убили?

– Они её потом очень ловко надели на громоотвод, – сказал Рашен. – А на животе у неё было выжжено: «murder». Сам видел. А ты чего хотела? Чтобы её искупали в шампанском? Убийца, он и есть убийца.

– Сэр, я вас не понимаю, – сказала Ива упавшим голосом.

– Говорю же, милая, я всё-таки адмирал.

– Объясните, сэр.

– Я знаю в сто раз больше твоего. И в подробностях. Кроме того, я не только знаю, что происходит, но и догадываюсь, зачем это делается. Нас с тобой, милая, хотят сжить со света. И делают это самым эффективным способом – разлагая флот изнутри. Мы больше не нужны, понимаешь?

– Ох... – выдохнула Ива. – Что же делать, сэр?

– Ждать, – сказал Рашен жёстко. – Сидеть и ждать моего приказа.

– Чует моё сердце, – пробормотала Ива, – что долго мы не высидим.

* * *

– Ну что, Andrey? – спросил Рашен вместо приветствия. – Как себя чувствует наш «Махди»?

– Кто? – удивился Вернер.

– Классику надо знать, – упрекнул Рашен. – Присаживайся.

– Спасибо, – Вернер уселся напротив адмирала и прищурился на него одним глазом, вспоминая. – Махди – это Пол Атридес, да?

– Угу, – Рашен кивнул. – У нашей славной группы F в чести народный фольклор. Набрал я себе помощничков, век бы их не видеть. Искал умных и начитанных, а теперь ловлю себя на мысли, что лучше бы они были тупые и необразованные. Особенно штаб – просто одно расстройство. Что ни день, то какой-нибудь молодой талант берётся тонко пошутить. Скажет пару слов с умным видом и шуруется на меня, вот как ты сейчас. А остальные и рады бы засмеяться, да совестно – жалеют старого дурака...

– Oleg Igorevich, с чего вы взяли, что вы старый? – искренне удивился Вернер.

– Ощущение, – сказал Рашен и неопределённо помахал ладонью в воздухе. – Знаешь, после того паскудного случая у Юпитера... Первые дни, когда мы только на базу пришли, я ещё от шока отходил и чувствовал даже подъём какой-то. А после... Устал. Надорвался я, Энди, понимаешь? Вот целых десять лет и живу в надорванном состоянии. Ладно, что там по твоей части? Какие новости?

– Так я вам послал, – Вернер указал подбородком на терминал.

– Да? Что-то не заметил. – Адмирал повернулся к монитору, но руки на контакты положить не успел. Потому что Вернер подался вперед и сунул прямо на контактную доску кусок белой ткани. Рашен опустил глаза и весь сморщился.

Вернер умел писать от руки – именно писать, а не только расписываться. Довольно редкое качество, характерное больше для учёных или представителей малых народов с угасающей культурой. В экипаже «Тушканчика» таких грамотеев было трое. Рашен хорошо писал по-французски и по-русски, Линда вполне сносно выводила английские слова, а Боровский уверял, что свободно пишет на пяти языках, но замечен в этом ни разу не был. В принципе, искусство каллиграфии отмирало. Рисовать буквы руками стало незначем. Учащиеся младших классов на стандартной контактной доске выколачивали до трёхсот знаков в минуту. А техник уровня Вернера – все шестьсот. Но Вернер был русским и умел держать в руках стило. И сейчас написал такое...

– Та-ак, посмотрим, – сказал Рашен, для порядка выводя на монитор докладную о результатах первичного техосмотра корабля. Правой рукой он разгладил белую тряпку, оказавшуюся

кусом форменной майки. И чем дальше читал печатные буквы, аккуратно выведенные графитным стержнем, тем сильнее морщился.

«Система оповещения – в режиме микрофона, – писал Вернер. – Сигнал идёт вниз постоянно на кодированной волне. Передатчик зашит под обшивку на техпалубе».

Рашен машинально посмотрел на потолок. Динамики системы оповещения стояли по всему кораблю. На какую-то секунду адмиралу стало просто нехорошо: он вдруг ощутил себя до такой степени голым, будто с него содрали кожу. Пришлось зажмуриться и сосчитать до десяти. А потом открыть глаза и снова читать.

«Блокиратор главного ствола управления огнём, – прочёл Рашен. – Вживлён намертво. Приёмного устройства пока не нашёл».

– Ты блестящий специалист, Andrey, – скорее выдавил из себя, чем сказал, Рашен. – Я очень рад, что взял тебя в экипаж.

– Мастерство не пропьёшь, – невесело заметил Вернер. – Вы дальше посмотрите, Oleg Igorevich.

– Куда уж дальше! – усмехнулся Рашен. По главному стволу управления огнём шла большая часть телеметрии оружейной палубы. В том числе и те группы команд, что управляют орудиями с ядерной накачкой. Большими импульсными лазерами, в огненных плевках которых растворяются файтеры и запекаются дестроеры. Если бы у Рашена стояли такие пушки на «Фон Рее» десять лет назад, фиг бы он нырял в Юпитер, изображая подводную лодку.

«Автономная иницилирующая схема аварийного глушения реактора. Приёмника тоже пока не нашёл».

Рашен откинулся в кресле и сложил руки на груди. Это был конец. Флагман группы F больше ему не принадлежал. Достаточно кому-то, по чьей воле в нервную систему корабля вживлены лишние устройства, нажать кнопку – и «Пол Атридес» станет грудой металлолома, не способной толком ни полететь, ни выстрелить. Она сможет только сбросить аварийные модули и приземлить экипаж. А там, внизу, его уж встретят...

Рашен протянул руку, и Вернер вложил в его пальцы кусок графита. Адмирал перевернул тряпку, вывел в уголке вопросительный знак и вернул импровизированные карандаш и бумагу Вернеру.

– По интересующим вас пунктам, – сказал Вернер самым беззаботным тоном, – мне понадобится около месяца. С первым справлюсь за неделю, с остальными двумя придётся думать.

«Если не справлюсь – устроим пожар на техпалубе и поставим аварийный комплект», – написал он и перепаснул тряпку адмиралу.

Реакция адмирала была вполне естественной для астронавта: едва прочитав, он скомкал послание и запихнул его в утилизатор. Вернер дернулся было спасти тряпку, но опоздал. Рашен посмотрел на него и покрутил у виска пальцем. Вернер развёл руками.

– М-да, – сказал Рашен. – Ну что ж, Andrey. Работа проделана серьёзная. Надеюсь, с тем, что осталось, ты справишься в заявленные сроки. Должен признаться, я думал, проблем у нас гораздо меньше. Но приятно слышать, что неполадки устранимы без помощи извне.

– У меня же пять человек, – напомнил Вернер. Рашен тут же показал ему кулак, и Эндрю понимающе кивнул.

– Ладно, – сказал Рашен. – Благодарю за службу. Вопросы есть?

– Никак нет, сэр. – Вернер поглядел на потолок, выразительно ткнул пальцем в сторону утилизатора, где скрылась тряпка, и погрозил им адмиралу. Наверное, вопросы остались, но Рашен, едва прочитав о пожаре, испугался. Даже на субмарине пожар менее опасен, чем на космическом судне. От такой идеи не стыдно было и потерять контроль над собой.

Рашен хмыкнул и расстегнул нагрудный клапан спецкостюма, демонстрируя ослепительно белую футболку. Вернер махнул рукой – мол, не надо – и поднялся.

– Разрешите идти?

– Разрешаю заходить в любое время, – сказал адмирал. – И не забудь, старпому Боровскому приказано содействовать тебе в части, его касающейся. Пока, Andrey.

– До свидания, – сказал Вернер, подмигнул и вышел за дверь.

Адмирал повернулся вместе с креслом, набрал команду на замке сейфа, просунул в него руку и схватился за бутылку самогона, как утопающий за спасательный круг.

* * *

Отвергая духовное наследие предков, как не оправдавшее себя и чуть было не погубившее Землю, человечество тем не менее не хоронило старые добрые технические идеи. Поэтому «Тушканчик» был сконструирован по принципу русской матрёшки и мог позволить себе такую роскошь, как искусственная гравитация за счёт раскрутки одной из оболочек. Безусловно, инженеры предпочли бы менее замысловатое решение проблемы. Да и корабль получился великоват в поперечном сечении, попросту толст. Гравигенератор, лёгкий и компактный, вписался бы в схему круизера серии 100 как нельзя лучше. Но, увы, управлять гравитацией люди пока не научились. И ходил корабль на традиционной ядерной тяге, и команды из боевой рубки шли не к каким-нибудь заковыристым искривителям пространства, а к банальным импульсным пушкам. Так что единственным революционным новшеством, отличавшим «Тушканчик» от прочих боевых единиц группы F, был фаллический рисунок на дне рекреационного бассейна.

Вращающаяся оболочка корабля в просторечии именовалась «рабочей зоной». Она делилась поперёк на так называемые палубы, где и проходила вся жизнь экипажа. В распоряжении астронавтов всегда имелся чуть заметно вогнутый пол и более явственно выгнутый потолок. Хочешь – прыгай, хочешь – падай, если очень хочешь – лезь на стенку. А вот кувыряться в невесомости тебе незачем. Чинить силовые коммуникации и пушки, смонтированные в «разгруженной» зоне, ты всё равно не умеешь. На это есть техники, вот им и положено уметь летать. У них даже завелось своё профессиональное заболевание: «синдром лётчика».

Разумеется, все испытывали кратковременную невесомость по пути от причальных шлюзов до рабочей зоны, но её частично компенсировали электромагниты, присасывая к полу стальные пластины в подошвах форменных ботинок. Вдобавок магнитный пол исправно подбирал из воздуха бесхозные железки. Полная невесомость считалась чересчур коварной штукой, чтобы позволить ей резвиться на военном корабле. В качестве примера Рашен рассказывал байку про то, как лет пятьсот назад русские астронавты искали на своей крохотной станции гаечный ключ, чтобы закрыть крышку переходного отсека и улететь вниз. Ключ был, конечно, на привязи и деться никуда не мог, но взял да испарился. Примерно через сутки астронавты заметили какую-то верёвку, потянули за неё и вытащили ключ из-за заглушки на щите электропитания, поставленной специально, чтобы туда не залетел металлический предмет.

Ещё Рашен вспоминал, как по молодости лет учинил на «Фон Рее» тренировку на невесомость. Конечно, у него хватило ума не тормозить рабочую зону – Рашен просто вывел людей полетать в центральный ствол. Вернулись астронавты назад все заблёванные, а ствол ещё долго продували сжатым воздухом с дезинфицирующей эмульсией.

Короче говоря, жизнь на «Тушканчике» шла в полном согласии с земной физикой. Именно поэтому на пятый день пребывания в экипаже флагмана лейтенант Вернер умудрился буквально, безо всяких обиняков, свалиться на голову капитан-лейтенанту Кендалл.

По корабельному времени был уже поздний вечер, Ива только что вышла из душевой и направлялась к себе в каюту – розовый халатик на голое тело, голова обмотана полотенцем, взгляд блуждающий, настроение самое что ни на есть благодушное, все рефлексy на нуле. Вдруг сверху раздался натужный скрип, и пока Ива соображала, что бы это могло значить, с потолка градом посыпались болты. Затем по голове несильно ударило лёгкое и пластмассовое.

Тут Ива подняла глаза, и в этот момент на неё с неразборчивым французским проклятьем рухнуло восемьдесят кило живого веса.

– Тысяча извинений, капитан, – пробормотал Эндрю, отползая задом на четвереньках. – Даже не знаю, что и сказать. Вы как? Я вас не очень... того?

Ива села, прислонилась к стене и подобрала слетевшее с головы полотенце.

– Отвернись! – приказала она, заново сооружая из полотенца чалму.

– Я не нарочно, – объяснил Эндрю, глядя вверх. – Панель выпала. Какой-то умник очень хорошо её закрепил. Ползу себе, никого не трогаю... Я вас правда не ушиб?

– Ты-то живой? – поинтересовалась Ива.

– Вроде бы. – Эндрю поднялся на ноги и нагнулся к Иве. Он был в лёгкой рабочей куртке с закатанными до локтей рукавами, и Ива увидела на его левом предплечье извилистый белый шрам. Руки у Вернера были не по-мужски изящные, с тонкой кистью и длинными красивыми пальцами. Но поднял он Иву с пола легко, как пушинку.

– Где это тебя угораздило? – спросила она, показывая глазами на шрам. – На «Фон Рее»?

– Да. Только ничего героического. Производственная травма. Ползал по магистрали, вот как сейчас, и зацепился.

– Что же ты его не зарастил?

– Не знаю... Всё-таки память. И девочкам нравится.

– Ага, – кивнула Ива, посмотрела Эндрю в глаза и отвела, опустила взгляд. Вернер не был особенно крупным мужчиной, но сейчас он казался Иве просто огромным. Сильным и надёжным. Он окружал её собой, защищал и все ещё мягко придерживал за плечи. Видно было, что ему нравится так стоять. Вплотную. А глазами он Иву просто ел.

– Я вас правда не ушиб? – в очередной раз спросил Эндрю.

– Правда, – еле слышно сказала Ива, мучаясь вопросом: он её сейчас поцелует или всё-таки постесняется и отложит на потом. Никогда раньше ей не хотелось, чтобы её поцеловал мужчина, с которым она разговаривала второй раз в жизни. Во время отдыха внизу ей случилось по пьяни отдаваться совершенно незнакомым людям, но это все были астронавты, свои парни, чистые душой и телом, как пол на «Тушканчике», разве что не стерильные. А Вернер, хоть и тоже астронавт, «своим» не был. За его спиной притаилась тайна, и его отделял от Ивы невидимый барьер. Перед этим человеком не хотелось обольстительно изогнуться. А хотелось скромно потупить глаза, уронить безвольно руки и надеяться, что ты достаточно хороша, чтобы он лишил тебя невинности. Разумеется, не сейчас. Много после. Но вот хотя бы поцеловать...

Ива встряхнулась, не без труда пришла в себя и снова посмотрела Вернеру в глаза, на этот раз прямо и смело.

– Кто ты? – спросила она.

Эндрю отпустил её и непроизвольно сложил руки на груди.

– Меня зовут Эндрю Вернер, – сказал он с лёгкой усмешкой на губах. – Возраст тридцать шесть, рост сто восемьдесят, вес семьдесят девять. Имею правительственные награды. Очень хороший техник. Очень скромный и застенчивый человек. Даже чересчур застенчивый...

– Это заметно, – подтвердила Ива. – А всё-таки, кто ты? Что ты здесь делаешь?

– Падаю на голову красивым женщинам.

– Не валяй дурака... Энди.

– Но вы действительно очень красивая женщина, капитан. Во всяком случае, на мой вкус.

– Особенно сейчас, – заметила Ива, машинально поправляя на голове полотенце. – Значит, не хочешь отвечать?

– Сожалею, но мне нечего ответить, – сказал Эндрю очень мягко, почти ласково. – Вы меня за кого-то принимаете... За героя какого-то. Из женского романа. А я просто свалился вам на голову. Сначала испугался, а теперь вот... Даже не знаю. Рад, наверное. Я ведь скучал по вас...

– Если не можешь обращаться ко мне на ты, давай перейдём на английский, – предложила Ива. – Или у русских положено сначала выпить на брудершафт?

Вернер откровенно смутился. Получалось у него это обворожительно.

– Я не знаю, что на этот счёт положено у русских, – сказал он. – Но выпить я с вами... с тобой готов в любое время.

– Тебя тормозит, что я старше по званию? – не унималась Ива.

– Тьфу! – Вернер повернулся на каблуках, и когда лицо его снова оказалось у Ивы перед глазами, было оно уже совсем не смущённым, а заразительно улыбалось. – Да ничего меня не тормозит! Я просто с тех пор, как тебя увидел, только о тебе и думаю!

– Молодец! – похвалила Ива, крепко хлопнула Эндрю по плечу и, повернувшись к нему спиной, царственно поплыла по коридору.

Эндрю восхищённо смотрел ей вслед.

* * *

Адъютант контр-адмирала Задницы сгибался под тяжестью здорового кофра с оборудованием.

– Здравсте! – выдохнул он, роняя кофр на стол. – Всё как заказывали. С горячим приветом от моего патрона.

– Не любит он тебя, Изя, – сказал Рашен. – Не бережёт.

– Это точно, – согласился Изя, откидывая крышку и извлекая из кофра цилиндрический сосуд с бурой жидкостью.

– Посуду на стол, технику в угол, – распорядился Эссекс, возникая на пороге. – Здравствуй, Алекс. Стаканы где?

– Да вот стаканы, не переживай. Изя, ты бы, действительно, убрал со стола этот ящик.

– Минуту, – сказал Изя, запуская руки в кофр и щёлкая рычажками помехопостановщика. – Дайте машину на режим вывести.

– Ой! – Рашен скривился. У него вдруг прихватило зубы и ломануло поясницу. Это Изя что-то у себя в кофре перекрутил. – Полегче!

– Сами-то не умеете... – проворчал Изя, вглядываясь в аппаратуру и недовольно морщась. – Пардон. Эта штука буквально на честном слове держится... Момент.

Эссекс вытер слезящиеся глаза и уселся за стол напротив Рашена.

– Ну? – спросил он недовольно. – Долго ещё терпеть?

– Да сейчас же! – обиделся Изя. – Я вам что, техник? Я вообще в этой электронике ни бум-бум...

– Бум-бум у тебя хорошо получается, – заметил Рашен. – У меня сейчас зубы выпадут.

Изя что-то с усилием провернул в кофре, и затопившее каюту электричество рассосалось. Помехопостановщик вышел на режим.

– Вот, – сказал Изя, доставая круглую чёрную коробочку и протягивая её Рашену. – Вы лучше пока заглушку поставьте.

– Ну, ты обнаглел! – восхитился Рашен, но заглушку взял, отодвинул в сторону бутылку и стаканы и полез на стол. Дотянулся до решётки, под которой прятался динамик громкой связи, и прилепил коробочку к потолку. – Так? – спросил он.

– Левее. Ага, правильно. Спасибо.

– Да не за что. Заходите ещё. – Рашен легко, по-молодому, спрыгнул на пол. – Как детишки, Изя?

– Растут. – Изя вздохнул. – Денег просят. Я говорю, куда вам столько – вы их что, едите? Нет, говорят, мы их в задницу сеем...

– А ты чего ждал? – удивился Рашен. – Семья, дружище, это просто фабрика по уничтожению денег...

– Слушайте, вы... евреи! – взорвался Эссекс. – Может, я пойду?! Может, вы без меня обойдётесь?!

– Нет, Фил. К сожалению, без тебя не получится. Ну что, Изя? Можно уже говорить по душам?

– Угу, – Изя кивнул, с демонстративной натугой оторвал кофр от стола и поставил его в угол. – Разрешите идти?

– Брысь отсюда! – рявкнул Эссекс.

– Вы свободны, капитан Мейер, – произнёс Рашен величественно. – Медаль вам пришлют на дом.

– Лучше деньгами, – буркнул Изя и вышел.

– Ну, Алекс, наливай! – скомандовал Эссекс. – Na zdrowie!

– Na zdrowie, – кивнул Рашен.

Несколько минут командование группы F просидело в благоговейном молчании, дегустируя напиток.

– Отрава, – сказал наконец Рашен. – Пойло.

– По-моему, тоже, – согласился Эссекс. – Ну, зачем позвал? И к чему такая секретность?

– Этот корабль мне больше не принадлежит, – заявил Рашен.

– То есть? – насторожился Эссекс.

– Громкая связь работает как микрофон, – объяснил Рашен. – Каждый пук из моего сортира фиксирует какая-то сука внизу.

– Подумаешь! – сказал Эссекс с видимым облегчением. – Открытие! У меня на «Гордоне» то же самое.

– А блокировка реактора у тебя есть?! – спросил Рашен агрессивно. – А отсекагель на стволе управления огнём?! А?!

– Ничего себе... – пробормотал Эссекс. – Вот хреновина... Приёмники нашёл?

– Пока нет. Найду, не беспокойся. Но что нам делать теперь, Фил?

– Наливать и пить, – сказал Эссекс. – Проклятье! Завтра же прикажу своим технарям... Тьфу!

– Вот именно, – кивнул адмирал, разливая «отраву» по стаканам. – Я старшего техника уже поменял. И тебе советую. А до этого – ни-ни.

– Так вот почему ты Фокса не наказал! – догадался Эссекс. – Умно, ничего не скажешь.

– Фокс не в курсе, зачем это было сделано. Он просто жаловался, что Скаччи много себе позволяет. А я говорю: ну и дай ему в рыло. Фокс мне: шутить изволите. А я ему: вовсе нет. Он пошёл – и дал.

– Какие они все у тебя... послушные.

– А куда им деваться? Вниз, что ли? Кому они там нужны?

– Ну почему же, – возразил Эссекс. – Внизу найдется масса желающих набить им морду. Я слышал, даже гражданским астронавтам иногда достаётся.

– Скаччи передо мной на коленях ползал, – Рашен вздохнул и припал к стакану.

– Пусть ему теперь жопу порвут, – Эссекс кровожадно усмехнулся и тоже пригубил «отравы».

– Из чего ты это гонишь, Фил? – спросил Рашен, поднимая стакан и разглядывая напиток на просвет.

– Из чего придётся, – уклончиво ответил Эссекс.

– И это два адмирала, – заключил Рашен.

– Так что делать будем? – спросил Эссекс деловито, подаваясь вперёд и пристально глядя на коллегу. – По-моему, ситуация патовая. Народ против нас, ты это понимаешь? Там внизу

бешеная пропаганда за отказ от армии как таковой. У каждого третьего землянина на Марсе и Венере были либо родственники, либо деловые партнёры. И каждому землянину без исключения эта война в копеечку влетела. А они же все – Акционеры, мать их так. Народный капитализм прощал армии любые злодеяния, пока это не обернулось конкретным убытком... Ох, распустият нас, Алекс.

– А что говорят твои аналитики?

– Так и говорят. Даже если Собрание Акционеров не решится развалить армию до основания, конкретно нам – конец. Совет Директоров так вздрючил общественное мнение, что нельзя идти на попятный, надо кого-то ликвидировать. Полицейские силы они не тронут. Пираты, контрабандисты... Но группу F точно распустият. Готовься к отставке, старик.

– Понимаешь, Фил, – сказал Рашен, – я ведь не из принципа упираюсь. Плевал я на эту армию. Я вообще человек не военный. И с моральной точки зрения мы действительно не правы.

– Не скажи. Мы выполняли приказы. И всё. А теперь из нас делают козлов отпущения.

– погоди, Фил. Сколько народу мы укокошили на Марсе?

– Это не мы, Алекс. Не передёргивай. Это были крашеры и десант. Группа F прижимала корабли сепаратистов к поверхности. И всё. Ну, взорвали мы сколько-то этих посудин, а они разве погулять взлетели? Мы не бомбили. Не жгли. И, кстати, не мы придумали, что Марс и Венера должны отделяться. И не мы придумали, что им этого нельзя...

– Да я вообще о другом, Фил. Вот ты мне скажи – какие у тебя аргументы за то, что армию распускать пока ещё не стоит?

Эссекс плеснул себе «отравы», поднёс стакан к губам и задумался.

– У тебя внизу хоть кто-то есть... – пробормотал он.

– Считай, что нет, – Рашен потупился. – Последний мой диалог с сыном продолжался ровно минуту, и говорил в основном Игорь. Я внизу тоже никому не нужен. Так что скажешь, Фил? Зачем сейчас Земле военно-космические силы?

– Они ей на хрен не сдались, – сказал Эссекс и залпом выпил.

– Вот именно, – кивнул Рашен. – Группа F нужна только тем, кто в ней служит. Потому что им больше деваться некуда. Так думают все три обитаемые планеты Солнечной. Три суверенных государства. Три могущественные фирмы. И они не только думают так, они говорят об этом. Кричат во весь голос. А что мы?

– А что мы? – тупо повторил Эссекс.

– По-моему, и Земле, и Венере, и Марсу группа F нужна позарез, – скромно заметил Рашен. – Десантный и бомбардировочный флот действительно можно списывать, но что касается нас, с нашим опытом боёв в открытом пространстве...

– Да? – оживился Эссекс.

– Фил, не тормози. Кто их будет защищать от внешней угрозы, если не мы?

– От внешней угрозы? – переспросил Эссекс.

– Почему молчит станция на Церbere? – спросил Рашен. – Ты выяснил?

– Разбираемся... – виновато ответил Эссекс. – Телеметрия... Всё такое... Скоро узнаем.

– Пошли туда скаут, Фил.

– Зачем? – искренне удивился Эссекс.

– Чтобы посмотреть, отчего станция молчит.

– Ну, ты сказал! – Эссекс рассмеялся. – Туда два месяца ходу! А сигнал может появиться завтра, ну послезавтра. Может, там заело что-то.

– И чему там заедать?

– Не знаю, – признался Эссекс. – Там всё просто, как болт. Сверхнадёжно.

– Вот именно, – кивнул Рашен. – Отправь туда скаут, Фил. Желательно – «Рипли». Завтра же. И пусть до Цербера ходу будет не два месяца, а три недели максимум.

– Деньги же, Алекс... – До Эссекса постепенно начало доходить, что Рашен не шутит. – Из каких фондов я это оплачу? За три недели до Цербера... Это бустер понадобится от «Гордона», чтобы так разогнать...

– Сколько осталось до Собрании Акционеров? Три месяца, Фил. Вот и считай – три недели туда, столько же на разведку. И месяц убеждать идиотов внизу, что станцию уничтожили чужаки. А бустер я оплачу, раз ты такой жадный. Из резервного фонда.

Некоторое время Эссекс выпученными глазами вглядывался в лицо Рашена.

– Алекс, ты с ума сошёл? – спросил он с надеждой в голосе.

– Хотелось бы, – ответил Рашен серьёзно.

* * *

Скаут «Рипли» был маленькой юркой посудиною, семьдесят процентов которой занимала ходовая часть, а ещё двадцать – оптические и радарные сканеры. Экипаж насчитывал пять человек, и в полёт они надевали громоздкие противоперегрузочные скафандры, оборудованные системами кормления, водоснабжения и канализации. Скаут ходил с такими ускорениями, при которых у человека в обычном спецкостюме просто вытекли бы глаза. Жить месяцами в скафандрах нелегко, но зато скаут прошёл две войны без единой пробоины. Целиться в него ещё получалось, а попадать – нет.

Интерьер скаута пронизывал спартанский дух, если не сказать хуже. Самой роскошной деталью внутреннего убранства «Рипли» был унитаз для невесомости с привязными ремнями.

На клапане унитаза кто-то нацарапал «НЕ СРАТЬ».

– Это зачем? – спросил Рашен, повисая над унитазом головой вниз.

– Шутка, – объяснил командер Файн. – Мы им так ни разу и не пользовались. Времени не было. Воевали.

– Ладно, – сказал Рашен. – Будем считать, что порчи казённого оборудования я не заметил. Слушайте, Эйб. Видите, я сам пришёл... – Он замолк в лёгком замешательстве.

– Вижу, – кивнул Файн. – Ну и как вам тут, сэр? Не жмёт?

– Зато когда в эту блоху последний раз попали? – хитро прищурился Рашен.

– Стрелять не умеют, – парировал Файн. Он ходил на скаутах пятнадцатый год и каждый сезон подавал кляузные рапорты: мол, Задница не дает ему продвигаться по службе. Рашен пересылал жалобы Эссексу, а тот их с удовольствием читал и спускал в утилизатор. На самом деле Файна «завдвигал» Рашен. Эбрахам Файн был прирождённым разведчиком, сам это хорошо понимал, гордился своей квалификацией и жаловался только из личной вредности. Кроме того, когда ты ценный специалист, то чем больше возникаешь, тем скорее тебе затыкают рот внеочередным поощрением.

– Хорошо, – Рашен кивнул. – Будем надеяться, что если кто-то сейчас болтается вокруг Цербера и поджидает вас, Эйб... Будем надеяться, он тоже плохо стреляет.

– Так, – сказал Файн. – Интересно. Значит, обследование станции – это лажа. Я так и думал.

– Что вы думали, Эйб?

– Виноват, сэр.

– Да нет, продолжайте. Серьёзно.

– Ну... Её ведь кто-то подбил, да? Там полный автомат, ломаться нечему. Значит, по станции отстрелялись. Да, сэр?

– Как вы полагаете, Эйб, кто это мог быть?

– Ну, сэр... Вообще-то это не моё дело. У Задницы... Пардон, у его превосходительства контр-адмирала Эссекса громадный штаб. Сотня бездельников. Вот пусть они и предполагают. А наша задача – смотаться, всё обнюхать и доложить.

– Эйб, кончайте вы свои еврейские штучки.

– Сэр, ну вы подумайте – я вам сейчас расскажу, кому, на мой взгляд, станция мешала, а вы меня того... Вниз.

Рашен пнул ногой унитаз, перелетел через рубку и, ухватившись за одно из кресел, завис перед обзорным экраном.

– Чужие? – спросил он.

– Разумеется, – сказал Файн ему в спину. – Подшибли станцию и ждут ремонтников. Хотят взять «языка».

– Очень уж по-человечески.

– А почему нет? – спросил Файн. – В любом случае больше напасть на станцию некому. Вся зона внутри орбиты Сатурна под контролем. Если контрабандисты высунулись из Пояса на разведку – полиция бы заметила. И они до Цербера всё равно не доползут. Да и зачем им?

– Незачем. Они сидят в Поясе и тащат оттуда сырьё на Венеру и Марс. И полиция наступает им на пятки. Значит, чужие?

– Точно чужие, сэр.

– Как вы легко об этом говорите, Эйб...

– Я?! – возмутился Файн. – Да я, можно сказать, был первый, кто рот открыл. И первый, кто за такие разговорчики огрѐб по шее. А Задница...

– Так вы поняли задачу, Эйб? – перебил Рашен.

– Да, сэр, – ответил Файн хмуро.

– Я думаю, там никого не окажется. Но вы на станцию глядите в последнюю очередь. Только когда убедитесь, что пространство чисто. Тогда оцените характер повреждений, сбросьте мне информацию по дальней связи, и тут же назад.

– Нереально засечь чужака нашими средствами, – проворчал Файн. – Если они добрались до Солнечной, я так представляю, на чём они ходят. И если они уконтрапупили станцию, я так могу вообразить, из чего они стреляют.

– Что, есть идеи? – спросил Рашен, оборачиваясь.

– Идеи пусть Задница генерирует, – ответил Файн. – Своей задницей... виноват, хотел сказать, своим штабом. Заодно пусть выдумает, что нам делать, когда группу F распустят.

– Если найдёте убедительные следы чужих, группу F не распустят, – заметил Рашен.

– Нет уж, – Файн помотал головой. – Не такой ценой. Я лучше в ассенизаторы устроюсь. Буду говно откачивать, бряцая орденами...

– Вот это верно, – кивнул Рашен. – Это сказал боевой офицер. Вы молодец, Эйб. Так пойдёте к Церберу? Нет возражений?

– Так точно, пойдём, сэр! – отчеканил Файн.

– В штабе сейчас готовят обобщённую справку по всем необъяснённым явлениям, которые наблюдались за последние годы. Успеете ознакомиться до старта. Прикиньте стратегию поиска. Тут я вам не советчик.

– Да я всё знаю, сэр, – улыбнулся Файн. – Вы забыли, наверное, а я вам ещё сто лет назад говорил, ну, после истории со «Скайуокером», что в Солнечной от чужих скоро будет не продохнуть... В разведке многие собирают данные о чужих. Неофициально, конечно. Начальство об этом и слышать не хочет.

– А я хочу, – сказал Рашен. – И хочу услышать о чужих именно от вас, Эйб. Вернитесь и расскажите мне, что их не было и нет.

– Они есть, сэр. Просто у них пока руки до нас не доходили.

– Хорошо бы при нашей жизни не дошли.

– Это вы зря, сэр, – не согласился Файн.

– Почему? – Рашен вопросительно поднял брови.

– Очень скоро в Солнечной не останется боевых кораблей. И что, нас возьмут без единого выстрела? А мы вроде присягу давали...

Рашен с усилием потёр глаза.

– Несчастные мы люди... – пробормотал он.

– Это точно, сэр, – кивнул Файн.

* * *

Обычно бустер-разгонник пристёгивается к кораблю на специальных захватах. Но в случае с «Рипли» это выглядело наоборот: крошечное судёнышко прилепили к громадной бочке. И нажали кнопку. Бустер секунду повисел как бы в раздумье, потом выплеснул из хвостовой части сноп пламени и рванул себя в пространство с такой силой, что у командера Файна глаза на лоб полезли. В этом положении им теперь суждено было оставаться до самого Пояса, где бустер должен, исчерпав себя, пинком сбросить «Рипли» и отдаться в стальные лапы буксировщиков.

– Что-то у него выхлоп нестабильный, – заметил Вернер, глядя через плечо Рашена на обзорный экран. – Или мне кажется?

– Нормальный выхлоп, – проворчал Боровский. – Сейчас у всех такой. Поизносились кораблики. У нас в шестом отражателе здоровая дырка, а кто её теперь залатает? Да никто. У главной пушки три импульса до капремонта осталось, и кто его будет делать? В бассейне здоровенный поц нарисован, тоже мне называется – военный корабль...

– Ты хоть узнал, кто автор? – спросил Рашен, глядя вслед уходящему бустеру, от которого на экране осталась уже крошечная точка.

– Какой-то поц, кто ещё...

– Кончай ныть.

– Да, сэр. Разрешите обратиться? Слушайте, драйвер, можно, я в этот раз вниз не поеду? Тут поработаю.

– Нельзя.

– Прокладки нужно менять в главном шлюзе. Я бы лично проконтролировал...

– Нельзя, – повторил Рашен устало. – Я тебя понимаю, Жан-Поль. Никто вниз не хочет. Но есть такой порядок. Разумный порядок. От космоса надо отдыхать. Так что будь другом, не расстраивай меня.

Боровский тяжело вздохнул и ссутулился.

– Насчёт замены прокладок Энди проследит, – сказал Рашен. – Всё будет ОК. Правда, Andrey?

– Конечно, драйвер. Никаких проблем.

Боровский снова вздохнул, на этот раз совсем уж душераздирающе, и прищурился на исчезающую в пустоте точку.

– Бедный Абрам, – сказал он. – Это, конечно, совершенно не моё дело, но... Ох, не хотел бы я сейчас оказаться на его месте.

– А ты бы и не смог, – усмехнулся Рашен. – Ты даже в спецкостюме десять «же» еле-еле держишь. А Файн сейчас идёт на двадцати. Вернётся живой – возьму начальником разведки. Пора мужику отдохнуть как следует. Будешь с ним летать, Жан-Поль?

– А он согласится? – усомнился Боровский.

– Ну, тогда Медаль За Наглость, – Рашен пожал плечами. – Уж от медали он точно не откажется. Ему только дай. Интересно, что он с ними делает. Набрал этого железа уже килограммов десять.

– У него медалями дети играют. Я сам видел.

– Трое, да?

- Ну.
- И что у вас за манера такая – плодиться, как... не знаю что?
- Так ведь били нас! – гордо сказал Боровский.
- Били – не добили. То ли дело нас – бац, и нету, – Рашен невесело хохотнул. Он все ещё стоял к Вернеру и Боровскому спиной, у самого экрана.
- А сколько вас осталось? – спросил Боровский. – Миллион?
- Да что ты... От силы пятьсот тысяч. Ну, не считая полукровок.
- Вас теперь спасут только межнациональные браки, – авторитетно заявил Боровский. – Не понимаю, чего вы так за чистоту породы цепляетесь? Вымрете!
- Рашен молчал.
- Тараканы, крысы, голуби и одуванчики, – ответил за него Вернер. – Вот кто не вымер и не вымрет.
- Люди тоже как-то приспособились, – заметил Боровский.
- Не все. Мы очень усталая нация, Жан-Поль. И у нас нет комплекса богоизбранного народа. Стимулов не осталось размножаться, понимаете? Надоело. Сколько можно, в конце концов, заслонять собой Европу то от монголо-татар, то от арабов, то от китайцев...
- Что-то вы её не шибко от арабов заслонили. Арабов-то мы как раз уделали.
- И ни фиги не вы, – вступил Рашен. – Арабов мочили немцы и французы. Китайцев долбали всем миром. А вы, жида пархатые, с этого дела купонов настригли. Сколько ваших в Совет Директоров пролезло, а?
- А где теперь государство Израиль? – парировал Боровский.
- Там же, где и Россия, – Вернер невесело усмехнулся. – Но вас почему-то стало много, а русских – наоборот.
- Сами виноваты. Могли бы снюхаться с китайцами и поделить мир. Или, наоборот, в НАТО вступили бы.
- Да не успели мы! – раздражённо сказал Рашен. – В России только-только перед самой Заварухой нормальная жизнь наладилась. И тут – на тебе... Знаешь, Жан-Поль, был такой народ – украинцы. И был замечательный анекдот, как украинец поймал золотую рыбку. Она ему: проси, чего хочешь. Три желания. А он говорит: хочу, чтобы Турция напала на Швецию. А потом, чтобы Швеция напала на Турцию. И ещё раз Турция на Швецию. Рыбка спрашивает: да на хрен это тебе? А украинец отвечает: уж больно здорово, как они через Москву будут бегать туда-сюда...
- Пророческий анекдотец оказался, – заметил Вернер.
- Не то слово, Энди. А ведь действительно, вся планета спала и видела, как бы от нас избавиться. Очень уж Россия была неудобное государство. Тоже в своем роде Израиль, только большой и с атомными бомбами. И вот нас не стало. А что толку? Пустыня. Говорят, правда, живы какие-то племена на побережье Северного Ледовитого океана. Мутируют потихоньку. Идолам поклоняются, кретины.
- Что ж они там едят? – удивился Боровский.
- Друг друга.
- Тяжёлый случай.
- Не знаю, – Рашен повернулся к собеседникам и усмехнулся одной стороной рта. – У меня от прадеда дневник остался. Настоящий, на бумаге. И там блестяще описано, как они в Париже крыс на вертеле жарили. Когда всех голубей слопали. Это что – жизнь? Которое поколение на Земле ест досыта? Пятое? Шестое?
- Допустим, на Марсе и Венере тоже народ не шоколадом объедается, – ввернул Боровский. – Таковую же синтетику жрут, что и мы.
- Это ты к чему? – не понял Рашен.
- Я к тому, что воевать в принципе нехорошо.

– Ты бы это верующим сказал. Лет сто назад, а лучше все пятьсот. Всяким религиозным фанатикам.

– Простите, драйвер, а вы всерьёз считаете, что без религий лучше?

– Религия – опиум для народа, – отрезал Рашен. – Костыли для нравственно безногих. И мощный способ зомбирования.

Боровский закусил губу.

– Есть у нас такая поговорка: заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт, – под-держал Вернер. – Вот и расшибли.

– Был ещё такой умник – папа римский, – вспомнил Рашен.

– Злые вы, – сказал Боровский. – Одно слово – русские.

– «Синагога, бесплодная и бесполезная, найдёт приют стране неверных...» – процитировал Нострадамуса Рашен. – Ну что, Жан-Поль, обрезала вам крылья дочь Вавилона, а?

– Как бы теперь нас всех не ошипали, – сообщил Боровский зловеще. – Кругом засада. Либо Абрам на чужих наткнётся, либо Собрание Акционеров флот разгонит. От чужих-то, может, ещё отобьёмся...

– Не надо про чужих, – попросил Рашен. – Не отобьёмся мы.

– Ну да! – возмутился Боровский. – Как это?! Или мы уже не группа F? Не бригада Attack Force?

– Мы банда психопатов, Жан-Поль. И в бассейне у нас hui нарисован. Что тебе известно о чужих? Что на них теория относительности не распространяется, ты в курсе? Что они экранируются почти идеально... А как они Плутон выпотрошили?!

– Дался вам этот член в бассейне... – пробормотал Боровский. – Как будто его на двери у вас нарисовали...

– Знаешь... – Рашен машинально посмотрел на динамик громкой связи и весь передёрнулся. Он никак не мог забыть, что система оповещения целый год ловила каждое его слово. Вернер не стал полностью лишать динамики их шпионских функций, он только обезопасил каюты старших офицеров и отсеки управления. Теперь здесь можно было говорить свободно, но Рашен всё не мог отделаться от мысли, что ему плюнули в душу.

– Знаешь... – повторил Рашен. – Когда эти гады снизу начали разлагать войска, я им сначала подыгрывал. Думал, что взвинченная и задёрганная армия в случае чего скорее меня послушает, чем Адмиралтейство. Какое-то время это и было так. А теперь... Даже не знаю. Страшный бардак на кораблях. Чудовищный. Теряем боеспособность не по дням, а по часам. Нам сейчас война нужна позарез, Жан-Поль. С кем угодно, лишь бы делом заняться. Только вот чужие... Слабоваты мы против них.

– Ну давайте тогда Землю на уши поставим, – предложил Боровский. – Бомбанём разок для острастки... Разве плохо, если вы станете Председателем Правления?

– А Задница – Генеральным Директором! – рассмеялся Вернер.

– Задница на всё готов, – заметил Рашен без тени улыбки. – Он вниз год не спускался. Боится.

– Так я и говорю, – кивнул Боровский. – Захватим власть, запретим монополии, построим демократию, нарастим мощный флот, чужих распатроним. Пиратов и контрабандистов прижмём. И заживём по-людски. Тем более что с Марсом и Венерой отношения уже налажены. Их, главное, не пугать больше.

– Как всё просто... – сказал Рашен с непонятной интонацией. – Как всё просто, оказы-вается.

– А может, действительно всё просто? – осторожно спросил Вернер.

– Я тут спросил Задницу, сколько мы народу ухлопали, – вспомнил Рашен, – а он кивает на крашеры и десант. Как будто группа F всю войну металлолом возила. Господа, вы готовы

снова убивать? И не каких-нибудь чужих, а самых что ни на есть своих, а? Убивать просто за то, что они могут оказаться несогласны с нами...

– Да бросьте вы эти русские штучки! – посоветовал Боровский. – Военный вы или нет?

– Не получился из меня настоящий военный, – Рашен горько вздохнул. – Как я был навигатор, так им в душе и остался.

– А зря.

– На себя посмотри, тоже мне массовый убийца. Вниз боишься ехать, прокладки у тебя, видите ли...

– Короче говоря, – заключил Боровский, – вы ещё ничего не решили.

– Не волнуйся, – сказал Рашен. – Когда время придёт, я быстро решу. Всё равно нам идти на профилактику через месяц.

– Ага! А если «Тушканчику» пушки отвинтят? В целях профилактики, так сказать?!

– Не отвинтят. Мы ещё летаем.

– Хорошо бы! – бросил Боровский с вызовом.

* * *

По корабельному времени стояла глубокая ночь, когда тишину разорвали колокола громкого боя. «Тушканчик» вздрогнул: реактор выбросил энергию в накопители. И от этого толчка проснулись даже те, кого сигнал «к бою» едва-едва заставил разлепить глаза. Потому что крузер изготовился к стрельбе.

Ива влетела в боевую рубку второй, сразу после Фокса. Бомбардир уже сидел в кресле и одной рукой тянул на себя ремни, а другой нервными резкими движениями оглаживал свою контактную доску, выводя пушки на режим поиска.

– Что?! – крикнула Ива, прыгая на место, врубая одним движением всю ходовую автоматику и впиваясь глазами в монитор. – Где?!

– DN! – выплюнул Фокс. – NES! Бля! – теперь он уже терзал доску обеими руками. Корабль мелко завибрировал – главный лазер вышел на режим. С тихим шипением задраились люки в переборках.

– Боевая! – рывкнул в динамиках голос Рашена.

– NES! – отрапортовал Фокс. На боевом языке это значило «no enemy spotted». Брошенное им раньше DN было его собственным изобретением и расшифровывалось как «I don't know».

– RM, – добавила Ива свое уставное «ready to move». Добавила с ленцой в голосе. До неё вдруг дошло, что пустует кресло старпома. Значит, Боровский вместе с Рашеном смотрит на монитор контроля готовности и чешет в затылке, отмечая, кто опоздал. – Это учебная, Майк, – сказала Ива. – Расслабься.

– Учебная тревога. Полная готовность две минуты тридцать одна секунда, – сообщил Рашен. – Всем отбой. Ну и что мне теперь с вами делать, астронавты?

– Быть такого не может! – выдохнул Фокс, невольно поднимая глаза к динамику. – Сколько-сколько времени?

– Все слышали? – спросил Рашен. – Две тридцать одна. Молодцы. До команды оставаться на местах. Сейчас мы вас обойдём и послушаем, какие вопросы. Ждите.

– Ф-фух! Ой... – Фокс поник в кресле и сжал руками виски. Ива откинулась на высокую спинку и принялась глубоко вдыхать и выдыхать, надеясь, что возбуждение рассосётся само, не заставляя члены мелко трястись.

«Тушканчик» несколько раз конвульсивно содрогнулся, будто у него тоже схватило голову.

– У «старика Пола» тоже отходняк, – заметил Фокс, доставая болеутолитель. – Хочешь таблеточку, Кенди?

– Нет, спасибо. А который час? – спросила Ива, отстёгивая ремни. Спohватившись, она посмотрела на вмонтированный в манжет спецкостюма циферблат. – Ого, почти четыре уже... Слушай, Майк, как это может быть, а? Мы же рекорд флота на полминуты улучшили.

– На двадцать девять секунд, – невнятно уточнил Фокс с набитым ртом, тоже высвобождаясь из ремней. – Да, накликал Рашен проблему себе на голову. Нас ведь теперь поощрять надо. А ты помнишь, когда последняя учебная была?

– Не-а.

– Вот именно. А я тебе скажу – не было учебных тревог с самого конца последней кампании. Год уже. Потому что, как только всё улеглось, Совет Директоров поставил вопрос о роспуске флота. А кому нужна учебная на корабле, который скоро по гайкам растащат?

– Ну и что? – спросила Ива, ослабляя застёжки спецкостюма.

Она была одета по полной форме, включая трёхслойное бельё. Сказались месяцы тренировок, когда действия по тревоге доводились до полного автоматизма. Первый раз Ива надела спецкостюм в шестнадцать лет. А первую боевую награду получила в двадцать.

– Ты о чём?

– А ты о чём?

– Сам не знаю. Какой-то я дёрганный стал, – пожаловался Фокс. – Ты не заметила?

– Майк, ты был прекрасен, как всегда. Ты работаешь – это фантастика. У тебя настоящий талант.

Фокс довольно хрюкнул и потянул из кармана огрызок сигары.

– Эй! – возмутилась Ива.

Фокс посмотрел на зажатый в руке окурок и быстро убрал его обратно. Случаи курения на борту даже не рассматривались дисциплинарным уставом ввиду их полного безумия.

– Виноват. Ты посоветовала расслабиться, вот я и...

– Сейчас Рашен придёт, он тебе расслабится, – пообещала Ива.

– Салага, – бросил Фокс через плечо. – Курсант Кендалл, снять штаны, предъявить наличие трусов.

– У меня-то они как раз в наличии. А ты уже без смазки в костюме не влезаешь.

– Угу, – вздохнул Фокс. – Я так полагаю, это у меня на нервной почве.

– А ты не переживай, – посоветовала Ива. – Поедем вниз, зайдём в кабак, выпьем, станцуем, найдёшь себе девчонку по вкусу – снимет все твои нервы как рукой.

– Не хочу я вниз, – сказал Фокс упавшим голосом. – Мы же опять в город не выйдем, проторчим на базе весь срок.

– А на базе – что, гульнуть негде?

– Меня раздражает эта толпа у ворот. Я всё время помню о том, что она есть, понимаешь, Кенди? А кто в толпе? Простые люди. Нормальные люди. Добрые в принципе люди, вот в чём проблема. Не злые. Стоят и держат плакаты: «Валите, убийцы, в свой космос!» Отсюда их тоже можно разглядеть, но для этого придётся настроить оптику. Да и не буду я вниз смотреть отсюда, больно мне это надо...

Фокс не успел закончить свою пространную жалобу, потому что люк ушёл в стену, и в боевой рубке появился Рашен с мобильным терминалом в руке. Астронавты вскочили.

– Вольно, вольно, – разрешил адмирал. – Значит, так. Майк, ты был на месте в две одиннадцать, а ты, Иветта, в две восемнадцать. Блестящий результат. Вопросы, жалобы, предложения?

– Никак нет! – хором отозвались Фокс и Ива.

– Я не стану вас благодарить от лица командования, дамы и господа, – сказал Рашен, – поскольку командованию на ваши успехи наплевать. А вот от себя лично... Будем внизу –

бутылку поставлю. Всё, глушите технику – и по койкам. Лишний час сегодня можете валяться. И спасибо ещё раз за службу. Молодцы.

– А кто первый успел? – спросил Фокс.

Адмирал уже повернулся к выходу из рубки.

– Лучший результат у техников, – бросил он через плечо.

– Ни фига себе! – изумился Фокс. – Им же дальше всех бежать!

– Вот именно, – Рашен кивнул и вышел.

– У Энди тоже к работе талант, – сказал Фокс. – Как и у меня.

– А у меня? – притворно обиделась Ива.

– А у тебя глаза очень красивые и попка аппетитная, – утешил её бомбардир.

– Жопа ты, Майк, – усмехнулась Ива, отрубая питание ходовой части. – Не веришь ты, что женщина может чего-то в жизни добиться, занять достойное место...

– Место женщины – в сердце мужчины, – сказал Фокс, доставая свой окурок. – А если женщина такая дрянь, что её никто не любит, тогда она начинает кричать о половой дискриминации.

– А если женщина сама никого не любит? – спросила Ива, потягиваясь.

– Значит, время её не пришло, – объяснил Фокс с такой серьёзностью, что Ива расхохоталась.

– Пошли... философ, – сказала она и шагнула через порог. Фокс воткнул окурок в угол рта и последовал за ней.

По рабочей зоне сновал оживлённый народ. Легко было заметить, что впервые за очень большой срок астронавты почувствовали себя комфортно. Глаза у всех горели, люди бурно жестикулировали и говорили куда громче, чем это было нужно. Ива и Фокс отвечали на приветствия, довольно раскланивались, и их тоже постепенно охватило радостное возбуждение.

– Фиг заснём теперь, – заметил Фокс. – Боевая эйфория в чистом виде. Эх, и стрельнул бы я сейчас! На поражение! А ты бы сейчас порулила, а, сестрёнка?

– Да я бы и стрельнула, – отозвалась Ива. – Так ведь не дашь.

– Не положено. Мужское дело стрелять, женское рулить.

– Кто там говорил о половой дискриминации?

Теперь рассмеялся Фокс.

На входе в жилую зону они столкнулись с парой взмыленных техников, волочивших по коридору какой-то громоздкий аппарат. На вопрос Фокса, что стряслось, техники нервно хохотнули и скрылись за углом. Ива проводила их взглядом и вдруг почувствовала лёгкую тоску разочарования. Она поймала себя на том, что была бы очень рада, окажись одним из техников Вернер.

– А зачем вообще это всё было? – спросил её Фокс, когда Ива остановилась у двери каюты.

– Ты про что? – удивилась Ива, задумавшись о своём.

– Какого хрена Рашен устроил тревогу именно сейчас? Мы скоро на профилактику встаём. Ну и учинил бы нам встряску под занавес, чтобы службу не забывали. А сегодня... Может, войнушка наклёвывается? Ты же знаешь, у Рашена на такие штуки феноменальный нюх.

– Да по мне, хоть война, лишь бы вниз не ехать, – неожиданно для себя выпалила Ива. Смущённо посмотрела на обалдевшего Фокса, пробормотала: – Ну, пока, – и скрылась в каюте.

– А пойду-ка я потренируюсь, – сказал Фокс себе под нос и повернул в сторону оружейной палубы.

* * *

В душевой шумно плескалась сменившаяся навигационная вахта, она же третья, она же «вахта Кендалл».

Стараясь не смотреть вниз, откуда просвечивал красным двухметровый фаллос, Ива несколько раз перенырнула бассейн. Выгребла на середину, улеглась, раскинув руки, на спину и замерла в неподвижности и блаженстве. Насыщенная лечебными солями вода была гораздо плотнее обычной и легко держала на поверхности стройное тело девушки. Ива закрыла глаза и постаралась, согласно инструкции, задуматься о приятном и необременительном. Почему-то ей сразу пришло на ум, как здорово шпарить на полной тяге, слушая командные завывания из динамика и треск «доски» под руками Фокса. Наблюдая прямо по курсу огненные шары разрывов. Мягко оглаживая контакты и чувствуя, как малейшее твоё движение отдаётся в послушном организме корабля...

– Тысяча извинений, капитан! – раздался с бортика молодой звонкий голос. – Не беспокойтесь, я к вам спиной... Тут идея одна у парней, а я вроде парламентаря...

– Что такое, Кристоф? – спросила Ива, лениво открывая глаза.

– Есть предложение в свободное время ходовые учения смоделировать... Завтра вечером. Только не как обычно, а в два корабля. Бросок через Пояс, гонка чисто на скорость, наша вахта против ребят Фальцфейн. Госпожа Фальцфейн вроде не против, но у неё какие-то личные дела, а нам желательно, чтобы опытный посредник наблюдал. Арбитр. Может, вы посмотрите? Мы в ускоренном режиме, за час управимся...

– Прямо взрыв энтузиазма, – усмехнулась Ива. – Соскучились по работе, балбесы?

– Хочется! – не без вызова сказал Кристоф.

– Ладно, согласна. Только предупредите меня за часок. Всё?

– Да нет... Понимаете, капитан, мы в библиотеке сядем, нам бы туда бросить линк от ходового процессора. Чтобы было по правде.

– Ага. И я, значит, должна идти к техникам договариваться.

– Ну... В общем, хорошо бы.

– А почему бы тебе самому не подойти к старшему технику и не сказать, что я в курсе и всё под мою ответственность?

– Ну... – Кристоф замаялся. Слышно было, как он на мокром бортике переминается с ноги на ногу.

– Очень ты стеснительный, Кристоф. К человеку подойти боишься, ко мне вот спиной встал...

– Я к вам спиной, чтобы не мешать, – объяснил Кристоф. – А лейтенант Вернер, он такой... Ну, мы его совсем не знаем ещё. И потом, он всё время где-то в центральном стволе. Как я его вызову? Кто я ему?

Забыв, где она, Ива перевернулась на бок, мгновенно ушла под воду и чуть не захлебнулась. Отплываваясь, она подплыла к бортику, ухватила за поручень и, отбросив волосы со лба, посмотрела снизу вверх на смущённого Кристофа. Тот действительно стоял к бассейну спиной. Ива про себя отметила, какая у мальчишки рельефная мускулатура, и с тоской подумала, что в тренажёрном зале не была минимум полгода.

– Ты же вроде тоже лейтенант, Кристоф, – сказала она, выбираясь на бортик и усаживаясь, свесив ноги в воду.

– Я чайник второго класса. А он мастер и боец. Да, я стесняюсь. Извините.

– С чего ты взял, что Вернер такой уж боец? – пробормотала Ива, разглядывая свой шрам под грудью. Боевые шрамы астронавты не заращивали. Носили их как медали. Ива вспомнила белую рваную полосу на предплечье Вернера и подумала, что «полз и зацепился» – враньё.

– Он же тонул на «Фон Рее». Потом на «Декарде» горел. С адмиралом он запросто... По имени. И ребята говорят, его из экипажа «Горбовски» в самый последний момент вывели. Вроде бы Рашен попросил.

– Ладно, – вздохнула Ива. – Во сколько вы завтра?..

– В девятнадцать бортового. Если, конечно, будет линк. Потому что на обычных процессорах это несерьёзно, сами понимаете, капитан. Вы извините, но больше попросить некого... А хотелось бы погонять по-боевому.

– Будет тебе линк, Кристоф, – сказала Ива, поднимаясь на ноги. – Будет тебе полноценная боевая модель. Это ты хорошо придумал, молодец. Значит, найдёшь меня завтра в восемнадцать. – Она хлопнула Кристофа по плечу и пошла в сторону душевой, но на полпути обернулась.

Кристоф поспешно опустил глаза, но успел охватить Иву взглядом с ног до головы. Воздух в зале был прохладный, и небольшая грудь Ивы с торчащими в стороны и вверх сосками, крепкие стройные ноги в капельках воды, прямые сильные плечи – всё это гладкое упругое тело было сейчас чуть напряжено и выглядело отлитым из металла. Кристоф медленно залился краской. Иве захотелось рассмеяться. Очень уж мальчик не умел скрывать эмоции.

– Совсем забыла, – сказала Ива. – Кто от нашей вахты будет за старшего навигатора?

– Я... – выдохнул Кристоф, глядя в пол.

– Отлично. Так вот, лейтенант. Ты, конечно, ещё не мастер, но задатки у тебя приличные. Лет через десять и к тебе адмиралы будут обращаться по имени. Я это вот о чём. Если ты после всех моих трудов не обгонишь вахту Фальцфейн...

– Мы их сделаем! – поспешно заявил Кристоф.

– ...то я тебя сама погоняю, – заключила Ива. Повернулась и ушла в душевую.

Кристоф проводил её безумным взглядом, оттянул плавки, с тихим стоном высвободил напряжённый до боли член и принялся гладить себя. Он ничего не мог поделать: у него перед глазами мучительным наваждением стояли капельки воды на кудрявых золотистых волосах, и за то, чтобы припасть к этим волосам губами, лейтенант готов был отдать всё на свете. А уж проникнуть туда, под это сверкающее золото, в сокровенную глубь прекрасного молодого тела...

Из душевой высунулся один из младших навигаторов вахты Кендалл и тут же нырнул обратно.

– Наш Кристоф совсем от любви рехнулся, – объявил он. – Стоит там и дрожит.

– Подумаешь... – сказали ему. – Все такие. Ты её, что ли, не хочешь?

– Да я её обожаю! Но не до такой же степени, трам-тарарам. Это даже как-то неприлично.

– А мне вот интересно, он с горя дрожит или на радостях?

– В смысле?

– В смысле, поговорит она с Вернером или как? Что толку гоняться на обычных компьютерах, баловство одно, имитация. Вот если действительно на нас будет работать ходовой процессор...

– Да не бойся ты. Все ОК. Она на этого Вернера запала. Точно говорю.

– Получается, мы ей даже подыграли?

– А то! По-моему, мы после этого отличные ребята. Вилли, нальёшь коллегам по стакану за успех капитан-лейтенанта Кендалл? Нам она всё равно не даст, так пусть хоть кому-то...

– За такое дело налью. Собирайтесь тогда, пойдём. А этот Вернер ничего мужик... Порода чувствуется. Хотел бы я посмотреть, как он её. Или она его.

– Фу, Вилли, как не стыдно!

– Да я просто теоретически. В интересах чистой эстетики. Очень уж она сексуальная женщина. Должна по идее трахаться, как кошка, направо и налево. А ведь ничего подобного. Вот мне и интересно – почему? Ладно, пошли.

– Погоди, а Кристоф?

– Тоже верно. Он-то стакан заслужил, в отличие от некоторых. Посмотри, Ален, как там наш приятель, кончил?

– Ну ты сказал! Что, прикажешь мне высунуться и спросить: Кристоф, дорогуша, ты кончил уже?!

Дверь отворилась, и в раздевалку вошел Кристоф. Судя по виду, он все ещё был основательно не в себе.

Вахта Кендалл, позабыв свойственную военным астронавтам деликатность, встретила коллегу громовыми аплодисментами.

* * *

В интерьере каюты старшего навигатора доминировало пилотское кресло с массой регуляторов и контактов в подлокотниках. В стену перед креслом был встроен многофункциональный терминал. В экстренных случаях Ива могла включиться в боевые действия, будучи, что называется, одной ногой в постели.

Ива бросила халат на кровать, достала из шкафа лёгкий спортивный костюм и натянула его на голое тело. Уселась и вызвала капитана Фальцфейн. Та отозвалась немедленно. Тёмные волосы мастер-навигатора Фальцфейн оказались слегка растрёпаны, взгляд блуждал. То ли девушка была под мухой, то ли ещё что.

– Привет, Марго, – сказала Ива. – Я не помешала?

– Да что ты! – отмахнулась та. – Чем тут можно заниматься, чтобы тебе помешали? Обстановка не та.

– Ты действительно будешь занята завтра?

– А-а... – Марго понимающе усмехнулась. – Честно говоря, нет. Просто мне эти гонки... Баловство для малышни. Нас не сегодня-завтра распустят, что толку старое ворошить?

– А помнишь, как мы через Пояс ходили?

– Ну... Мало ли куда мы ходили. Ива, ты не думай обо мне плохо, но я правда не хочу. Могу я не хотеть? И тебе советую – плюнь ты. Смотри на вещи трезво. Ни к чему всё это. Я, например, мыслями давно уже внизу.

– Но телом-то ты наверху. Мало ли, как всё обернётся.

– Я тебе скажу, как всё обернётся, сестрёнка. Пару раз мы ещё прокатимся туда-сюда, а потом «Муад-Диб» встанет на капремонт. Только не надейся, он пойдёт не в орбитальные доки. Нет, милая, его спустят вниз. А там снимут пушки и отправят на металлолом. Или в буксировщик переделают. И всё. А нашему славному экипажу, включая и тебя, дадут со всем уважением под зад коленом... Извини. Просто меня удивляет, как ты за свой мундир цепляешься. Ты же всегда хорошо соображала, милая.

– Счастливая ты баба, Марго, – без тени иронии сказала Ива. Маргарета фон Фальцфейн через два месяца подавала в отставку и выходила замуж. Всё у неё было уже решено. Жених, референт одного из Директоров, ставил перед Марго единственное условие – забыть, что она была военным астронавтом, и никогда об этом не заикаться. Он уже заготовил для будущей супруги вполне благопристойную легенду – историю о девушке из космодромной obsługi, с которой познакомился во время командировки на Марс.

– Наверное, счастливая, – подумав, согласилась Марго. – Не знаю, как я там буду, внизу, но постараюсь своего не упустить. Рожу, это точно. Лучшее средство от воспоминаний. Лет на десять забот полон рот.

– Ладно, – вздохнула Ива. – А я, пожалуй, всё-таки устрою ребятам праздник. Хоть посмотрю, как они твоих охламонов уделают.

– Давай-давай, – усмехнулась Марго. – Мастурбируй. Честное слово, я тебя не понимаю. Чем ты планируешь заняться, когда группу F разгонят?

– Понятия не имею, – призналась Ива. – Попрошусь, наверное, в коммерческий флот.

– Так они тебя и возьмут! Мало мы грузовиков спалили?

– Ой, Марго, не трави душу!

– Прости, сестрёнка. Конечно, я тебе не советчик. Может, так и надо: ты пойдёшь с молодыми в библиотеке дурью маяться, а я достану вибратор и воткну себе по самые печенки. И буду всей душой тебе сопереживать. Чертовски сексуальное занятие – глядеть на двадцать мониторов сразу и давать вводные мальчишкам, потным от волнения. Такая производственная мастурбация. Для влюблённых в нашу вредную профессию. Куда веселее, чем обычный трах, ага?

– Дура ты, – сказала Ива от души и отключилась.

Некоторое время она сидела, поджав губы от злости, сложив руки на груди и стараясь не расплакаться. Очень уж Марго была в своих рассуждениях близка к истине.

Слегка успокоившись, Ива набрала вызов старшего техника. Вернер откликнулся не сразу, и монитор остался чёрным. Координаты абонента указывали, что он сейчас где-то в центральном стволе «Тушканчика», в разгруженной зоне.

– Да, – сказал голос Вернера. – Я вас слушаю, капитан.

– Вы очень заняты, Эндрю? – спросила Ива робко.

– Страшное дело, – ответил Вернер.

Голос его раздавался на фоне треска и шипения. Далеко, на пределе слышимости, раздавался металлический лязг, и кто-то спокойно произнёс: «Восемь. Отлично. Теперь левее».

– Внимательней там! – прикрикнул Вернер, отвернувшись от микрофона. – Почему восемь? Должно быть минимум одиннадцать! Повторить!

– Может, я потом? – спросила Ива.

– Момент, – попросил Вернер. Похоже, он был не в спецкостюме и говорил со стационарного терминала в центральном стволе. Примерно минуту Ива с интересом слушала, как он ровным, но очень жёстким тоном распекает подчинённых, у которых снова вышло восемь. Потом рядом с микрофоном раздалось тяжёлое сопение, и что-то шумно ударилось о твёрдое.

– Бля! – выдохнул незнакомый голос.

– Ас-тро-навт! – сказал издали Вернер с нескрываемой издёвкой.

– Так точно, сэр! – отозвались не менее язвительно. – Кто же ещё. Чужие здесь не ходят.

– Извините, капитан, – Вернер опять был совсем близко. Судя по всему, он в разгруженной зоне передвигался легко и непринуждённо. – Чем могу быть полезен?

– Может, я правда вас потом найду?

– Откровенно говоря, я бы попросил. Мы тут слегка авралим. Знаете, что? Я вернусь в рабочую зону примерно через шестьдесят минут. Где я смогу вас найти?

– А заходите ко мне, – предложила Ива и сама испугалась того, как естественно вырвались у неё эти слова.

– Нет проблем, – сказал Вернер. – А сейчас извините. До свидания.

– До свидания, – сказала Ива, отключая связь и замирая в смущении.

Голос Вернера всё ещё отдавался у неё где-то в глубине души. Никогда с ней раньше такого не было. Это ощущение тревожило, от него хотелось освободиться. Но изгнать из себя странное чувство внутреннего смятения означало не прочувствовать его до конца, не понять, что за ним стоит.

Ива повернулась вместе с креслом и задумчиво оглядела тесную каюту, пытаясь за что-то зацепиться взглядом и успокоиться. «Неужели я влюбилась? Какая глупость. Или это просто сексуальный психоз? Заразилась от Марго. Все с ума сходят, и ты туда же, сестрёнка. Марго в

такой ситуации достала бы из шкафа фаллоимитатор. А я?.. Однако, ну и бардак у меня тут... Он же сюда придёт...»

Мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл вскочила и принялась собирать разбросанное по каюте барахло.

* * *

Энди Вернер подался в астронавты с голодухи. Никогда он не рвался в космос, тем более – на боевые корабли. Вернеры были потомственными медиками, и Энди с детства твёрдо знал, что станет нейрохирургом, как отец. Это было его призвание: точные приборы, высокие технологии, работа с микронными допусками, когда малейший просчёт означает смерть пациента, и значит, ты не просчитаешься. Отец Энди давал ему тренироваться на муляжах и закрывал глаза на то, что мальчишка сбегает в клинику с уроков. В школе хроническое отсутствие Вернера терпели. Экзамены по большинству предметов он загадочным образом умудрялся сдавать более или менее нормально, а счета за обучение всегда были оплачены в срок. Даже одноклассники ни разу толком не побили этого наглого выскочки.

Позже Вернер никогда не вспоминал то время – прекрасные дни, когда жизнь на Земле постепенно налаживалась, появлялось всё больше еды и красивых интересных вещей, а люди были счастливы предчувствием того, что все беды позади и дальше будет ещё лучше. Кошмарная Полночь, до самых основ потрясая Землю, отступала. На улицах Парижа открывались кафе, заново отстраивался Рим, а в далёкой сытой Америке вообще намечался перманентный рай земной.

В эту самую Америку родители Вернера и собрались в отпуск. Им очень хотелось посмотреть страну, большая часть которой осталась такой, как в легендарные старые времена: зелень, синие реки и даже, говорят, дикие животные. Энди тоже мечтал увидеть какого-нибудь зверя и поездке очень радовался. Вместе с сотней других европейских туристов семья пересекла Ла-Манш, вступив таким образом на американскую территорию, прошла санитарный контроль и погрузилась на лайнер-субмарину, направлявшуюся через Северный полюс в метрополию.

Энди стоял в ходовой рубке и благоговейно наблюдал за работой экипажа, когда лодка на крейсерской скорости протаранила неизвестный объект, а тот взял да взорвался. Пассажирский отсек затопило в несколько секунд, и выйти оттуда никто не успел. Из тех пятнадцати, кто чудом выбрался на поверхность, десять человек умерли от переохлаждения. Остальных подобрала спасатели. Через две недели осунувшийся Энди вышел из больницы на улицу Ванкувера, огляделся и понял, что идти ему некуда.

Разумеется, у него были какие-то деньги и билет домой. Но парижская квартира уже пошла с молотка за неожиданно серьёзные долги отца, а страховка оказалась мизерной. Как большинство европейских семей, Вернеры жили в кредит. По возвращении на родину Энди предстоял визит в инспекцию по делам несовершеннолетних и масса других приятных вещей.

– Подкормить-то мы тебя найдём чем, – сказал ему главврач. – Но насчёт работы – извини. Во-первых, нам своих девать некуда. А во-вторых, тебя всё равно иммиграционный контроль накроет. Честное слово, ехал бы ты на родину.

Пару недель он скитался по городу. Ночами заливался слезами в маленькой комнатке дешёвого пансиона, а днём искал способы выжить. Энди не мог ехать в Париж. От одной мысли, что он теперь один будет ходить по улицам, где всё напоминало счастливые детские прогулки за руку с обожаемыми родителями, ему становилось дурно. А ещё безумно не хотелось в приют.

Потом кончились деньги, потом его вежливо попросили и из пансиона, и с больничной кухни. Никому не нужен во Франции, и тем более никому в Америке. Ему было пятнадцать лет, и он остался совершенно один. Энди вышел на непривычно зелёный бульвар, присел на скамейку и заплакал.

– Что, браток, проблемы? – весело спросили его.

– Да пошел ты... – сказал Энди по-русски, не поднимая глаз.

– Какой ты невежливый, земляк! – рассмеялся всё тот же голос. – И нечего реветь. Moskva slezam ne verit.

Энди ошеломлённо уставился на собеседника. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати пяти с жёстким мужественным лицом и неожиданно живыми смешливыми глазами. Одет он был в форму военного астронавта с лейтенантскими нашивками.

– Yolkee-palkee! – воскликнул молодой человек, хлопая себя по лбу. – Я же знаю, кто ты! Это ведь ты американскую подлодку утопил! Ну, земляк, везёт тебе! А им, уродам, так и надо!

Энди против воли улыбнулся. Было в этом лейтенанте что-то такое, что заставляло ему верить.

– Так, – сказал лейтенант, усаживаясь рядом и протягивая руку. – Честь имею, навигатор первого класса лейтенант Uspensky Oleg Igorevich. А ты, дружище...

– Andrey Verner, – сказал Энди, одной рукой утирая слёзы, а другой пожимая крепкую ладонь.

– Я читал в новостях, – кивнул лейтенант. – Всё про тебя знаю. Кроме одного: куда ты теперь и как вообще дальше...

– Понятия не имею, – признался Вернер и без приглашения рассказал лейтенанту короткую историю своей жизни. Самым интересным событием в ней было столкновение с экранированной от радарного сигнала военной субмарины, дежурная вахта которой удивительным образом прошляпила гражданский лайнер на встречном курсе.

– Да, – сказал лейтенант, выслушав Энди. – Знаешь, дружище, в чём истинный смысл второго закона термодинамики? Как ни упирайся, а бардака всё больше. И чем сильнее упираешься, тем хуже неразбериха. В космосе, доложу я тебе, всё то же самое. Но бывают такие люди – везучие, которых это не касается. Вот ты, например. Только сел на скамеечку, и тут я пришёл. Главное, как меня сюда занесло, не представляю. Я обычно другим путём хожу, он короче. Ну ладно, Andrey, пойдём.

– Куда? – спросил Энди.

– Тебе пятнадцать, – сказал лейтенант. – Я верю, что, имея соответствующий инструмент, ты можешь распиливать мою башку пополам, и я от этого стану только умнее. Но в клинику тебя сейчас даже санитаром не возьмут. Собираешься?

– А то, – Энди невесело усмехнулся. Уж что-то, а это он уже выяснил.

– Значит, тебе надо перекаптоваться несколько лет при халявной кормёжке и жилье, – продолжил лейтенант. – Ничего, что я по-простому, без церемоний? Называю вещи своими именами.

– Да я понимаю...

– В Париже тебе дадут нищенское пособие и загонят в дешёвую школу. Потом ты пойдёшь на завод вправлять мозги роботам, а ночами будешь готовиться в университет. Тебе придётся туго, но ты пробьёшься и получишь стипендию. Ещё пять лет впроголодь с жуткими нагрузками, потому что днём учёба, а ночами работа санитаром. Учиться надо хорошо, чтобы не отняли стипендию, и пахать тоже придётся до седьмого пота, чтобы не выгнали. И это ещё лучший вариант. Это, считай, если тебе по-прежнему будет везти. Но может статься, что ты останешься до конца своих дней на заводе. На гидропонной фабрике какой-нибудь... Как думаешь, это достойное место для тебя?

– Господин лейтенант, – сказал Энди твёрдо, – не надо меня уговаривать. Я сам понимаю, в каком положении оказался. Куда вы меня зовёте? Объясните – и я пойду. Я вам почему-то верю.

– Молодец! – сказал лейтенант. – Это ты правильно. Мне нужно верить, у меня профессия такая. Представляешь – говорю я капитану: сэр, отказ ходового процессора, управляться не

могу. А он не верит... М-да. Так вот, Andrey. Если ты разбираешься в медицинской технике, то вся наша аппаратура для тебя не сложнее молотка. К восемнадцати ты получишь классную профессию и как военный – массу льгот. Кстати, сможешь перевестись на медицину. Если захочешь, конечно. Вот и решай. До училища десять минут ходу.

– Не знаю, – пробормотал Энди. – Училище... Выше ногу, курсант...

– Да что ты! – лейтенант рассмеялся. – Это же космическое! Там второй принцип термодинамики работает вовсю. И ребята отличные, гарантирую.

– Я по возрасту не подхожу... – робко заметил Энди.

– Сделаем, – отмахнулся лейтенант.

– А вы там преподаёте?

– Да нет. Подбираю себе экипаж из выпускников. Меня на учебную базу загнали временно. Так сказать, в воспитательных целях. За грубость и нетактичное поведение. Но я это училище знаю. Поверь, там вполне можно жить. Кормят от пуза, отдельные комнаты, и, я повторяю, очень приличный народ. По-моему, это для тебя шанс.

– Я хотел бы ещё подумать, – сказал Энди.

– Три дня. Потом я уеду. У тебя деньги-то есть? Ты вообще когда ел последний раз?

– Погодите, господин лейтенант, – попросил Энди. Он спрятал лицо в ладони и несколько минут, сопя, просидел неподвижно.

Лейтенант спокойно ждал.

– Всё правильно, – сказал Энди, убирая руки от лица, которое оказалось красным и слегка дёргалось. – Всё правильно. Я пойду с вами.

– Ты быстро соображаешь для своих лет, – заметил лейтенант. Он поднялся, Энди тоже встал. – Попомни мои слова, даром тебе это не пройдёт.

– То есть? – не понял Энди.

– Не быть тебе адмиралом, – объяснил лейтенант. – Впрочем, как и мне.

У дверей училища Энди внезапно остановился.

– Все нормально, – улыбнулся лейтенант. – Я с тобой. Все будет ОК.

– Да нет, – сказал Энди. – Я хотел спросить... Вы мне помочь решили, потому что я тоже русский?

– Ничего себе! – улыбка лейтенанта растянулась чуть ли не до ушей. – А кому ещё помогать-то на этой вонючей планете? Ладно, не дури, Andrey. Какая разница, кто ты по крови... Тебе было плохо. Как я мог пройти мимо?

– Извините, – пробормотал Энди.

– Ерунда, – сказал лейтенант. – Я, наверное, за свою жизнь раз двадцать вот так сидел один-одинёшенек и впадал в отчаяние, как ты сегодня...

Энди ждал продолжения, но его не последовало. Тогда он не удержался и спросил:

– И к вам подходили добрые люди?

– Ни-ког-да! – рассмеялся лейтенант не без гордости. Он поставил ногу на ступеньку и хитро подмигнул Энди. – Выше ногу, курсант Вернер, – сказал он. – И выше нос. Путешествие началось. Poyehali!

– Poyehali! – откликнулся Энди.

* * *

За последующие годы Энди впадал в отчаяние не двадцать раз, как лейтенант Успенский, а всю тысячу. Он безумно тосковал по родителям и никак не мог понять, отчего судьба жестоко обошлась с ним. Но никогда больше не терял самообладания на людях. Военному астронавту такая роскошь не полагалась.

В навигаторы он не прошёл из-за слишком высокой нервной возбудимости. На отделение систем управления огнём его тоже не взяли – реакция оказалась не та. Расстроенный Энди сидел на подоконнике и с тоской рассматривал свой билет в Европу, когда к нему подошёл старший преподаватель отделения технической поддержки. Он за шиворот снял абитуриента с подоконника и пять минут с ним поговорил. «А откуда ты здесь вообще?» – «Меня привёл лейтенант Успенский», – ответил Энди. «Да ну! – преподаватель рассмеялся. – Узнаю друга Алекса. Его наш ректор до сих пор без дрожи в голосе не вспоминает. Пошли, астронавт. Считай, я тебя зачислил без экзаменов. И если ты через год не будешь лучшим на курсе, я тебе за лень и раздолбайство голову оторву!»

К четвёртому курсу за Энди укрепились репутация блестящего специалиста. Постепенно он входил во вкус: работа с механизмами и электроникой боевых кораблей оказалась не менее тонкой и увлекательной, чем нейрохирургия. Корабли тоже были по-своему живыми, они нуждались в качественной диагностике, и тут Вернеру не было равных. На пятый курс он перейти не успел: за ним приехал знаменитый капитан Успенский, встречать которого выбежало во двор пол-училища. «Poyehali?» – спросил капитан. «Poyehali!» – ответил Энди. Ему вне очереди вручили нашивки энсина, и Успенский забрал Энди на свой дестроер «Хан Соло». Два сезона патрулирования в Поясе энсину Вернеру засчитали как дипломную практику. Без малого половина экипажа «Соло» была из таких мальчишек, уже со знаками различия мичмана, но ещё без официального сертификата. Как Успенский протаскивал их на борт, Вернер до конца не разгадал. Но зато тинейджерский экипаж, не обременённый излишней привязанностью к жизни ввиду отсутствия детей и жён, буквально творил чудеса. Ордена и медали сыпались на дестроер как из рога изобилия. Гоняя пиратов и контрабандистов, «Соло» производил манёвры, невозможные для судов такого типа, и подолгу ходил с ускорениями, под которыми в других экипажах никто не мог шевельнуть рукой.

Потом Энди тонул на «Фон Рее». Потом затыкал своим телом пробойну на скауте «динАльт». Потом вляпался в большие неприятности на десантнике «Рик Декард», где дважды был контужен и чуть не сгорел. Взрывался на бэттлшипе «Эндрю Виггин». И эта последняя история оказалась концом его славной карьеры. Лейтенант Вернер приобрёл дурную репутацию везунчика. Человека, который выпутывается из смертельно опасных ситуаций. И человека, которого эти ситуации находят, что называется, без долгих уговоров. Его никто не хотел брать в экипаж. Даже сам Успенский, теперь уже командер Рашен. Во-первых, у Рашена на «Тушканчике» был полный комплект, а во-вторых, у Вернера в результате многочисленных психических травм здорово испортился характер и он Рашену несколько раз основательно нахамил.

Вернера забраковал лично Задница, тогда ещё не адмирал. Он посмотрел его личное дело, покрутил костлявым носом и сказал: «Этого типа списать под благовидным предлогом. Жаль мужика, но он беду притягивает. Бывают такие люди, к сожалению...» И мастер-техник Эндрю Вернер не прошёл очередную медкомиссию, обнаружившую у лейтенанта критический уровень нервной перегрузки. В принципе комиссия была недалеко от истины, и Эндрю это признавал. Он только обиделся, что ему даже капитана не дали на прощание. Так и загремел в космодромную службу: тридцатилетний лейтенант с Пурпурным Сердцем и редкостным послужным списком.

По идее это было к лучшему. После катастрофы на «Виггине» Эндрю окончательно ненавидел космос, где царит второй принцип термодинамики и, как ни упирайся, всегда найдётся кретин, готовый ни за что ни про что угробить боевой корабль с тобой на борту.

Но с другой стороны, Вернер, спустившись вниз, погрузился в тоскливое и беспросветное одиночество.

Эндрю чинил станции наведения, менял женщин как перчатки и галлонами хлестал самогон, который механики добывали из гидравлической жидкости. Так он и просидел на Земле

всю страшную вторую марсианскую кампанию – работал, пил, трахался, издевался над старшими по званию, совершал эксцентричные поступки и ходил к психоаналитику. В конце концов руководство базы невзлюбило Вернера до такой степени, что стало подыскивать более или менее легальный способ от него избавиться. И тут очень кстати подоспел «Горбовски», куда требовался специалист экстра-класса. А руки у Вернера ещё не дрожали. Работать он мог.

«Горбовски» был прототипом, кораблём принципиально новой системы, на котором хотели обкатать старую как мир идею «нуль-Т». Предполагалось, что, сгенерировав вокруг себя некое замысловатое поле, эта штукавина сможет проколоть пространство, раствориться на границе Солнечной и выскочить незнамо где. Детали работ по «Горбовски» были строго засекречены, но о самой идее буквально орали все сводки новостей, подавая затею как безусловно героическую и эпохальную. Особенно журналисты напирали на фантастическую смелость экипажа, смакуя блестящие эпизоды боевого прошлого испытателей-добровольцев.

Некоторых из этих людей Эндрю знал и обоснованно полагал сумасшедшими. А начальство полагало сумасшедшим его, лейтенанта Вернера. И стало подъезжать с настойчивыми советами пойти в испытатели. В ответ Вернер грязно выражался по-русски и делал неприличные жесты. Его вроде бы оставили в покое, но в один прекрасный день, когда Вернер, мучаясь с похмелья, брёл на службу, лейтенанта нагнали механики и стали громогласно поздравлять. Вернер кинулся к ближайшему терминалу, вывел на монитор блок новостей и опешил. С экрана глядела его угрюмая физиономия, а чей-то голос взхлёб расписывал, какой великий специалист и настоящий герой подал заявление на должность старшего техника «Горбовски». У ворот базы уже толпилась пресса.

Вернер нехорошо посмотрел на механиков, и ему тут же сунули флягу с бормотухой. Эндрю основательно похмелился, здорово упал духом и внезапно потерял над собой контроль.

Журналистов спасло от фатальных увечий незыблемое правило: никаких спецкостюмов за воротами базы. Да наземному персоналу спецкостюм и не положен. Но пару челюстей Эндрю всё-таки свернул. Драться он не умел и поэтому бил так, чтобы уж наверняка. Потом разогнал спешивший к месту побоища наряд военной полиции, ворвался в кабинет начальника базы, закатил ему истерику, вышиб зуб, сломал ребро и оттащил за волосы.

И угодил под трибунал.

Какую дурь подсыпали в выпивку и что потом сказал исполнителям начальник базы – интересно было бы узнать, конечно.

Позже Эндрю рассказывал эту историю Рашену и Боровскому смеясь. Выходило, что ему действительно крепко повезло. Могли поставить к стенке, могли загнать на урановую каторгу, что в принципе одно и то же. Но либо Эндрю чего-то недоговаривал, либо его счастливая звезда в те дни горела особенно ярко.

По словам Эндрю, первым и единственным, кто навел его в камеру, оказался капитан Риз, командир «Горбовски». «Пошли с нами, лейтенант, – сказал капитан. – Тебя же эти сволочи шлёпнут. А так хоть какой-то шанс. Хрен ли нам, смертникам?» – «Не понял?..» – «У меня половина экипажа из-под трибунала, – объяснил капитан. – А остальные – долбанутые. Разве нормальный человек согласится по доброй воле быть первым испытателем нуль-Т-корабля? Но с твоими руками мы эту хреновину так гениально ломаем, что испытания лет на сто затянутся!»

Эндрю почесал в затылке. Капитан Риз начинал ему нравиться.

«Будем себе болтаться вокруг орбитальной верфи и заниматься саботажем, – продолжал капитан. – Всё равно эта нуль-транспортировка – бред. Не верю я в неё. Такой мастер, как ты, считай, для нас спасение». – «А если я не смогу?» – усомнился Эндрю. Капитан пожал плечами. «По большому счёту всё равно, – сказал он. – Нам так и так идти за Цербер. А за границей Солнечной кто нас заставит делать то, чего мы не хотим? Ты не сомневайся. Они думают, я настоящий псих и жду не дождусь, как бы рвануть в подпространство. А я всего-

навсего обычный алкаш. Трус я и сука. Ходил на десантнике, бросал ребят на поверхность. А однажды нажрался до глюков и своего навигатора, хорошую бабу, взял да удавил. Показалось мне, что не туда рулит. Сел за управление, стал отворачивать и собственным выхлопом три десантных бота спалил. Ну, думаю, молодец, долетелся. И тут как осенило меня. Выхожу на связь и говорю начальству: извините, не могу больше воевать с мирным населением, свободу Марсу и так далее. Только что в знак протеста сжёг три сотни героических десантников, туда им и дорога, кровавым убийцам... А самого хохот безумный разбирает. Меня – бац! – в психушку на экспертизу. И что ты думаешь, нашли какое-то поражение чего-то там в башке. Допился, судя по всему. Поэтому и не убили. Но три года в палате – та же могила, разве что светло. Вот с таким командиром ты пойдёшь, лейтенант. Командир-то я хороший. Тем более не пью вообще ни капли – вылечили. Ну что, согласен?»

Эндрю не глядя подписал бумаги, согласно которым исполнение смертного приговора откладывалось на неопределённый срок. Под усиленным конвоем его переправили в закрытый тренировочный центр. Он как раз внедрился в компьютер системы охраны и готовил побег, когда за ним приехал флаг-адъютант группы F капитан Мозер с секретным предписанием Адмиралтейства. Приговор скостили до пятнадцати лет условно, звание и награды вернули. Оказалось, что на флагмане группы F произошла безобразная драка, и старший техник капитан Скаччи, весь в слезах и соплях, на коленях стоял перед адмиралом, умоляя не отправлять его вниз. А Рашен обратился в строевую часть Адмиралтейства и спросил, где сейчас лейтенант Вернер. «Да он сидит», – ответили ему. «За что?» – удивился Рашен. «Нападение на старшего по званию. Кажется, съездил по морде начальнику базы». – «За такое ордена полагается давать, – небрежно сказал Рашен. – Найдите мне его. А я пока с адмиралом флота переговорю и улажу формальности».

Теряясь от смешанного чувства стыда и восторга, Эндрю ступил на борт флагманского корабля, не зная, что сказать Рашену и как его благодарить. Эндрю по-прежнему не любил космос. Но понимал, что единственное его спасение – работа. И как минимум был в долгу перед адмиралом. Которому он зачем-то остро понадобился.

Уже через сутки на «Тушканчике» Эндрю буквально расцвёл. Ему поставили безумную по сложности задачу. Но зато адмирал не держал на него зла, а вокруг были отличные люди, элита группы F. И прелестная женщина-навигатор, которой Эндрю вроде бы тоже понравился. Жизнь наполнилась смыслом. А то, что Вернер оказался в сердце настоящего антиправительственного заговора, его пока не волновало. Он не верил, что это может плохо кончиться, и убеждал себя, будто Рашен, как обычно, старается предусмотреть даже невозможное, и правильно делает, но ведь он где-нибудь на полпути найдёт разумный выход.

Эндрю не был глуп. Просто он был неисправимый романтик и открытая душа.

Как раз таким людям больше всего доверял Рашен. Такие не любили умирать и поэтому старались не совершать ошибок. Ещё их не тянуло на подвиги. С героями Рашен боролся всеми доступными способами. Недаром его начальником штаба был известный буквоед, задница и саботажник контр-адмирал Задница, лучшим разведчиком считался отпетый перестраховщик Эбрахам Файн, а за состоянием техники следил клинический зануда Боровский. Отчасти этим объяснялись успехи группы F во второй марсианской кампании. Опираясь на таких, мягко говоря, странных людей, Рашен воевал ювелирно. Задница обеспечивал абсолютную тактическую грамотность операций, Файн ни разу не дал заключения на основе недостаточных данных, а Боровский гнал на верфи любой мало-мальски побитый корабль. В итоге Задница получил орден, у Файна проявилась в лёгкой форме параноя, Боровский слёг в больницу. Рашен имел кучу неприятностей в Адмиралтействе, но задачи были выполнены, а экипажи группы F – целёхоньки.

И Эндрю Вернер, все боевые подвиги которого были делом чисто вынужденным, такое положение вещей от души приветствовал. Под крылом у Рашена он отогрелся и почувствовал

себя человеком, которого в беде не бросят. Взамен он работал как проклятый. А ночами ему снилась блондинка с зелёными глазами и обворожительной улыбкой. Мастер-навигатор Кендалл. Милая Кенди.

* * *

Вернер после работы забежал в душ и теперь слегка опаздывал. Поэтому он спешил и, выскочив из-за угла, чуть не сбил с ног весьма представительного господина, одетого в парадную форму военного астронавта: сплошь пуговицы, галуны и прочая бижутерия.

– Ты куда так разбежался? – хмуро спросил его флаг-адъютант капитан Мозер. – К бабе, что ли?

– Извини, – сказал Вернер и потянулся было поправить сбившийся набок аксельбант, но Мозер деликатно вырвался. – А чего у тебя аксель не пришит? Оторвут ведь.

– Когда пришит – некрасиво, – авторитетно заявил Мозер, приводя себя в порядок.

– И пуговица вот на честном слове болтается...

– Тише, ты! Да не дёргай! Ну же, Энди! Отпусти!

– Да я так... попробовал. Ты вообще откуда взялся такой красивый?

– Снизу, – устало объяснил Мозер, приваливаясь к стене. Видно было, что он не особенно спешит и рад возможности почесать языком.

– Ну, и как там, внизу?

– Ты что, новостей не видел?

– Мне по Сети бродить некогда, – заявил Вернер. – Я в основном по центральному стволу летаю. Вот тебя бы туда со всеми твоими... причиндалами.

– Ладно, ты, слесарь хренов... Короче говоря, последний опрос показывает – скорее всего, на Собрании Акционеров для роспуска военного флота не хватит шести процентов голосов.

– Так отлично! – просиял Вернер. – Это же просто здорово!

– Здорово-здорово, а ни хера не здорово, – неожиданно зло высказался стихами Мозер. – У соседа моего отымели борова!

Вернер опешил. О существовании такой лихой баварской поговорки он, судя по всему, не слышал. Даром что был немец только по фамилии.

– Ты чего?.. – с опаской спросил он.

– Да ничего. Видишь, стою, дурака валяю, а дальше идти – боюсь. Мне сейчас твоего папочку в парадку одевать. Бляху ему драить, башмаки чистить и всё такое...

– Что-то случилось? – посочувствовал Вернер. – В Адмиралтейство, к Дяде Гуннару на пистон?

– А то... Слышал, «Рипли» к Церберу послали?

– Даже видел. И правильно сделали, что послали.

– Я не знаю, правильно или как, только денежки на бустер твой обожаемый Рашен хапнул из резервного фонда. Никого не спросясь, без серьёзного обоснования. Накорябал записочку для отчёта... И какая-то сволочь из штаба Задницы, ясное дело, капнула вниз. А знаешь, что внизу бывает за разбазаривание средств? В лучшем случае припаяют самоуправство. И Рашена теперь – на вздрючку. Ладно, ему не впервой. Только вот если информация выйдет из стен Адмиралтейства и попадёт в Сеть... Найдётся ведь зараза, раззвонит на всю Солнечную. А Рашен, может, последний вояка, которого на Земле ещё с дерьмом не смешали. И плакали твои шесть процентов голосов. Он же эти бабки, считай, украл! А главное, зачем?!

– Во-первых, не «твои шесть процентов», а наши, – поправил его Вернер. – Или ты уже не наш, а, крыса штабная?

– На себя посмотри, жертва радиации. Таракан реакторный!

– А во-вторых, ничего ему не будет, – продолжил Вернер твёрдо. – Ты же сам знаешь, почему Файн пошёл к Церберу. Наоборот, Рашена хвалить надо. Он же работает на опережение. Защищает мир от внешней угрозы.

– Это, что ли, от чужих? – спросил Мозер с нескрываемой издёвкой.

– А от кого ещё?

– Знаешь, Энди, ты, конечно, мужик что надо, но дурак редкостный. Мой тебе совет – про чужих ни слова.

– Погоди... Ты в них что, вообще не веришь?

– В чужих никто не верит там, – Мозер ткнул пальцем себе под ноги. – Согласись, в таком контексте уже неважно, что думаю я. Стоит Рашену только заикнуться о своих идеях, и он всему флоту кинет подлянку. Тебе сказать, как ведущие психиатры внизу трактуют активные действия по розыску чужих? Или сам в курсе?

– Болезненная тревожность, – мрачно кивнул Вернер, опуская глаза. – Хотя нет, активные действия – это уже симптом мании преследования. Вот дерьмо!

– Они, конечно, тормозят, – сказал Мозер, – но я их понимаю. У Совета Директоров сейчас есть чёткая задача – развалить флот и высвободить деньги. Вот они её и выполняют. А если чужие прилетят и врежут, это будет уже совсем другой разговор. И другая политика.

– Интересно, какую он придумал отмазку, – пробормотал Вернер, имея в виду Рашена, который в Адмиралтействе о чужих, разумеется, не заикнётся. Понять это было обидно.

– Придумает что-нибудь. Он же русский всё-таки. Хитрожопый.

– Как дам в лоб! – пообещал Вернер. – Не посмотрю, что целый капитан.

– Ой-ой-ой! – рассмеялся Мозер. – Напугал. Главное, не расстраивайся. Ты же к бабе шёл? Вот и думай о хорошем. А то ещё не встанет...

– Фу! – Вернер брезгливо сморщился. – Что за слова... Будто и не астронавт вовсе. Говоришь, словно всю жизнь внизу ползал. Стыдно.

– На себя посмотри, – всерьёз обиделся Мозер. – Тоже мне, понимаешь, орденосный герой, весь в шрамах и без пиписки...

– А ты ведь боишься, – неожиданно спокойно заметил Вернер. – Ты же наверняка присмотрел себе местечко в наземных службах. Дал на лапу кому следует... Распустят нас или нет, тебе в любом случае ещё лет на десять жирный кусок гарантирован. Интересно, с какой рожей ты подпишешь распоряжение о сдаче «Тушканчика» на слом... Что, угадал?

– Да пош-шёл ты! – почти крикнул Мозер. Обвинение было довольно серьёзным. В случае роспуска флота его наземные службы автоматически превращались в контору по инвентаризации всего, что от флота осталось, затем – эксплуатации того, что ещё могло летать под коммерческим флагом, а потом и утилизации оною. Неписанный кодекс чести не позволял лётному составу участвовать в таких мероприятиях. Считалось, что это предательство.

– А если Рашена вниз спишут, – продолжал зловеще Вернер, – то ведь и твои акции здорово упадут, правда? Это ты сейчас крутой, ходишь адъютантом при самом лихом адмирале. А так ведь – ноль без палочки. И внизу тоже никому не будешь нужен.

– Знаешь, это ведь я тебе в лоб звездану, – прошипел Мозер. – Тоже не посмотрю, что ты всего лейтенант. Не пожалею нищую сиротинушку, психически травмированную да условно освобождённую...

– Попробуй, – сказал Вернер. – Только учти, что я не хотел тебя обидеть. Я просто констатировал факты. И знаешь... Мне тебя жаль.

Мозер неожиданно сник. Ударить Вернера он, конечно, не рискнул бы. А в перепалке у него шансов выиграть не было, потому что Вернер угадал всё правильно.

– Злой ты стал, – только и сказал Мозер. – И что-то очень уж нос задрал. Ты сейчас тоже у Рашена в фаворе. Но были времена, когда ты вёл себя по-другому. Попомни мое слово, он тебя снова выжмет, как тряпку, и выбросит. Чисто русская модель поведения: себя не жалко

и других не жалко, я эти штучки знаю. Сегодня ты ему нужен, а завтра... И вообще, Энди, не забывай, где я тебя видел и как плачевно ты в этот момент выглядел.

– Я же не герой, – мирно сказал Вернер. – Я так... просто астронавт.

Повернулся и ушёл.

Мозер дёрнулся было с намерением сказать вслед гадость, но передумал. На любое его обидное слово Эндрю уже сто раз мог предложить Мозеру, допустим, нырнуть в Юпитер. Или посидеть в тюрьме. Но ведь не предложил.

– Дурак ты, – сказал Мозер уныло.

В тюрьме, куда Мозер за ним приехал, Эндрю выглядел далеко не плачевно. Был в этом человеке какой-то удивительный нестигаемый стержень. В любой кризисной ситуации Вернер быстро соображал, компетентно действовал и никогда не терял головы. На взгляд Мозера, он был отличный профессионал и настоящий герой. А то, что в обыденной жизни Вернер оказался рохлей и сейчас таскал позорные для своего возраста лейтенантские нашивки, Мозера не удивляло. По его мнению, это как раз была характерная примета героя. Флаг-адъютант Мозер по-чёрному завидовал своему однокашнику, которого другой герой – Успенский – прямо с четвёртого курса забрал в космос.

Мозер тяжело вздохнул, сунул руки в карманы и отправился по своим абсолютно негероическим делам. В этом и заключалась разница между успешным и состоятельным Мозером и ободраным неудачником Вернером. Эндрю на каждом шагу подстерегала возможность блестяще проявить себя. Да, это было опасно для жизни, но как красиво выглядело! И планка Сердца на рабочей куртке Вернера всегда будет волновать девичьи сердца. А все нашивки и галуны Мозера говорили только о респектабельности и добропорядочности, но никак не об умении выживать и спасать других, которое так ценят женщины.

Конечно, Мозер тоже неоднократно имел возможность красиво выступить. Но на совсем другом поприще, штабном, а это дело особое, для людей надёжных, умных и дальновидных, только вот, увы, неспособных держать перегрузку и мгновенно принимать решения. Единственным в группе F «штабным», которого по-настоящему уважали боевые офицеры, был контр-адмирал Задница, успевший по молодости отмочить такой подвиг, что не смог больше водить корабли.

А флаг-адъютант Мозер с детства бредил космосом и очень хотел совершить где-нибудь в Пространстве настоящий героический поступок. Можно даже с травмой, физической, а лучше ещё и психической, что уже совсем круто, ведь кости сростутся, а душа никогда... Прийти на выручку, спасти коллег, разнести врага в мелкие клочья, уползти домой на разбитом отражателе и, ступив на твёрдую землю, с облегчением сказать: «Я сделал всё, что мог!» Но, увы, как раз сделать всё, что в его силах, прожить отрезок жизни на пределе возможного и вернуться из смертельного боя живым Мозер оказался неспособен. И до сих пор страдал по этому поводу. А по пьяни даже горько расстраивался. Хотя по большому счёту не был ни в чём виноват.

Молодую смелость флаг-адъютанта хватил столбняк пятнадцать лет назад. Мозер, тогда ещё лейтенант, ждал на орбитальной базе погрузки на скаут «динАльт», куда был приписан вторым навигатором. И увидел заходящий на стыковку легендарный круизер «Лок фон Рей», совершивший фантастическое погружение в Юпитер. Мозер знал нескольких ребят с «Фон Рея», в том числе Эндрю Вернера, и поспешил к шлюзу, благо офицерское звание позволяло ходить везде и совать нос в чужие дела.

А из шлюза выплывали бесчувственные тела в запечатанных спецкостюмах, смотанные между собой электрическим шнуром, чтобы ветром не сносило. Второе, третье... Когда Мозер досчитал до пятидесяти, ему стало плохо. А когда вслед за телами вышли на своих ногах, с трудом цепляясь подошвами за магнитный пол, десять относительно здоровых астронавтов, Мозер не рискнул подойти к ним.

Впереди шагал капитан Успенский, ещё не подозревая, что месяцем позже навсегда получит знаменитое имя «Рашен». Впрочем, скажи это Успенскому тогда, он бы и ухом не повёл. Капитан был никакой, если не сказать жёстче. А следом показался Вернер, и в глазах его сквозило плохо скрываемое безумие.

Мозер отступил на шаг, потом ещё, а потом не выдержал и удрал. Не бежал с флота, вовсе нет, только что-то он в том проклятом шлюзе навсегда потерял. То ли молодость, то ли готовность рисковать и жертвовать собой. То ли, как он безуспешно уверял себя позднее, глупость. Для очистки совести Мозер дважды сходил на «динАльте» к Марсу и один раз к Венере, но судьба берегла кораблик от серьёзных неприятностей. Может, потому, что командовал на нём Эбрахам Файн. Но Мозер почувствовал, что вероятность катастрофы накапливается, и подал рапорт на переподготовку. Не успел он год проучиться на штабного аналитика, как «динАльт» схлопотал в Поясе сквозную пробоину. Спасла экипаж, метавшийся в дыму и огне, только находчивость техника, который оказался возле самой дырки и хладнокровно заткнул её кулаком. Узнав об этой истории, Мозер напился вдрызг и навсегда успокоился.

Он сделал нормальную карьеру в штабе Задницы, участвовал в планировании ряда удачных операций, считался толковым разработчиком и приятным в общении человеком. Потом Эссекс рекомендовал его во флаг-адъютанты. Рашену нельзя было врать, и на вопрос, отчего Мозер пошел в штабные, тот выложил адмиралу историю про шлюз. Адмирал ему посочувствовал и сказал: «Ладно, принимай дела». Сначала Мозер был от счастья на седьмом небе, работал не за страх, а за совесть и, сам того не замечая, приобрёл блестящую репутацию. В Адмиралтействе на толкового и исполнительного Мозера нарадоваться не могли. Но потом картину стала портить его излишняя близость к строптивому русскому. Будучи передаточным звеном между командиром группы F и адмиралом флота, Мозер постоянно ходил по лезвию, рискуя подставиться и с той и с другой стороны. А когда на твоего начальника стараются оказать давление через тебя самого...

В последние дни ситуация усугубилась. И сейчас, направляясь к адмиралу с дурными новостями, Мозер нарочно замедлял шаг. Он всё прикидывал, когда именно умнее попросить Рашена о переводе вниз и как эту просьбу изложить.

А драпать было самое время. Потому что история с отправкой «Рипли» на Цербер пахнет дурно, и Рашену того и гляди оторвут его чересчур умную русскую башку.

* * *

На двери каюты старшего навигатора Кендалл была красным фломастером нарисована конфетка. Рисунок явно делался в одно движение, на ходу, но яркая линия, небрежно брошенная на белый пластик, выдавала недюжинный талант.

Вернер задумчиво ткнул пальцем кнопку вызова, и дверь тут же распахнулась.

– А у нас на «Тушканчике» маньяк, – сказал Эндрю, невольно провожая глазами уплывающую в стену конфетку. – Здравствуйте, капитан. Извините, я немного запоздал... – Он перевёл взгляд на стоящую в дверном проёме девушку и с трудом поборол желание схватиться за сердце, которое вдруг основательно защемило. Он не думал, что соскучился по Иве до такой степени. И вообще, он ещё не опомнился от бестолковой перепалки с Мозером. Всю дорогу до каюты Эндрю пытался в мыслях поставить себя на место флаг-адъютанта, а Мозера – на своё. Не вышло.

– Здравствуй, – сказала Ива и отступила назад. Судя по её виду, она тоже пребывала в лёгком замешательстве. – Ну, заходи. А маньяков у нас полкорабля.

– Да нет же! – отмахнулся Эндрю. – Вот, посмотрите, что у вас на двери нарисовано.

– Мы, кажется, были на ты, – напомнила Ива, выходя в коридор и закрывая дверь. – Ого! Слушай, это откуда?

– Понятия не имею. – Эндрю все-таки поднял руку и потёр ноющую грудь. Никогда с ним раньше такого не было. Странное ощущение, будто всем телом он что-то предчувствовал. Нечто грандиозное и даже пугающее.

Ива стояла в шаге от него, совсем близко, и Эндрю с умилением подумал, какая она трогательно маленькая, уютная и домашняя в лёгком спортивном костюме и босиком. Ему вдруг безумно захотелось положить девушке на плечо сильную уверенную мужскую руку и защитить Иву сразу от всего на свете. Но рука плохо слушалась.

– М-да, – протянула Ива, разглядывая конфетку. – Художник. Бывают ведь талантливые люди... Один росчерк, а сколько экспрессии. Вот бы его, негодяя, поймать! Чтобы в наказание приличную картину для кают-компаний написал!

– Вы руку не узнаете?

– Слушай, Энди, ты меня достал, – сказала Ива, поворачиваясь к нему лицом. – Не «вы», а «ты».

– Я больше не буду, – скромно пообещал Эндрю. – Узнаёшь руку?

Ива ещё раз посмотрела на рисунок, покачала головой, открыла дверь и махнула Вернеру: заходи.

– У него пристрастие к красному цвету, – объяснил Эндрю, шагая через высокий порог с вакуумным уплотнителем. – Это же его художество в бассейне-то.

– Может быть, – кивнула Ива, приказывая двери захлопнуться. – Очень даже может быть...

– Элементарная графологическая экспертиза, – не унимался Эндрю. Он был по-прежнему несколько смущён, хотя сердце уже отпустило. – Есть же образцы почерка всего экипажа. Достаточно отсканировать эту конфетку и поставить компьютеру задачу. Наверняка в Сети есть какой-нибудь такой софт. Правда, у нас вспомогательные компьютеры слабые, но это ерунда. Ходовому процессору работы будет на пару секунд.

– Ах ты, негодник! – рассмеялась Ива. – А ещё мастер-техник называется!

– Подумаешь, – Эндрю гордо выпятил грудь. – Делов-то. Всё равно этот процессор сейчас отдыхает. Никто и не заподозрит, что у него на уме... И вообще, у меня один приятель сделал из обычного унитаза самогонный аппарат. На скауте. Там все равно им никто не пользуется. Вот как ребята до Цербера долетят... – Тут он осёкся и сделал большие глаза.

– Я молчу! – усмехнулась Ива. – Расскажи ещё что-нибудь.

– Да это все неинтересно. У техников своя жизнь, свои байки. У навигаторов тоже. Профессиональный фольклор. В центральном стволе только что дикий хохот стоял. Но окажись рядом, допустим, Боровский, он бы решил, что мы ненормальные. Хотя и отвечает за боевую часть. А в... Ты зачем меня позвала?

– Молодец, – похвалила его Ива. – Привыкаешь. Слушай, тут у нас такое... Надо же, чуть не забыла!

– Я тоже, – неожиданно ляпнул Эндрю. Просто не мог с собой ничего поделать. Взял и сказал.

– А ты о чём забыл? – удивилась Ива.

Вернер крепко зажмурился и выпалил:

– Я уже подумал, что у нас просто свидание!

А когда разжмурился, Ива была совсем рядом и смотрела на него снизу вверх, доверчиво и внимательно.

– Кто ты, Эндрю? – спросила она, в точности как в прошлый раз.

– Или я тебя сейчас поцелую, или умру, – сказал он невпопад.

Вот так просто, без привычных заигрываний, что называется, грудью на амбразуру. «Как даст мне по морде сейчас... – пронеслось в голове. – А я перед ней на колени упаду. Всё, пропал. Это любовь. Надо же!»

Но ласковые руки уже обнимали его за шею, а мягкие нежные губы прижались к его губам.

Эндрю осторожно, но крепко обнял Иву и провел кончиком носа по её щеке. Поцеловал в шею, почти неощутимо, одним дыханием. И заглянул в чуть приоткрытые глаза. И снова поцеловал в губы, страстно, но без напора, без агрессивной мужской жадности, которую знал за собой. С Ивой сейчас был совсем другой Энди Вернер, не тот, которого знали многие женщины там, внизу. Он и сам-то не узнавал себя.

– погоди, – сказала Ива, мягко отстраняя его.

Эндрю послушно отодвинулся, но объятий не разжал, только позволил ей чуть увеличить дистанцию. Глаза Ивы по-прежнему были прикрыты, и вырываться она не собиралась. Каким-то шестым чувством Эндрю понял: ей хорошо в его руках. Она просто хотела что-то сказать.

– Я же действительно забуду, – почти шёпотом произнесла Ива и, чтобы собраться с мыслями, упёрлась Вернеру пальцем в грудь. – Слушай, у нас... тьфу, всё путается. У нас ходовой тренаж внеплановый. Но в рубке не получится. Две команды, понимаешь? Соревнование. Мы сядем в библиотеке и вводные будем давать вспомогательным компьютерам. А ты же сам говорил, они слабые...

– Что там у вас? – спросил Эндрю деловито, и Ива совсем очнулась. Широко раскрыла глаза (Вернер от восхищения тяжело вздохнул, эти глаза и так были невероятно красивы, а сейчас ещё и светились), но в сторону не отошла, а наоборот, обхватила Эндрю руками за пояс.

– Рейд к орбите Юпитера, на скорость, – объяснила Ива. – Соображаешь?

– Угу. Обзорные мониторы... Правильно, что в библиотеке. Но?

– Вот именно – но. Брось туда линк от ходового процессора, а?

– Боровский в курсе? – мгновенно отреагировал Эндрю.

– А это обязательно? – Ива хитро прищурилась.

– Да как сказать... Когда тебе это надо?

– Завтра к восемнадцати бортового. Ну, к восемнадцати тридцати...

– Понимаешь, милая, я ведь не успею протянуть линк по вентиляционной системе, как это обычно делается в таких случаях. Кабель пойдёт открыто, через коридор. И если Боровский об него споткнётся... Ладно, ну его. Будет тебе линк.

– Как ты сказал?

– Что?

– Как ты меня назвал?

– Милая...

– Ещё раз, – попросила Ива.

– Милая, – повторил Эндрю, внутренне замирая от восторга.

Ива подалась к нему, прижалась лицом к его груди и, опустив глаза, в который раз отметила, какие у Эндрю красивые руки – и как ей это нравится. А ещё она снова заметила шрам. Эндрю был в рабочей куртке с закатанными до локтя – по моде Ванкуверского училища – рукавами. И длинная белая рваная линия так и бросалась в глаза. Ива осторожно потрогала шрам кончиком пальца.

– Значит, полз и зацепился? – спросила она.

– Ну, в каком-то смысле зацепился. – Эндрю прижал её к себе крепче и от удовольствия закрыл глаза.

– Врёшь постоянно! – беззлобно обвинила его Ива.

– Да не вру я! История на самом деле идиотская. Был такой скаут, «Язон динАльт». Первый скаут Абрама Файна. И я около года на нём ходил. Однажды нас загнали в Пояс, базу контрабандистов искать. К полицейским на усиление. И Абрам против обыкновения разлетелся. Вокруг камни, пора надевать скафандры, а он всё соображает что-то. Нет, думаю, так не пойдёт. А пульт техника на скауте в корме, у всех за спиной. И я потихоньку в скафандр влез.

Тут Абрам говорит: ладно, мужики, одеваемся. И буквально через секунду ка-ак долбанёт!.. Потом оказалось, что эту зону пиратский дестроер патрулировал. У него тоже вахта спала, наверное. Пираты, они же все кто пьяный, кто ещё что... Короче говоря, нас элементарно не заметили. Только в последний момент спохватились и шарахнули беднягу «динАльта» по заднице. Внешняя обшивка – насквозь, а внутреннюю так... порвало слегка.

– Пожар? – догадалась Ива.

– Не то слово. Чёрный дым, народ поливает друг друга из огнетушителей, крик страшный... И сирена орёт – разгерметизация. А где дырка, глазами не видно, потому что всё в дыму. И конечно, аварийная подкачка старается вовсю, чтобы люди не задохнулись, а на самом деле подкармливает огонь кислородом. Меня слегка контузило, я сижу, головой мотаю, шлем закрылся, и вся телеметрия прямо на забрало идёт. Смотрю: так вот же дырка, только руку протяни, чудо вообще, что не убило меня. Угадал я с этим скафандром... И неприятная такая дырка, затягивает её помаленьку, но слишком медленно. Смертельный вариант, до критической точки секунд десять. Ну, я отстегнулся, шагнул и, собственно, протянул руку. Сунул. Как-то машинально. Вот и вся история. Пока разворачивались, пока из Пояса выпрыгивали, я так и стоял с рукой в дыре. И скафандр приварило к обшивке. Ну...

– И тебя пришлось вырезать, – закончила Ива.

– Ага! – простодушно согласился Эндрю.

– Какой же ты врун! – заявила Ива почти восхищённо.

– Есть немножко, – скромно потупился Эндрю.

– Просто невообразимый! – Она медленно потянула вниз застёжку его куртки и задохнулась от изумления.

Военные астронавты все были крепкие мускулистые ребята, и Эндрю в этом плане ничем не выделялся, разве что выглядел чуть помассивнее. Но грудь его расплосовали такие шрамы, каких Ива в жизни не видела.

– Не заживляется, – извиняющимся тоном пробормотал Эндрю. – Нужна хорошая пластика, а я не настолько богат.

– Бедный, – прошептала Ива, осторожно целуя его изуродованную грудь. Куртка упала на пол. – Бедный мой Энди...

«Она меня за муки полюбила, – вспомнил Эндрю идиотский стишок, – а я её... за попу укусил. Что угодно, только не это». Его чуть не разобрал нервный смех, так он был взволнован. Но всё-таки понял, что жалости в голосе Ивы ни на грош. А есть нечто на грани любования и восхищения.

– А у меня знаешь какая дырка под грудью? – спросила Ива в перерыве между поцелуями.

– Сейчас посмотрим, – сказал Эндрю, осторожно раздевая её. – У-у... Это ваше Сердце, капитан?

– Да. А это, – Ива обозначила вопрос прикосновением губ, – ваше, лейтенант?

– Да.

– Ты мне когда-нибудь расскажешь?..

– Клянусь, – выдохнул Эндрю так искренне, что едва не заплакал. Его всего колотило от нежности и восторга.

– Я так ждала тебя... – прошептала Ива, откидываясь назад, чтобы ему было удобнее целовать её напрягшиеся от возбуждения соски.

– Я так мечтал о тебе...

– Ты когда-нибудь делал это наверху? На корабле?

– Нет. Значит, мы друг у друга первые?

– Да... Замечательно, правда?

– Это прекрасно...

– Иди ко мне...

– Милая...

Эндрю не думал, что это окажется так. Он вообще ничего особенного не ждал от сегодняшней встречи. Немолодой уже и много переживший мужчина, он был впервые по-настоящему влюблён. До умопомрачения. И готов ради Ивы на всё, даже на рыцарское обожание издали. Настроился на серьёзный, неторопливо развивающийся роман. Вовсе не хотел форсировать события.

Боялся, наверное.

Но Ива уже не могла ждать. Энди Вернер, обаятельный мужик со страшной тайной за плечами, роскошным «хвостом» за спиной и неумелыми попытками скрывать при разговоре внушительный словарный запас... Он был нужен ей. Ива раньше просто не встречала людей по-настоящему взрослых и по-настоящему сильных глубокой внутренней силой, которая сквозит в каждом движении – и неумолимо притягивает. Ива ещё не нашла своего мужчину. А нужен ей был именно такой.

Недаром она всё хотела прикоснуться к адмиралу и сказать ему что-нибудь хорошее. Но всерьёз полюбить Рашена не получалось, настолько он был далёк от Ивы годами и ответственностью. А вот Энди...

Ива словно всю жизнь его ждала. Он ещё нёс чепуху про местного художника, рисующего красным, а она уже представляла себе, как потрясюще будет то, что ждёт их обоих чуть впереди. Удержать взаимное притяжение трепещущих сердец невозможно, остаётся только покориться ему. В тесной каюте стало вдруг нестерпимо жарко, а потом этот жар собрался у Ивы в груди и внизу живота, и она умерла бы от удовольствия, если бы не мечтала о большем. На двоих.

В вихре эмоций, рвущихся из влюбленной женщины, Эндрю совершенно потерял себя. Он хотел сначала доказать Иве свою нежность, довести её до экстаза одними прикосновениями. А уж потом...

Но Ива раскрылась ему навстречу и направила в себя.

И очень скоро потолок каюты отразил её восторженный крик.

* * *

Филипп Эссекс получил награду, в просторечии именуемую «Звезда Урою», в самом начале первой марсианской кампании. Он ходил на дестроере в составе Второго крыла прикрытия группы F и считался лихим командиром, из тех, кого вот-вот начнут звать на борту «драйвер». В несчастливый день, окончившийся подвигом, капитана Эссекса послали в одиночный патруль. Его «Роканнон» должен был утешить пустынный район марсианской поверхности, местное захолустье, где отродясь не было никакого шевеления – только заброшенные шахты. Их просканировали на оружейный металл и электромагнитные поля, отметили, что шахты пусты, и решили, чисто для мебели, подвесить над районом патрульное судно. Дабы враг худого и не помышлял.

Эссекс крепко выругался и пошёл к месту назначения. По прибытии на точку отметил, приказал экипажу начать плановые работы согласно регламенту – не терять же время попусту, – а сам положил локти на командирский пульт и загрустил. Второе крыло прикрытия должно было в этот день идти в самое пекло, отгонять полчища юрких марсианских файтеров, обеспечивая выброску десанта на Ред-Сити. А он, Эссекс, прохлаждался здесь, над другим полушарием Красной планеты, фактически незаселённым из-за скудости ресурсов. Поверхность не радовала обилием достопримечательностей. Под «Роканноном» простиралась тоскливая равнина и торчала одинокая скала, под которой в незапамятные времена устроили горные разработки, ушли на значительную глубину, да и бросили это дело.

Позднее Эссекс устроил такой скандал, что троих разведчиков списали вниз. Как раз за то, что не догадались забуриться сканером туда, куда в своё время зарылись марсиане. Всего-то и надо было разведчикам – чуть-чуть снизиться и найти, что шахты куда глубже, чем указано на старых картах. Но разведчики не стали утруждаться, а Эссекс в итоге совершил героический поступок, угробил хороший корабль, потерял здоровье и почти весь экипаж.

Потому что под скалой взметнулись облака пыли, шахты вдруг стали пусковыми стволами, и из них рванули вверх продолговатые чёрные тела. Потом выяснилось, что стартовало марсианских дестроеров аж три звена, девять штук. Но в тот момент, слава звёздам, Эссекс не сумел их посчитать и испугаться. Он заорал так, что почти оглох, и врезал обеими руками по контактам. «Роканнон» взвыл, кувыркнулся и рухнул на перехват.

От скалы до побоища над Ред-Сити было всего-то десять мегаметров, и марсиане думали в решающий момент шарахнуть по земному десанту с фланга. Одиноким патрульный дестроер над шахтами их не волновал ничуть, его легко сбивали на взлёте. Марсианским планировщикам была известна тактика землян, и они просчитали любые возможные движения паникующего командира. Едва оторвавшись от поверхности, дестроеры принялись стрелять, перекрывая «Роканнону» пути к бегству. Какой бы манёвр уклонения ни избрал Эссекс, везде его ждала пробоина в борту.

Однако Эссекс не паниковал. Атака оказалась до того неожиданной, что землянин не успел ничего подумать и действовал чисто интуитивно. Он только понял, что дело плохо, и если как-то не разрядить обстановку, то родному Второму крылу ничего не сделается, оно умелое, но вот неуклюжие десантные корабли сильно побьют. А до этого пришибут «Роканнон» и его, любимого, капитана Эссекса. Поэтому землянин подчинился инстинктам. Он не стал выходить на предписанные уставом манёвры уклонения. А просто спикировал отвесно вниз, проскочил сквозь вражеский строй и чудом затормозил у самой поверхности. И пока марсиане расстреливали небо, полагая, что сейчас где-то над ними вспыхнет пламя, Эссекс, подняв колоссальный столб бурой пыли, разворачивал ползущий от натуги по швам дестроер и истерически хохотал. Потому что альтиметр давал у поверхности слишком большую погрешность и упорно показывал: «Роканнон» на сто метров углубился в Марс.

Космический бой – дело заковыристое и, на взгляд непосвящённого, совершенно не поддаётся мало-мальски серьёзному планированию. Боевые корабли нашпигованы помехопостановщиками и всё время сбрасывают ложные цели. Аспидно-чёрная обшивка кораблей эффективно поглощает радарный луч. Засечь истинное местонахождение противника – форменная головоломка. В основном точное попадание достигается анализом траектории целей-обманок. И хорошей работой оптики. Всё-таки какой бы безукоризненной черноты ни был вражеский корабль, где-то да царапнул его микрометеорит. А ещё, как он ни крутись, звезду какую-нибудь возьмёт да заслонит.

И у корабля есть слабое место: корма с хрупкими отражателями. На коммерческих судах отражатель, как правило, один – им опасаться нечего. На дестроерах по четыре, между которыми примостились кормовые батареи. И марсианам стрельнуть бы с кормы в пыльную тучу внизу, но то ли они посчитали, что сами так надымили, то ли просто не успели сообразить. Дестроеры били вверх, отдавая на это часть энергии и потеряв таким образом жизненно важное для них ускорение при разгоне. А «Роканнон» уже встал на ровный киль, высунул из тучи нос, получил идеальную картинку и принялся молотить всеми своими четырьмя основными пушками.

Троих замыкающих он просто, что называется, сбил. Как в тире. Пара из них потеряла ход и начала сыпаться на поверхность, Эссексу прямо на голову. Третий успел слегка отвернуть и погрёб боком, врубив на всю катушку вспомогательные маневровые двигатели в безуспешной попытке их слабеньким упором оттолкнуться от притяжения Красной планеты. Ещё одному дестроеру, поднявшемуся чуть выше, Эссекс так расколотил корму, что тот застрял на опасно

низкой орбите, откуда ему была всё равно одна дорога – сбрасывать аварийные модули. Но остальные пятеро марсиан, сообразив, что дали промашку, бросились врассыпную и начали перестраиваться в боевой порядок. Все они были намертво захвачены следящими прицелами «Роканнона», и никакие ложные цели обмануть Эссекса уже не могли.

Но и сам Эссекс был у марсиан как на ладони. Чёрное пятно на фоне бурой поверхности. Минута до торжественного погребения. Сначала ровно полминуты на боевой разворот марсиан. Потом ещё столько же, чтобы накопить энергию для импульса. И гроб.

«Роканнон» с надрывом шёл вверх. Слишком медленно. Реактор захлёбывался – он все силы отдал на стрельбу и теперь не мог обеспечить быстрый разгон. Марсиане перестраивались. Тоже не спеша. Они были по-своему честные ребята, летать учились на Земле и теперь давали Эссексу время подумать – развалиться вместе с кораблём или сбросить экипаж на аварийных модулях. А уж спасатели толпой побегут из замаскированной базы. Ни разу ещё мятежный Ред-Сити не брал в плен астронавтов группы F. Может, даже не убьют.

– Есть подтверждение, – неестественно спокойным голосом доложил старпом. Эссекс кивнул. Второе крыло получило сигнал тревоги и приняло его к сведению. Возможно, на помощь Эссексу уже идёт Успенский на красавце «Фон Рее». Хотя умнее было бы записать «Роканнон» в расход и не гонять корабли туда-сюда попусту. Устав позволяет.

– Когда полная тяга? – убирая руки с контактов, спросил Эссекс. Просто так, чтобы хоть что-нибудь спросить.

– Не успеем, – ответил старпом. Он всё ждал, что Эссекс прикажет садануть одному из марсиан напоследок в борт и всем прыгать в аварийные модули. Но Эссекс решил иначе. И выдал такое, что «Роканнон» на пару секунд утратил боеспособность. Потому что все буквально обалдели. Сам Эссекс потом уверял, мол, на него озарение нашло. Припадок интуиции.

– Внимание! – сказал Эссекс. – Всем стоять! Через тридцать секунд я сброшу модули. Пустые! Ясно?! И уйду на баллистическую. Если кто-то хочет в плен – милости прошу. Думайте.

Воцарилась напряжённая тишина. Экипаж соображал. Кто-то схватился за голову. Но с места никто не сдвинулся.

– Убрать тягу! Энергию в накопители! – с облегчением приказал Эссекс. – Когда приблизятся, бьём кормовыми.

– Отлично! – радостно провозгласил бомбардир. И работа закипела в прежнем темпе. К аварийным модулям не убежал ни один человек.

«Роканнон» использовал свой единственный шанс – притвориться брошенным и подманить врага вплотную. Марсиане уже почти развернулись. Эссекс сорвал чеку и утопил в гнезде кнопку сброса. Дестроер тяжело мотнуло из стороны в сторону. Корпус его в нескольких местах раскололся, и небольшие секции, озарившись пламенем тормозных двигателей, заскользили вниз.

Эссекс завалил корабль на баллистическую траекторию. «Роканнон», внешне неуправляемый, медленно удалялся от Марса по касательной.

Последующие минуты стали для экипажа таким испытанием, после которого шевелиться может только сумасшедший. Или военный астронавт, что примерно одно и то же. Марсианские дестроеры, словно приносясь, повели носами, провожая модули выхлопными отверстиями главного калибра.

– Вот суки! – возмутился старпом. – Они ведь нас того... этого...

И тут марсиане начали стрелять.

По «Роканнону» пронёсся крик. Это было невообразимо, чудовищно, это воскрешало в памяти рассказы об ужасах Заварухи и Полуночи. Такого на памяти землян не случилось никогда.

Аварийные модули вспыхнули и превратились в облака пара.

– А ведь убили нас, – констатировал старпом. – Ну, гады...
– Одно слово – красножопые, – сообщил бомбардир.
– Ты не ругайся, а думай, что делать, если они не станут нас брать на abordаж, – посоветовал Эссекс. – Они наверняка собрались прикрывать Ред-Сити. Им задерживаться тут нельзя.
– Полный ход вдогонку, и бьём носовыми, – сказал бомбардир. – Ещё парочку расковыряем легко.
– А остальные трое нас расковыряют, – добавил сзади кто-то из навигаторов.
– Всего лишь трое, – заметил старпом. – А было девять.
– Действительно! – удивился Эссекс. – Слушай, и правда девять! Я как-то даже не посчитал...

Марсиане снова перестроились и взяли курс на Ред-Сити. В боевой рубке дестроера раздался дружный вздох облегчения.

– Я не понял, – сказал Эссекс. – К нам идёт «катафалк» или нет?
– А как же! Сказали «высылаем подмогу».
– Как ты думаешь, – спросил Эссекс старпома, – пять – это много?

Старпом задумался. Сейчас каждый в экипаже имел право голоса. Сбросив пустые модули, Эссекс лишил своих людей единственного шанса на выход из боя живыми. Был, правда, ещё один шанс, но из разряда сомнительных: на орбите покинуть терпящий бедствие дестроер в спецкостюмах. Тут уже всё зависело от того, удастся ли заглушить и катапультировать реактор, сильно ли будет взрываться корабль и быстро ли подоспеет «катафалк», как обычно называли судно, на чью долю выпала спасательная миссия. Целых три «если». Если реактор не долбанёт, заражая пространство радиоактивной тучей; если корабль не разнесёт в щепы, на которые экипаж сядет, как на вертелы; если капитан спасателя будет достаточно опытен в поисковых работах...

А то, что марсиане расстреляли модули и таким образом Эссекс уже один раз всех здорово выручил, было сейчас не в счёт.

– Пять – это дохренища, – решил старпом. – Сейчас у наших преимущество минимальное. Да ещё и «катафалк» за нами отрядили. И тут являются эти... Конечно, Ред-Сити мы возьмём, но потеря будет неоправданно много.

Эссекс посмотрел вслед улетающим марсианам.

– Все так думают? – спросил он. – Да? Тогда я даю тягу. Приготовились, господа астронавты. Сейчас кому-то порвут его красную жопу...

Двадцатью минутами позже Эссекс через пробоину в обшивке прыгнул в космос, сложился пополам, зажал между колен маневровый пистолет и надавил гашетку. «Роканнон» выглядел как настоящее решето, и Эссекс, удаляясь от своего корабля, плакал от обиды. На его глазах прямо в боевую рубку ударил импульс главного калибра, и взрывом разнесло в клочья двоих, отчего-то застрявших поблизости. Эссекс кричал и ругался, не помня себя. А потом он провалился в странное забытие, началась постстрессовая апатия, и на борт «Фон Рея» капитана втащили в бесчувственном состоянии. Он всё-таки уничтожил ещё один дестроер и основательно повредил второй. Ещё одного марсианина походя зашиб Успенский, а оставшиеся двое отвернули к Поясу и затерялись в нём.

Это была чистая победа и настоящий подвиг. Портрет капитана Эссекса красовался во всех сводках новостей и был навечно зафиксирован в анналах Сети. Земля гордилась своим воином и осыпала его почестями. Но сам Эссекс что-то очень важное оставил на марсианской орбите среди обломков «Роканнона».

Психологическое кондиционирование он прошёл за два месяца и был признан вполне годным к лётной службе. «Роканнон-2» уже готовился к ходовым испытаниям. А Эссекс изменился до неузнаваемости. Он стал медлителен и задумчив. В его душе поселилась тоска. Эссекс не хотел быть героем и совершать подвиги. Ещё в училище ему объяснили, что героическим

личностям в космосе не место. Слишком дорого стоят боевые корабли, чтобы проявлять на них чудеса храбрости. Группа F даже в самые «жирные» свои времена насчитывала не более пятидесяти единиц, включая самую мелочь, и ходили на них люди благоразумные, военные в лучшем смысле этого слова. То есть способные рисковать, но всегда чётко просчитав допустимую границу риска. И стараясь её не переступить без крайней необходимости.

Земля воевала с бывшими колониями методично и аккуратно. Искала бреши в чужой стратегии и била туда. Но, как говорил капитан Успенский (и был за это многократно наказан): «Против второго принципа термодинамики не попрёшь!» Много раз Эссекс видел, как другие офицеры расплачиваются за чужие ошибки. И надеялся, что ничего подобного с ним не случится. Когда случилось, Эссекс вышел из безнадёжной ситуации. И понял, что ещё раз такой фокус не удастся.

А главное – он потерял веру в благоразумие своих коллег. Оглядываясь назад, он видел страшные пробелы в стратегическом планировании, нелепые тактические ошибки и хронический недосмотр по мелочам. Раньше он этого почему-то не замечал. А теперь любая нечёткость резала ему глаз. Эссекс всех и вся подозревал в халатности и некомпетентности.

Нечеловеческим усилием воли он снял «Роканнон-2» с земной орбиты и повел его к Марсу. Но в строй Второго крыла прикрытия дестроер поставил старший помощник. А Эссекс заперся в каюте, вызвал Успенского и рассказал ему о своей проблеме, запинаясь и пряча глаза.

– А ты не нервничай, Фил, – посоветовал с монитора Успенский. – Во-первых, война фактически кончилась. А во-вторых... До тебя просто ещё слухи не дошли. Нашему крылу нужен молодой и толковый начальник штаба. Кандидатур на сегодня две. Я отбрыкиваюсь, как могу. А ты согласишься. И всё. Как раз для тебя должность. Засядешь на бэттлшипе, и никаких проблем. Главное – психологам ни слова. А то мигом вниз загремишь.

– Не знаю... – пробормотал Эссекс в замешательстве. – Понимаешь, Алекс, я страшно боюсь ошибок. Любых. И своих в том числе.

– Главное, психологам об этом не говори, – повторил Успенский.

– Слушай, Алекс, неужели я заболел? – в ужасе выдавил из себя Эссекс.

Успенский рассмеялся.

– По-моему, Фил, ты просто вырос, – сказал он. – Ничего, привыкнешь. А за совет с тебя причитается.

Через неделю Эссекс перешёл на штабную работу, и с этого момента больше ни разу не управлял кораблём лично. И действительно успокоился. Потом его выдвинули в командиры Второго крыла. Потом – в начальники штаба группы F. В этой должности он прошёл ещё одну войну, точнее, полторы, если считать рейд устрашения на Венеру. Он стал опытным штабным офицером и редкой сволочью. Но группа F – терпела. В конце концов, адмирал Рашен мог быть при желании таким гадом, что Эссекс на его фоне просто терялся. И все признавали, что оба этих незаурядных человека заслужили право вести себя так, как им хочется.

Зато с ними не пропадёшь.

* * *

А теперь две незаурядные личности неспешно приближались по широкому бетонному плацу к зданию Адмиралтейства. Рашен сделал лёгкое движение рукой, и охрана почтительно отошла подальше. Эссекс поёжился: он без охраны чувствовал себя неуютно. Рашен, наоборот, телохранителей на дух не переносил. Он всегда говорил, что телохранители отчего-то слишком долго живут, а вот охраняемые тела – наоборот.

– А вас команда не касается? – бросил Рашен через плечо адъютантам. – Брысь отсюда! Мейер и Мозер очень похоже сморщились и немного приотстали.

– Ну? – спросил Эссекс. – Есть идеи?

- Ты бухгалтерию подчистил?
- Успел.
- Значит, ты ничего не знаешь. Всё на меня вали. Я на «Рипли» ездил? Ездил. С Абрамом имел конфиденциальную беседу? Да. А в остальном ты не в курсе.
- Как скажешь, Алекс.
- И запомни. Есть только один тип вооружения, которым можно подбить наши корабли с Земли. Это решения Собрания Акционеров. Пока Собрания не было, мы потенциально сильнее всех.
- Ага, – Эссекс уныло кивнул.
- Я этих идиотов буду защищать даже если они мне это запретят в приказе, – неожиданно зло прошипел Рашен. – Если Абрам найдёт следы чужих...
- Угу, – поддакнул Эссекс.
- Может ведь такое быть, правда, Фил?
- А то, – снова кивнул Эссекс и покосился на своих охранников.
- Да что ты всё озираешься?
- Отвык, – смутился контр-адмирал. – Как-то здесь неуютно. Ветер... И всё такое.
- Потолка нет? – спросил Рашен язвительно. – Жопу спрятать некуда?! Кр-рыса штабная... Норное животное... Таракан!
- Ты чего? – обиделся Эссекс. – Совсем уже... того.
- И как я с тобой воевать буду? – пробормотал Рашен, глядя в хмурое небо. – Одно слово – Задница... Эссекс, смени фамилию.
- Эссекс протянул руку и крепко взял адмирала за локоть.
- Не психуй, Алекс, – попросил он. – Отобьёмся как-нибудь.

* * *

На большой дисплей, занимавший целую стену в кабинете адмирала флота, была выведена карта Марса. Ничего подобного Рашен увидеть не ожидал и удивлённо витаращился. Эссекс, оказавшись в закрытом помещении, сразу повеселел, расправил плечи и ел взглядом начальство.

– Здравствуйте, молодые люди, – сказал адмирал флота Кениг, отмахиваясь от положенного по уставу салюта. – Прошу садиться. Как самочувствие? Настроение? Что группа F?

– Самочувствие в норме, вверенная мне группа без происшествий, ожидаю приказаний, – доложил Рашен, усаживаясь в кресло.

– Настроение боевое, – соврал Эссекс, садясь так, чтобы Рашен хотя бы отчасти прикрыл его от Кенига.

– Работать готовы? – спросил Кениг.

Рашен и Эссекс недоуменно переглянулись.

– Так точно, сэр, – сказал Рашен, но интонация его была скорее вопросительная.

– Сейчас объясню, – Кениг мягко улыбнулся. На флоте его за глаза обзывали «Дядя Гуннар». С такой вот дружелюбной улыбкой Кениг приказывал бомбить заведомо гражданские объекты или намекал, что десанту при захвате марсианских городов следует быть пожестче. А на Венере Кениг устроил форменное побоище. Рашен не винил шефа. Дядя Гуннар подчинялся Директорам, а земное правительство в своё время очень хотело запугать сепаратистов так, чтобы и внукам заказали не ссориться с метрополией. Увы, результаты получились с точностью до наоборот. Население Земли по-прежнему не дотягивало до ста миллионов, и бескрайние просторы, ждущие умелых рук, лежали в запустении. А свежая кровь бывших колоний что-то не спешила влиться в жилы земной цивилизации, страдающей бесплодием и генетическими мутациями. Сепаратисты предпочитали с чудовищными трудностями обживать свои

жестокие миры, а Землю обзывали колыбелью вселенского зла. Их тоже можно было понять: со времён Полночи, убившей девяносто восемь землян из ста, едва минул век, и тем не менее за это столетие Земля умудрилась развязать две межпланетные войны.

– Итак, господа, – сказал Кениг. – Есть для вас халтура. Причем, её хорошо оплатят. Сделка бартерная, но очень выгодная для Земли.

– Опять Марс... – Рашен тоскливо кивнул.

– Опять, – согласился Кениг. – Сам просит о содействии. Заказ от правительства Республики. В порядке, так сказать, оказания помощи согласно договору о сотрудничестве, дружбе и ненападении. Смотрите, господа.

Карта за спиной Кенига сменила масштаб, и намётанный глаз Рашена тут же опознал участок марсианской поверхности недалеко от южного полюса.

– Так, – сказал Эссекс, подавшись вперёд. – Знаю это место.

– И как оно вам? – поинтересовался Кениг.

– Пустыня, – коротко ответил контр-адмирал.

– Если бы! – усмехнулся Кениг. – Дали мы промашку. Стоило нам это местечко основательно прочесать. А мы ограничились поверхностным осмотром... Это, кстати, в ваш огород камешек, господин начальник штаба группы.

– Мы искали военные объекты, – вступился за своего подчинённого Рашен. – Мы всё-таки не геологи, а группа F.

– Геологи? – хитро прищурился Кениг. – Вы схватываете на лету, господин Успенский. Жаль, что вы не геолог. А то бы у нас уже имелась в этой точке хорошо укреплённая база.

– Уран, – сказал Рашен утвердительно.

– Не быть вам, дорогой Алекс, никогда адмиралом флота, – заметил Кениг.

– Что, слишком умный?

– Опасно умный. Опасно, друг мой.

– А кто же тогда?... – невоспитанно ляпнул Рашен. Все знали, что Дяде Гуннару осталось несколько месяцев до пенсии.

– Да никто, – мрачно сказал Кениг. – Я полагаю, это будет ваш последний боевой поход.

Услышав слово «последний», Рашен невольно поёжился. Эссекс тоже. Как все практикующие астронавты, они были немного суеверны и предпочитали выражение «ещё разок». А то, не ровён час, сглазишь, и поход окажется действительно последним в твоей жизни.

– Так что можете не жалеть технику, – продолжал Кениг. – Вырабатывайте её до упора. До конца. Хоть об поверхность колотите.

– У нас техника и без того на нуле, – вставил Эссекс. – На таких гробах ходим, просто ужас.

– А почему вдруг мы? – спросил Рашен. – Почему, скажем, не полицейские?

– У полиции свои задачи. Они сейчас Пояс наизнанку выворачивают. А ваше дело – уничтожать противника. Вот и будете уничтожать. Знаете, молодые люди, вы меня не уводите от темы. За ужином поболтаем.

– Виноват, сэр.

– Постыдились бы, Успенский, такое вслух говорить, – неожиданно вспомнил старое Кениг. – У вас и так на лице написано, что виноваты. Грубость и нетактичное поведение – ваш образ жизни. А ещё целый адмирал. Даром что русский.

– Какой есть, – сказал Рашен просто, без выражения.

– За что и ценю. Значит, так. – Кениг двинул рукой по контактам, и карта увеличилась ещё. – Вот, смотрите. Здесь марсиане наметили разработку ещё около пятидесяти лет назад. Тогда у них не было для этого мощностей. Сейчас есть. Они двинули на точку людей и технику, и всё исчезло. Посмотрели со спутника – никаких следов. Отправили спасательную группу – опять с концами. Мимо шёл наш полицейский скаут, попросили глянуть, что такое. Прежде

чем его сбили, полицейский засёк несколько пусков. В общем, на месторождении кто-то вовсю роет и вывозит уран в Пояс. Разумеется, когда мимо проходит спутник, жизнь на точке замирает. Копаются они там не меньше года и успели хорошо закрепиться. Марсианам такая база не по зубам. А вам – в самый раз.

Рашен через плечо бросил взгляд на Эссекса. Тот неопределённо шевельнул бровью. Рашен брезгливо покосился на карту и уже собирался открыть рот, когда его перебили.

– Только не надо! – попросил Кениг. – Вот только этого не надо! Вы за кого меня принимаете? Десантник с вами будет, разумеется! Но вы подойдёте на точку первыми. Уничтожите все наземные вооружения и собьёте всё, что попытается взлететь. А потом уже подвалит десантник и произведёт высадку под вашим прикрытием. И всё, больше от вас ничего не требуется. Останетесь чистенькими. Рыцари, вашу мать!

– Понял, сэр, – кротко сказал Рашен. – Какие ещё будут указания?

– Детали я отошлю вам наверх через несколько часов. Вместе с приказом. Отвалите через сутки. С марсианами в контакты не вступать. Подходите скрытно, делаете свою работу, и всё. Ясно?

– Сколько готовить кораблей? – спросил Рашен. – Одного ударного крыла хватит?

– Все готовьте, – отрезал Кениг. – Всю группу. Десантник с вами пойдёт «Декард-2». В общем, ознакомьтесь с приказом – разберётесь.

– Зачем всю группу? – удивился Рашен. – Сорок восемь единиц! Это же бешеные деньги!

– Денег нам дают немерено, – хмуро сказал Кениг. – А вот данных о том, что творится над южным полюсом Марса, ни хрена нету.

Рашен снова посмотрел на Эссекса. Тот опять двинул бровью.

– Несчастливое имя – «Декард», – сообщил он.

– Это вы к чему? – не понял адмирал флота.

– К тому, сэр, что с нами второй «Декард» пойдёт. Имя несчастливое.

– Час от часу не легче! – взорвался Кениг. – Имя ему не подходит! Десантник ему другой подавай! Всей группой не хотят идти! Знаете, куда бы я вас послал, будь моя воля?!

– И тем не менее, сэр, почему нужна вся группа? – спросил Рашен.

– В Поясе урана мало, – сказал Кениг. – А пиратских круизеров много. Даже по скромным подсчётам не меньше десятка. И как минимум один бэтгльшип. И не забудьте, что любой пиратский грузовик или буксир – это переоборудованный дестроер.

– И все они тут же бросятся отбивать свои шахты, – саркастически заметил Рашен.

– Запросто, – сказал Кениг.

– Вы что-нибудь понимаете, контр-адмирал? – спросил Рашен через плечо.

Эссекс покрутил носом и выпятил челюсть.

– Я тоже ничего не понимаю, – кивнул Рашен. – Господин адмирал флота, разрешите?..

– Ну?

– Почему я не могу для начала провести разведку? Сходит туда-сюда пара скаутов... Моих-то не событ. Определим необходимый состав ударных сил, и тогда уже аккуратненько...

– Сколько вам на это надо времени, Успенский? – спросил устало Кениг.

– Вплоть до высадки десанта – месяц.

– Вы на какой планете живете, Успенский?! – почти застонал Кениг. – Не будет у Земли через месяц никаких десантников. Хилые полицейские силы останутся. И всё. Нет у нас времени, господа. Пока есть нормальный флот, пока есть ваша группа F, мы должны, мы просто обязаны сделать всё, что в наших силах. Все хвосты подчистить. И со спокойной душой – в отставку.

– Почему так скоро? – опешил Рашен. – Почему через месяц?

– Подарок Директоров к Собранию Акционеров, – процедил Кениг. – А также акт доброй воли и признания своей вины перед суверенными народами Марса и Венеры. В Солнеч-

ной больше никто и ни с кем не будет воевать. Только полицейские операции. Всё, господа. Демилитаризация.

За спиной Рашена шумно вздохнул Эссекс.

– Свободны, – приказал Кениг и отвернулся.

Рашен сунул палец за воротник и покрутил шеей.

– Свободны, – повторил адмирал флота очень тихо. – Валите отсюда. Не будет вам никакого ужина. И видеть больше вас не желаю.

Командование группы F тяжело поднялось на ноги и вышло из кабинета не прощаясь. А Кениг сторбился в кресле и закрыл лицо руками.

На улице Эссекс толкнул Рашена локтем.

– Понял хоть что-нибудь? – спросил он.

– Наше присутствие в околоземном пространстве крайне нежелательно, – сухо ответил Рашен.

– По-моему, нас убить хотят, – предположил начальник штаба. – Или как минимум подставить. Чего это он сказал – «последний»? Может, предупредить решил?

– По сведениям из хорошо осведомлённых источников, корпоративная солидарность для адмирала флота не характерна, – пробубнил Рашен.

– Очнись, Алекс! – попросил Эссекс.

– А ты попрдержжи свою манию преследования, – парировал тот. – Отстань. Занят я. Думаю.

– Господин адмирал, сэр! – позвал сзади Мозер. – Хотите, я внизу задержусь? До вечера. Поговорю с народом, может, выясню что-нибудь.

– Ничего ты не выяснишь, – помотал головой Рашен. – Нас точно продали. Но кто, за сколько и кому... Готов поспорить, этого не знает даже Кениг.

– И что теперь делать? – осторожно спросил Эссекс, втайне надеясь, что у командира есть идеи.

– Выполнять приказ, – вздохнул Рашен.

Налетевшим порывом ветра с головы Эссекса сбило фуражку и покатило через плац. Изя Мейер бросился за головным убором вдогонку.

– Ещё одна дурная примета, – только и сказал Эссекс, глядя, как Изя бежит за скачущей по бетону фуражкой, а та от него уворачивается, будто живая. – Заболеть, что ли?

– Даже если мы упрёмся, а нас за это разжалуют и посадят, – неожиданно заявил Рашен, – группа всё равно уйдёт к Марсу. Только мы с тобой утратим над ней контроль. Вот и вся разница.

– Что за пораженческие настроения, Алекс! – искренне возмутился начштаба. – Нам группу бросать нельзя. С тех пор как сократили заместителей...

– И это тоже было сделано нарочно! – выпалил Рашен.

Эссекс принял у запыхавшегося Мейера свою фуражку, критически её оглядел и решил на голову не надевать.

– Изя, – сказал он, – дуй за водкой. И возьми-ка ты не ящик, а два. Кто его знает...

– Шеф, а нам? – спросил Рашена Мозер.

– Не хочу, – отрезал тот. – Надоело.

– Пожалеее ещё, – упрекнул его адъютант.

Рашен одарил Мозера свирепым взглядом через плечо, тяжело вздохнул и полез в карман за бумажником.

* * *

В тесную библиотеку «Тушканчика» помимо двух соревнующихся вахт набилось ещё человек сорок. Люди сидели на столах и в проходах, многие стояли. Фокс, важно разгуливая за спинами навигаторов и оттирая животом болельщиков, принимал ставки. Ива с трудом протолкалась к своему месту и через плечо Фокса посмотрела на его мобильный терминал.

– Почему так мало? – удивилась она. – Чтобы за моих – и всего один к двум?!

– Да, – согласился Фокс. – Ставят помногу, но коэффициент неважный. Это, наверное, потому что у тебя Кристоф поведёт. Молодой он ещё. А если всё-таки Марго явится, коэффициент опять изменится. Уж она-то против тебя годовой заработок ухнет, не пожалеет.

– Почему так мало за вахту Кендалл, сволочи?! – крикнула Ива, оборачиваясь к болельщикам.

– Ты не дави на общество, капитан, – посоветовала из толпы Линда. – А дави на кнопку и береги попку. Сейчас люфтваффе покажет твоему французику, как водят корабли.

– От винта! Асы в воздухе! – заорали вразнобой молодые голоса из задних рядов. – Дойч-ланд, Дойч-ланд!

– Вот ща как дам по толстой фашистской заднице! – пробасил кто-то, и голоса тут же стихли.

– И вообще лучше всех корабли водят евреи! – сообщили от дверей.

– Ого! Капитан Джозеф Мейер, какими судьбами? Здравствуйте, а я вас и не заметил...

– В гости зашёл. Привет.

– Изя! Здорово, солнышко! Как жизнь половая?!

– Спасибо, Линда, хорошо. Только очень пассивно. То есть наш славный начальник штаба имеет меня каждый день во все дырки...

– Ну да, тебя поймеешь! Ты сам натянешь кого угодно... – снова вступил непререкаемый бас.

– Разрешите пройти, господин капитан?

– Заходи. Эй! Постой! Вернер! Ты, что ли?!

– Ну, я. А ты кто такой? – хмуро спросил Вернер, осторожно проталкиваясь в дверь мимо увешанного парадными аксессуарами Мейера. Эндрю был в инструментальном нагруднике, из которого во все стороны торчало железо, и он уже чем-то за Мейера зацепился.

– Да это же Изя!!! – хором объяснили со всех сторон.

– Да хоть Мойша. Капитан, только не шевелись, а то я тебе сейчас все побрякушки оборву.

– Да хрен с ними! Энди! Ты что, не узнал меня? Я Изя Мейер с навигационного!

Эндрю выдернул из мейеровских нашивок и орденов два зажима-«крокодила», аккуратно снял с пуговицы адъютанта намотавшийся провод и смог наконец-то поднять глаза.

– Изя? – удивился он. – Быть не может... Точно, Изя. Ну и ну! А я думал, тебя на «Скай-уокере» того... – Эндрю ошутимо изменился в лице. Стоящие вокруг астронавты начали переглядываться.

– Цыц! – сказал Изя громким шёпотом. – И ничего не «того». Ну, здорово!

– Здравствуй, – медленно произнёс Эндрю, разглядывая Изю с непонятным для окружающих замешательством. – Ты извини, я тут должен... Ты меня найди после, ладно?

– Обязательно. Слушай, Энди, а ты почему всего лейтенант?

– Потом расскажу, – пообещал Эндрю, прорываясь сквозь толпу к линии терминалов. Вид у него был довольно обескураженный. Добравшись до кресла Ивы, Эндрю схватился за его спинку и остановился, переводя дух. Ива заметила, как побелели его пальцы, крепко вцепившись в мягкий пластик.

– Ты что? – спросила она.

– Привидение увидел, – пробормотал Эндрю, глядя в сторону. – Ничего. Ерунда. Ну и толпа здесь... Эй, Ди Ланца! Этторе, где ты?

– Здесь, патрон! – крикнул техник, устроившийся у дальнего терминала.

– Слетай, пожалуйста, в центральный ствол. Там у Фреда опять не идёт.

– А у Фреда по жизни не идёт, патрон. Он прирождённый тормоз-компенсатор.

– Вот ты ему это и скажи.

– Что, прямо сейчас?

– Извини.

– Да ладно, патрон. Я тут всё уже отладил. – Техник чуть ли не по головам навигаторов полез к выходу. Перед ним уважительно расступались. Далеко не каждый из экипажа «Тушканчика» дал бы так быстро уговорить себя отправиться работать, когда намечалось редкостное зрелище. Большинство из собравшихся в библиотеке астронавтов имели самое общее представление о работе навигаторов. С орудийной палубы или из реакторного отсека не больно-то разглядишь, как летит корабль и куда именно. Больших обзорных экранов там не полагается. А сейчас изображение, пусть и ложное, но неотличимое от реального, выводилось сразу на два монитора с трёхметровой диагональю каждый.

– Какие у тебя люди... обязательные, – нашла подходящее слово Ива. – Как ты их умудрился так вышколить всего за две недели...

– Хорошие ребята, – кивнул Эндрю, вглядываясь в её лицо, и у Ивы побежали по спине ласковые мурашки. – Ну ладно, удачи. Мне тоже пора.

– А зачем ты пришёл? – удивилась Ива. – Ты же мог его по связи...

– Не догадываешься? – спросил Эндрю, и Ива подумала: «Сейчас он меня поцелует. При всех. С ума сошёл. А я его ка-ак обниму...»

Эндрю всё-таки её не поцеловал. Но посмотрел так, что вокруг едва не заплодировали. И, провожаемый завистливыми взглядами, пошёл на выход. В дверях ещё раз задумчиво оглядел капитана Мейера и исчез в коридоре.

– У нас готовность две минуты, – доложил Кристоф. Ива благодушно кивнула. Она уже перешла от размышлений о том, какой Эндрю внимательный и деликатный, к воспоминаниям о том, как все безумно и обалденно случилось у них вчера.

Ей вдруг стало жарко.

У дверей Изя объяснял, что они с Вернером сокурсники, но давно не виделись, и удивлялся, что Энди сильно переменился, стал какой-то нервный и сухой, а раньше был душа общества, и все его любили. «Да нормальный он мужик, – говорил Изе давешний бас. – Чего ты к нему пристал? Ты, что ли, не изменился? Вот, ходишь, как прогулочный бот, весь огнями переливаешься, да и рожу отъел на штабных харчах. А был ведь такой заморыш, тощенький противный жидёнок...» Потом Изю спросили, кто такой Скайуокер, но адъютант надменно ответил, что это военная тайна.

В задних рядах уже распевали по-французски. Видимо, акции вахты Фальцфейн начали падать.

Фокс присел на корточки рядом с креслом Ивы.

– Я же говорил, вы будете с Энди отличная пара, – прогудел он ей на ухо.

Иве было до того хорошо, что она даже не потрудилась схватить Фокса за нос.

– Давай, что ли, команду, Майк, – только и сказала она.

Фокс выпрямился, расправил оплывшие мощные плечи и проорал, надсаживаясь, чтобы перекрыть толпу:

– Всем стоя-а-а-ть!!!

Гул в зале мгновенно стих.

– Готовность! – ровным и звонким голосом сказала Ива.

– Кендалл – есть! – ответил Кристоф.

– Фальцфейн – есть!

– Даю отсчёт. До старта десять... девять... восемь...

– Отставить, – скомандовал кто-то от дверей, негромко, но внушительно.

Все головы повернулись на голос. В дверях стоял Жан-Поль Боровский. Из-за его спины выглядывали Марго Фальцфейн и техник Ди Ланца.

– Господа офицеры! – крикнула Ива, вскакивая на ноги. Толпа дружно вытянулась и сделала «руки по швам».

– И подберите животы, астронавты, – заметил старпом брюзгливо. – А то пройти невозможно. Капитан Мейер, к командиру группы. Капитан Стенфилд, туда же. Вольно, вольно...

Изя и Линда поспешно выскочили в коридор. Остальные попятились, давая старпому проход. Боровский подошел к Иве, уселся в её кресло и закинул ногу на ногу. Марго остановилась за его спиной и тупо оглядела собравшийся в библиотеке народ. Её слегка пошатывало.

– Так, – сказал Боровский. – Навигаторы – на месте. Майк, где твоя свободная вахта?

– Да все здесь, кажется... – пробормотал Фокс, озираясь. – Точно, все.

– Управление огнём – тоже на месте, – кивнул Боровский. – Остальные – вон отсюда.

Болельщики, перешёптываясь, стали пробираться к выходу. Разочарованных лиц заметно не было. Конечно, гонки сорвались, но взамен наклёвывалось что-то экстраординарное.

– Внимание, – сказал Боровский. – Соревнования продолжаются, но уже кроме шуток. Старшим навигаторам занять места ведущих. Бомбардир, дай им по два стрелка на главный калибр. Эй, сержант, как вас там...

– Сержант Ди Ланца, господин командер, сэр! – рявкнул с порога техник.

– Этторе, да? Помню-помню. Идите сюда. Будьте добры, Этторе, перенастройте управление. Вот у меня задача, возьмите.

– Есть, сэр! Одна минута, господин командер, сэр! – отрапортовал Ди Ланца, густо краснея от волнения.

Ива, утешающе хлопнув по плечу Кристофа, заняла его место и издали подмигнула встрепанной и дико стреляющей глазами Марго. Та раздражённо надула губы и через плечо бросила на старпома полный ненависти взгляд. Боровский, наблюдавший, как Ди Ланца колдует над главным библиотечным процессором, тут же на этот взгляд обернулся.

– Это, конечно, не мое дело, – сказал бдительный старпом, – но ты, Маргарет, на супруга будешь так глядеть. А на меня не стоит.

– А может, я тренируюсь, – парировала Марго.

– Сейчас я тебе устрою ходовой тренаж, – пообещал Боровский. – С заходами в атаку и манёврами уклонения. Я тебе сейчас таких вводных накидаю, похлеще любого вибратора будут.

«Ну и ну, – подумала Ива. – Он что её, из койки вытащил? Зачем тогда провоцирует? Она же явно не в себе. То ли пьяная, то ли чего похуже. И вообще, что это за перепалка при младших по званию...»

– Ты, старшой, не распускай язык, – посоветовала Марго ледяным тоном. – Не в училище. И не разевай хлебало. А лучше слюни подбери.

– Простите, капитан, – сказал Боровский с неожиданной кротостью. – Виноват. Допустил бестактность. Приношу извинения. Но вы за последние пять минут дважды игнорировали приказ старшего по званию и должности. В циничной форме. Что я теперь должен, к ордену вас представить?

– А ты и не можешь, – заявила Марго. – Ни представить, ни поставить, ни вставить. Импотент.

– Фу, капитан! – улыбнулся Боровский. Ничего хорошего эта улыбка не предвещала. Младшие навигаторы привычно вобрали головы в плечи.

– Ребята, не заводитесь, а? – попросил Фокс, осторожно кладя руку на плечо старпома. – Что вы, в самом деле.

– А чего он выдрючивается? – не унималась Марго. Глаза у неё неприятно остекленели. Чувствовалось, что старший навигатор Фальцфейн себя не контролирует. – Предложили ему по-людски, разве что под нос не сунули, а он...

– Замолчите, капитан, – приказал Боровский, по-прежнему не повышая тона.

– Идите в жопу, командер, – ответила Марго.

– А ну, выйдем! – сказал Боровский ласково, чуть ли не мурлыча.

– Да вы что, астронавты! – изумился Фокс, всерьёз хватая Боровского за воротник.

– Старшие офицеры, за мной! – приказал Боровский, вырвался из рук Фокса и быстро вышел за дверь.

– Да у него просто не стоит! – объяснила Марго, прижимая для вящей убедительности руки к сердцу.

Фокс осуждающе посмотрел на неё, покрутил пальцем у виска и тоже вышел. Ива, не говоря ни слова, последовала за ним.

Боровский в коридоре стоял, прислонившись к стене и глядя в потолок.

– Ты чего, Жан-Поль? – прошептал Фокс.

– Начинаем терять людей, – сказал Боровский лениво. – Я же говорю, прямой отказ от выполнения приказа. Дважды. За руку её сюда привел. А она и тут... Сука... Интересно, чего нажралась. Спиртным не пахнет. Но мозги у неё и без того конкретно набок.

– Ты ей, что, помешал? – спросил Фокс. – Ну, в смысле, с прибора её снял?

Стоявшая рядом Ива почувствовала, что краснеет.

– Да она с него вообще не слезает, – отмахнулся Боровский. – Конечно, это совершенно не моё дело, но если бы спросили, я бы сказал, что на боевых кораблях драть отнюдь не возбраняется. Особенно тридцатилетним сумасшедшим бабам. Прости, Иветта. Устал я. Ох, недаром меня Линда предупреждала...

– Да Линда сама с прибабахом, – заметил Фокс. – Психолог...

– Линда в порядке, на все сто, – помотал головой старпом. – А вот Марго – нет. Она больше не может служить. Не хочет и не может.

– И не буду, – лениво произнесла Марго, выходя в коридор и упирая руки в бока. – Во всяком случае, с тобой.

– Да перестань ты, – Боровский отвернулся. – При чём здесь я? Иди, Маргарет. Соберись. Через два часа жду тебя у главного шлюза. С удовольствием дёрну ручку и посмотрю, как тебя смоем вниз.

– Ах ты, бедняга! – сказала Марго вяло и разочарованно. – Я-то думала, ты мне хоть в рожу плюнешь. А у тебя действительно не стоит.

– Это уже неважно. А важно то, что ты идёшь собирать вещи.

– Он меня трахнуть хотел, а у него не стоит, – заявила Марго в пространство и фыркнула. При этом с нижней губы у неё сорвалась обильная слюна и повисла на воротнике.

Боровский посмотрел на Марго с тоской во взоре и снова отвернулся.

– Срать я хотела на вашу службу, – абсолютно без выражения произнесла Марго. – И на ваш «Тушканчик», у которого тоже не стоит.

– Молчать! – неожиданно разъярился Фокс. – А ну, вали отсюда, предательница!

– А ты вообще педераст, – сообщила Марго. – И у тебя не стоит. А ты, Иветта, просто дура.

– Капитан Фальцфейн, – Боровский по-прежнему глядел в стену, – приказываю вам идти в каюту и собирать вещи. Прибыть к шлюзу через два часа. В противном случае выдворю с борта силой.

– Просто дура ты, Иветта, – повторила Марго. – Все же знают, что тебя дерёт вся твоя вахта. А потом, между прочим, рассказывает. Неужели ты думаешь, что это хоть для кого-то секрет? Ни у кого здесь не стоит. И все они тебя дерут. И кончают, и кончают... У тебя из ушей не течёт?

– Капитан Фальцфейн, – сказал Боровский. – Ещё пять секунд, и я вызываю дежурную вахту.

– В три хера они её имеют, – заговорщически прошептала Марго на ухо Фоксу. – И кончают, и кончают. И из неё течет...

Фокс мелко затрясся всем телом и не без труда засунул руки в карманы. Он был в спецкостюме, и ему стоило огромного усилия воли не ударить сумасшедшую, вдруг оказавшуюся на месте честного и надёжного боевого товарища, с которым вместе было многое пережито. Но сейчас один-единственный удар Фокса мог стать для Марго роковым. Будь это даже пощёчина.

Боровский щёлкнул рычажком на груди.

– Аварийную группу ко мне, – сказал он себе в воротник.

Ива стояла ни жива ни мертва. Ей очень хотелось убежать, но Боровский держал её сзади за пояс. Наверное, сам не знал, куда деть руки.

– Интересно, – Марго попыталась заглянуть Иве в лицо, – а каково это, когда тебе кончают во все дырки? Из тебя потом течет? А в жопу – это больно? И неужели тебе не противно сосать? А ты глотаешь потом, а, Иветта?

– Вы, ребята, идите пока, – сказал Боровский, отпуская Иву. – Отдохните полчаса. Я тут справлюсь.

– Нет, не уходи! – прошипела Марго, подаваясь вперёд. Ива, глядя под ноги, отступила к стене, и Фокс плечом заслонил её. – Расскажи, как это на вкус! – попросила Марго. – Неужели не тошнит?

– Ну ты и дура! – обалдело сказал Фокс. Он неожиданно просветлел лицом и расплылся в улыбке. – Да ты же... Вот это да! Ива, ничего ей не рассказывай!

– Пусть так и помрёт невеждой, стораю от любопытства, – добавил Боровский, включаясь в игру. Это было не очень этично по отношению к тяжелобольному человеку, но мужчины больше сдержаться не могли. Им нельзя было надавать Марго по морде, но уж довести её до истерики они были готовы. Пусть это и не Марго совсем, а так – безумная говорящая кукла.

– Майк, пойдём... – через силу прошептала Ива.

– Конечно, солнышко, – сказал Фокс, обнимая её за талию и уводя по коридору в сторону жилой палубы. Марго проводила их хищным взглядом и двинулась было вслед, но её схватила за руку усиленная спецкостюмом железная длань Боровского.

И тут-то Марго испустила дикий вопль и кинулась рвать старпома в клочья.

Мимо Ивы и Фокса с грохотом пронеслась аварийная команда: пятеро в спецкостюмах, увешанные разнокалиберным снаряжением. Ива не выдержала, повисла на толстой шее бомбардира и разрыдалась.

* * *

Боровский нашел Иву и Фокса в боевой рубке, тёмной и пустынной по случаю орбитального дрейфа. Мастер-навигатор Кендалл заливалась слезами, а старший эксперт по огневому взаимодействию Фокс её утешал по мере сил. Сил явно не хватало.

– Да плюнь ты, Кенди, – сказал Боровский. – Ну чего с неё возьмёшь, с сумасшедшей?

Ива согласно кивнула – и разревелась в голос. Мужчины переглянулись и отошли в угол.

– Ну? Как там наша Марго?

– Зуб сломала.

– Кому?

– Себе. Кусаться вздумала, с-сука... – Боровский сунул Фоксу под нос правый рукав. На мягкой обтяжке спецкостюма медленно разглаживалась вмятина.

– Так всё-таки? – спросил Фокс. – По-моему, общественность имеет право знать.

– Да ничего там не было. – Боровский смущённо потупился, и Фокс ему поверил. Если бы в каюте Марго «что-то» имело место, старпом вел бы себя иначе. А так ему действительно нечего сказать.

– Я вызвал её по связи, – объяснил Боровский. – Говорю – пошли в библиотеку. Она спрашивает – зачем? Я – работать будем. Она снова – зачем? Я говорю – вводная изменилась, Рашен приказал. Ваши гонки доморощенные превращаем в боевой тренаж. Отрабатываем бросок на Марс...

– За-а-чем? – издали поинтересовалась Ива, по-прежнему давясь слезами.

– А ты не подслушивай, – сказал Фокс. – Ты давай отдыхай... Слушай, Жан-Поль, а действительно, зачем?

– Что, опять война?! – встревоженно спросила Ива.

– Да какая, в жопу, война... – Боровский подошёл к пульту старшего навигатора, за которым плакала Ива, и успокаивающе похлопал девушку по плечу. – Так, коммерческая операция. У марсиан пираты руду из-под носа таскают. Смотаемся к южному полюсу, отработаем по поверхности, собьём пару грузовиков, десант прикроем... Расслабься, Кенди.

– Расслабишься тут с вами... – пробормотала Ива и достала из-под пульта упаковку гигиенических салфеток. Боровский машинально присел на корточки и заглянул вниз.

– Что вы делаете с этими салфетками? – спросил он, мгновенно переходя на характерный подозрительный и неприязненный тон человека, ответственного за материальное обеспечение корабля. – Картридж пустой уже. Вы их что, едите?

– Нет... мы их в задницу... засовываем... – ответила Ива, яростно сморкаясь.

– Ничего не осталось, – пробормотал Боровский себе под нос. – Ресурса ноль, топлива едва-едва, прокладки не держат, люди еле живы... Хочу обратно в психушку. Там всё было.

– Ты это... – попросил его Фокс. – Не надо про психушку. Ты на «Тушканчике» единственный, кому там понравилось. Вот и держи это при себе.

Ива за пультом комкала салфетки и бросала их по одной в утилизатор.

– Так всё-таки? – повторил Фокс.

– Чего? А-а... Ну, говорю, я сейчас за тобой приду лично, раз ты такая... И пришёл. Вот. А она говорит – всё равно не пойду. Не буду. Я ей – Марго, ты что, сдурела? Я твоего рапорта о списании ещё не видел. Так что будь любезна, ноги в руки и бегом на место. Прыжками... И тут я понимаю: а девица-то не в себе. Ну совершенно. Взгляд такой... Мать-перемать! А она вдруг сама к двери идёт. Ладно, говорит, чёрт с тобой, уболтал... Ну, думаю, неужели отпустило её. Действительно – сколько у нас таких случаев было? Космос всё-таки. А вот не отпустило ни фиги. Прямо хочу прощения у всех попросить, что привёл Марго в библиотеку... Стыд-то какой. И что её так на сексуальной почве заклонило?

– Ты это у Линды спроси, – посоветовал Фокс. – Капитан Стенфилд у нас по сексуальному психозу главный специалист. Даром что пребывает в нём постоянно и безвылазно.

Ива опять сдавленно всхлипнула.

– Да забудь ты, Кенди! – бросил в её сторону Фокс. – Ну чего ты хочешь от женщины, у которой за всю жизнь ни одного нормального мужика не было? Чтобы не только для секса, а ещё и для любви?

– С чего ты взял? – спросила Ива, утираясь рукавом.

– Потому что она ни разу в жизни минета не делала, – объяснил Фокс. – Мечтала, а не делала. Конечно, так и рехнуться недолго. Подавленная сексуальность – дело страшное, с ней шутки плохи.

– Тебе это в психушке объяснили? – через плечо съязвила Ива. – И не смотри на меня! Отвернись!

– Даже когда ты вся в соплях, – сказал Фокс, – ты всё равно самая красивая на «Тушканчике». А может, и во всей группе F. Тебя все обожают. Между прочим, Марго к тебе не приставала?

– Заткнись! – сказала Ива и снова принялась всхлипывать.

– Комплименты у тебя, Майк... – заметил старпом. – А Марго ни к кому не приставала. Может, зря.

Фокс достал из кармана огрызок сигары и зажигалку и, не обращая внимания на присутствие старпома, задымил. Боровский встал на колени у пульта и заглянул Иве в лицо. Глаза у Боровского были ещё более печальные, чем обычно. Умные, совершенно бездонные и чуточку сумасшедшие. Тоскливые глаза. Ива, повинаясь импульсу, обхватила старпома за плечи и уткнулась носом ему в шею.

– Что же будет, Жан-Поль? – шёпотом спросила она. – Что же с нами со всеми будет? Мы тоже сойдём с ума...

– Я думал, что надвигается беда, – также шёпотом ответил Боровский. – Я ошибся. Беда уже здесь. Держись, Кенди. Кто угодно может свихнуться, только не ты. Без тебя мы пропадём. Ты же наша радость, ты символ группы F. Здесь на тебя все буквально молятся. Пока есть наша Кенди, мы будем ходить в космос.

– Не хочу на Марс, – прошептала Ива. – Опять война. Как мне это надоело... Жан-Поль, миленький, ну сделай так, чтобы мы не ходили на Марс, ты же всё можешь...

– Прости, – сказал Боровский. – Ты забыла, я уже не начальник. Я всего лишь старпом на «Тушканчике».

– А ты попроси Эндрю, – посоветовал Фокс. – Пусть он что-нибудь сломает.

– Я тебе дам – «сломает»! – рыкнул Боровский, возвращаясь к своей обычной старпомовской манере поведения. – Я сейчас тебя всего изуродую с ног до головы! Бомбардир хренов!

– Не надо «Тушканчика» ломать, – попросила Ива. – Он такой хорошенький...

– Да ерунда. Вернер не сможет испортить корабль, даже если ты его будешь всем флотом упрашивать, – заметил Боровский, поднимаясь. – Воспитание не то.

– Ха-ха, – Фокс значительно поднял указательный палец. – А кто реактор сбросил на «Декарде»?

– Байки, – старпом помотал головой. – Фольклор. На «Декарде» полетело охлаждение, и реактор пошёл вразнос. Был пожар, началась паника. Коммандер Фуш тогда погиб, настоящий был драйвер...

– Убили Фуша, ты хочешь сказать.

– Майк, перестань нести околесицу.

– Это вы о чём? – спросила Ива, безуспешно пытаясь разглядеть своё отражение в антибликовом стекле монитора.

– Да так, ерунда. Майк старые легенды вспоминает.

– А ты не слышала? – удивился Фокс.

– Про что?

– Про мятеж на десантнике «Рик Декард».

– Майк! – прикрикнул на Фокса старпом.

– Да что такое, Жан-Поль? Почему Кенди не может знать таких вещей? Она уже в курсе, зачем мальчикам нужны девочки.

– Вот пусть на этом её образование и закончится, – приказал Боровский. – А ты, бомбардир, для начала убери свой огонёк. До Хануки далеко, отсюда не видать.

– Может, я ещё и ботинки надену? – предложил Фокс, кривя лицо, но сигару изо рта вынул и аккуратно загасил о стену. Боровский тяжело задышал и выпятил челюсть. Фокс со вздохом взял с пульта одну из уцелевших салфеток и стену вытер.

– Отлично, – сказал Боровский. – А теперь марш за ботинками. По обувании – доложить.

– Так точно, сэр! Разрешите воздержаться от криков восхищения?

– Бегом!!! – заорал Боровский, и Фокса будто ветром сдуло. Старпом заложил руки за спину и прошёлся туда-сюда. Он ждал вопроса, и тот последовал.

– Действительно был мятеж? – спросила Ива, по-прежнему сидя к Боровскому спиной. Старпом шумно втянул в себя воздух и снова прошагал от стены к стене.

– Значит, был, – кивнула Ива. – Интересно. Лет семь-восемь назад, да? Я ведь про «Декард» почти ничего не знаю.

– Да тебе и не надо, – пробормотал Боровский. – Зачем тебе эта помойка? На флоте и так достаточно грязи.

– А кто-то говорил, что я символ группы F, – вспомнила Ива.

– Группа F чиста как стёклышко. Как белое платье невесты. Как ты, Кенди.

– С чего ты взял, что я такая чистенькая?

– А мне плевать, – заявил Боровский агрессивно. – Я видел, как ты выводила «Энтерпрайз» из пике. Тебе по инструкции положено было прыгать в аварийный модуль и драпать. А ты рулила как никогда. Ты – астронавт, понимаешь?

– Ничего ты не видел. Ты в обмороке лежал.

– Это официальная версия. На самом деле у меня сердце прихватило. Только смотри не проболтайся, а то старика Боровского спишут вниз. Усекла?

– А то. Не переживай. Я – могила.

– А я о другом. Такая аналогия... Вторая марсианская кампания вся прошла под этим знаком – всеобщий глубокий обморок. Ничего не знаю, ничего не вижу, по существу дела ничего доложить не могу, господин следователь, оставьте меня в покое. А тем временем на флоте – чудовищный бардак. Корабли изношены, люди тоже, воевать никто не хочет. Тебе самой-то, что, понравилось, как наш героический десант расчехловил марсиан? Даже Задница, и тот сказал: зря воюем, мы ведь ничего не можем предложить Марсу, с точки зрения сепаратистов, Земля полный идейный банкрот, и они скорее подохнут, чем сдадутся.

– Не знаю. – Ива опустила голову и посмотрела на свои босые ноги. – Я как-то не задумывалась даже...

– А были люди, которые задумывались. Слыхала про капитана Риза?

– Конечно! Он сейчас на «Горбовски». Отчаянный мужик.

– Этот отчаянный мужик спалил выхлопом то ли два, то ли три собственных десантных бота. Не лучшая форма протеста, но...

– Быть не может! – Ива так обалдела, что даже забыла про свой облезший педикюр, который ещё за секунду до признания Боровского волновал её больше всего на свете.

– Может, Кенди, ещё как может. Риза, конечно, судили. А теперь он капитан прототипа, который идёт на запланированный подвиг. Шансы, что «Горбовски» вернётся, оценивают в девяносто процентов, но я так полагаю – врут. И все обитаемые планеты шлют капитану Ризу восторженные послания. Детям рассказывают, какой он герой. А о том, что Риз сделал над марсианской поверхностью, не знает почти никто. А кто знает, тот молчит. Я молчу, например. Хотя мне безумно интересно, на каких условиях Риза оставили в живых.

– Быть не может... – повторила Ива упавшим голосом.

– Кругом парадоксы, да? А что касается «Декарда»... Ладно, сказавши «а», скажу и «бэ». Впрочем... Извини, Кенди, это, разумеется, не мое дело, но я лучше уточню. У тебя с Вернером – что, любовь?

Ива густо покраснела и отвернулась.

– Понял, – Боровский кивнул. – Вот ты его и спроси. Он как раз за «Декард» получил Сердце. Тебе он, наверное, расскажет, как там всё обернулось. Вообще Вернер удивительный человек. У него фантастический талант попадать в истории. Так что, Кенди, я повторяю – беда уже здесь. Если в твоём экипаже Вернер, жди неприятностей. Ты извини, я, собственно, ничего плохого о нём сказать не хочу. И вообще это не мое дело. Но...

– Ты-то его откуда знаешь? – спросила Ива, не поднимая глаз.

– Да его все знают, – усмехнулся Боровский. – Русских астронавтов всего двое. Как же их не знать? Ну ладно... Ты подходи в библиотеку минут через десять, ОК? Сможешь рулить? Отошла чуток?

– Всё нормально.

Боровский кивнул и пошёл к выходу из рубки.

– Жан-Поль! – позвала Ива.

– Что? – обернулся старпом.

– Я хотела... В общем, ты очень хороший, Жан-Поль.

– А я знаю, – сказал Боровский пренебрежительно, но всё-таки немного смутился. – Мне жена говорила.

Ива рассмеялась. Боровский заговорщически подмигнул ей и вышел. Старпом был очень рад, что утряс все неприятности и на вверенном ему корабле воцарился относительный порядок.

Хотя бы временно.

* * *

Бэттлшип «Люк Скайуокер» не отличался новизной конструкции и был под конец первой марсианской кампании уже совсем изношен. Когда полицейским срочно понадобился корабль тяжёлого класса на усиление, именно «Скайуокер», пытая и разваливаясь, погрёб с ними к Поясу долбать пиратскую базу. Как раз старой галоше должно было хватить ресурса на один такой поход.

Полицейская мелюзга отцепилась от неповоротливых мегадестроеров и нырнула в Пояс, а «Скайуокер» покинул конвой и ушёл затыкать место возможного прорыва, откуда должны были по идее выскакивать недобитые пиратские корабли. Занял позицию – и через несколько часов пропал. С бэттлшипа вдруг перестала идти телеметрия. Подумать, что такой мощный корабль уничтожен, никому и в голову не пришло. Тем более пираты действительно бросились наутёк, только совсем другим путём. Операция уже шла вовсю, в Поясе и вокруг него творились форменные гонки на выживание, и посылать на место разбираться было некого.

А бэттлшип молчал, будто ему все антенны поотрывали.

Поубивав кого надо, а некоторых даже арестовав, полицейские отправили к «Скайуокеру» дестроер, посадив на него для пущего спокойствия ремонтную бригаду. А начштаба полицейского крыла уселся составлять в штаб группы F язвительную депешу. Мол, знали бы – не просили бы, и каким местом думал тот, кто отправил на серьёзное дело такой летучий хлам... Но тут командир дестроера обалдело доложил, что терпящего бедствие линкора – не наблюдает. Для начала ему приказали не орать на всю Солнечную, а поискать обломки. Потом всполошились, сообразили, что дело худо, выстроились в поисковый ордер и двинулись прочёсывать окрестности. Но бэттлшип словно в Пояс нырнул. Чего, конечно, быть не могло ввиду солидных размеров и недостаточной манёвренности корабля.

Полицейский командир был тот ещё драйвер, на поиске и спасении заслужил ордена, и когда в Адмиралтейство переслали его покаянный рапорт, там стрелку переводить и не подумали. А тут же нашли своего виноватого. Засудили начальника штаба группы F за потерю бдительности. И думать было нечего: «Скайуокер» дезертировал. За каким хреном это понадобилось экипажу, тоже догадались. «Скайуокер» не раз ходил к Венере, где его командир вполне мог снюхаться с местными. А боевые корабли нейтральная Венера давно потихоньку копила. Тоже бунтовать готовилась.

Разумеется, и следствие, и трибунал шли в режиме глубокой секретности. Официально «Скайуокер» объявили, как, собственно, и было дело, пропавшим без вести. А осуждённого начштаба якобы расстреляли за воровство в особо крупных размерах. На самом деле его заперли в одиночку, дабы устроить очную ставку с командиром «Скайуокера», если одного удастся поймать. Упрятать военного легко: у большинства действующих астронавтов нет внизу ни семей, ни друзей. Некому интересоваться, куда ты пропал. А из тех интересующихся, которые наверху, попробуй кто заикнуться – не ровён час, сам в урну сыграешь.

Начальник штаба группы F колоссальной силы воли оказался человек. Утопиться в тюремном душе – это вам не для слабонервных. Дышал водой, пока не захлебнулся. Чем и подтвердил, что хранил за душой грешки, а может, и преступный сговор действительно имел место. Психиатры, конечно, сказали, что мужик просто наглухо свихнулся, да кто же их слушает.

На вакантную должность прочили Успенского, но тот упирался вплоть до грубости и нетактичного поведения. Тогда назначили Эссекса, которому в приватной беседе рекомендовали сбить с этого русского спесь и вообще навести в группе порядок. Эссекс с Успенским на радостях крепко выпили и тут же, не выходя из-за стола, вдребезги разругались. Вплоть до перехода на вы и обращения друг к другу строго по Уставу. Что лишний раз доказывает, как портит характер повышение по службе.

А про «Скайуокер» до поры до времени забыли. Тем более что агентура на Венере след мятежного корабля отыскать не смогла.

Между тем основную пользу из всего этого бардака с загадочным исчезновением линкора вынесли полицейские. Им тут же отдали три новеньких бэттлшипа. На случай, если дряхлый, но хорошо вооружённый «Скайуокер» вдруг объявится как перевозчик контрабандных руд или, что ещё страшнее, – пират.

Но «Скайуокер» не посрамил славного имени и через месяц объявился, как положено героическому боевому кораблю, без вести пропавшему: в виде аварийных модулей.

На первый модуль случайно наткнулся патруль. Кусок носовой секции, рассчитанный на спасение персонала ходовой рубки, болтался над Поясом. Целёхонький и пустой. Сняли данные «чёрного ящика» и увидели, что сброс модуля произошёл совсем не там, где бэттлшип должен был стоять. Это выглядело так, будто «Скайуокер» совершил почти невообразимый стремительный бросок вдоль Пояса, а потом – к нему вплотную, словно пытаясь спрятаться. Озадаченные полицейские начали активный поиск и через неделю отловили ещё один модуль – от боевой рубки. Тоже пустой.

К спасательной операции подключилось Адмиралтейство. У Марса задержали группу F, а всю остальную армию двинули к Поясу. В итоге беспрецедентных поисков добыли ещё четыре модуля. Но тайну гибели «Скайуокера» так и не раскрыли. Да, в модулях оказались люди. Целых двадцать. Только все они на момент катастрофы были в отдыхающей смене.

Как и положено во время боевого крейсирования, эта смена лежала по кубрикам, не раздеваясь, закрыв маски спецкостюмов и подключившись к бортовой воздушной магистрали, чтобы попусту не расходовать свои баллоны. Проснулись люди от дикой перегрузки, а потом где-то в носу раздался страшный бабах. «Скайуокер» кувыркнулся, перегрузка возросла, и ком-

мандер Бэнкс по трансляции заорал: «Всем покинуть!..» Ну, они и покинули. А потом, припав к экранам в модулях, силились разглядеть свой корабль, но космос оказался пуст.

Спасённых долго и нудно допрашивали: какой силы была перегрузка и как именно бабахнуло. Установили, что бэтглишип действительно резко прыгнул вперёд, получил мощнейший удар в скулу и затем самым полным рванул к Поясу. И только-то. За кем именно командер Бэнкс погнался, как именно схлопотал по носу и от кого удирал, осталось загадкой.

«А вдруг чужие?» – спросил один умник в Адмиралтействе и тут же огрёб суровую выволочку.

«Точно чужие!» – сказал Успенский, и ничего ему за это не было, потому что произнёс он эти слова шёпотом себе под нос.

«Эй, командер! Слыхали, как чужие „Скайуокера“ уделали?» – спросил его Эбрахам Файн, с которым они случайно встретились на базе внизу.

«Потише, Эйб, – посоветовал Успенский. – Доложит ведь какая-нибудь сволочь про такие разговорчики».

«Вы лучше зайдите к нам в разведку, пока я здесь, – сказал Файн. – Покажу один архивчик. Интересный, блин».

«А начальство ваше этот архив видело?» – спросил Успенский. Файн плюнул и ушёл. Даже разведка не верила в чужих. Конечно, многие из армейского руководства понимали, что в космосе сплошь и рядом творится нечто, чего люди пока не в состоянии объяснить. Иногда это нечто проглатывало скауты и буксиры. Вот, замахнулось на бэтглишип. Но считать загадочные аномалии пространства разумными – это уже попахивало шизофренией. Космос был жесток, но при ближайшем рассмотрении всегда оказывался мёртв.

Прошла ещё пара месяцев, и неподалёку от Земли выловили очередной модуль со «Скайуокера». В модуле лежал бездыханным лейтенант Джозеф Мейер. С изуродованным лицом и под медикаментозной накачкой, известной в народе как «последний шанс». Когда его привели в чувство, изумляясь отваге и находчивости совсем молодого парня, и Мейер смог говорить, ситуация яснее не стала. В момент неожиданного рывка лейтенант работал в библиотеке. Конечно, «намордник» спецкостюма был в нарушение инструкции расстёгнут. Когда «Скайуокер» прыгнул, будто его укусили за хвост, Мейер въехал лбом в монитор и на несколько секунд вырубился. Очнувшись, лейтенант почувствовал, как уши съезжают к плечам, а щёки на грудь; ещё немного, и он бы от перегрузки снова потерял сознание, уже навсегда. Мейер поспешно закрыл маску, но поскольку физиономия лейтенанта существенно изменила конфигурацию, то усилителями бедняге порвало щёки и подбородок. Глотая кровь, он слегка отдышался и кинулся было в ходовую рубку, но тут Бэнкс скомандовал покинуть корабль. Мейер нырнул в ближайший аварийный лаз. Больше до этого модуля не добежал никто, и лейтенант остался в одиночестве.

Как и прочие спасённые, Мейер согласно инструкции остался ждать прихода «катафалка». Других модулей поблизости не было, установить радиокontakt лейтенант не смог. А «катафалк» все не ехал да не ехал.

Возможно, Мейера просто не заметили. Модуль при отстреле обо что-то сильно приложило, и у него не вышли наружные антенны и солнечные батареи. Поэтому молчало радио, и системы модуля опасно пожирали энергию аккумуляторов. Вдобавок лейтенант, даром что был навигатор, осмотрелся и сообразил: его сбросило непонятно где, но точно не там, где надо. А в опасной близости от Пояса. И судя по всему, над богатой железом зоной, где сканеры «катафалка» могут сбоить. Мейер тихо присел в уголок и стал ждать, не засекут ли его оптикой.

Не засекли.

Через месяц Пояс уволок его к точке принятия решения. Если ждать дальше, рассудил лейтенант, мощности двигателей модуля уже не хватит, чтобы оторваться от Пояса. В лучшем случае модуль пойдёт домой с таким мизерным ускорением, что Мейеру всё равно не жить. И

провиант сто раз кончится, и кислород он весь «сдышит», и аккумуляторы сядут окончательно. А так хоть какой-то шанс – нацелиться на Землю, и, глядишь, на подходе тебя поймают.

Оставался, правда, один гаденький нюанс. Топлива в двигательной установке модуля – ровно на одну посадку. И то на крайний случай. Модуль – не судно и даже не шлюпка, а спасательный плотик. Но, учитывая военный характер техники, маломощную ходовую часть в неё все-таки запихнули. С таким ресурсом, какой влез. Один манёвр типа «встать на траекторию от Пояса к Земле» выжирал этот ресурс полностью. Значит, тормозить в атмосфере ты будешь чисто баллистически. Голым задом.

Конечно, модуль должны были увидеть. А могли и прохлопать. Мало ли мусора вокруг болтается. А сгореть в небе родной планеты, когда ты уже, считай, дома, – просто обидно. И даже несерьёзно, если ты военный астронавт, да ещё и навигатор.

Поэтому Мейер решил нацелиться мимо Земли по касательной, чтобы пройти как можно больше сканируемых зон. Настроил двигатели и стартовал. А себе вколол «последний шанс» – комплексную инъекцию из громадной дозы витаминов и умного наркотика, загоняющего человека в псевдоанабиоз. А то кислорода у него оставалось едва-едва глубоко вдохнуть.

Не прогадал. Заметили, подобрали, вывели из сна.

Восхищённая подвигом родина лейтенанта Джозефа Мейера отогрела, подкормила, допросила, вручила орден и поинтересовалась, чего герой хочет. Мейер заказал для начала пластическую операцию, а потом – курсы переподготовки. Родина не отказала. Только взяла подписку, что про «Скайуокер» и свой героический дрейф Мейер никогда больше не заикнётся. А ещё провела с лейтенантом обстоятельную беседу в офисе армейской контрразведки. И – отпустила подобра-поздорову дальше воевать.

Лицо Изе сделали лучше прежнего, а специальность он поменял с навигатора на штабного. Чтобы больше в одиночный патруль не ходить никогда. И действительно – скоро Мейер прибил к штабу Эссекса, а потом стал адъютантом начальника. Женился (молодец!), нарожал здоровых нормальных детишек (везёт же некоторым) и ни на что не жаловался. А когда его спрашивали: «Ты на чём ходил, астронавт?», врал или отшучивался.

А через несколько лет «Скайуокер» начал сыпаться на Марс. Ненавязчиво, по запчастям. Собрать обломки послали самых проверенных и компетентных, включая Вернера, не успевшего ещё заработать печальную репутацию. Осмотр не дал ничего вразумительного. Удалось только выяснить, что бэттлшип порвало на куски невероятно мощным взрывом. Обломки немного «светились», и комиссия со скрипом и покачиванием головами заключила, что долбанул реактор. Никак это не вязалось ни с загадочными манёврами, ни с бабахом в носовой части. Но на то и комиссия, чтобы скрипеть и качать головами, а заключения – составлять.

А ещё Вернер нашёл вплавленный в обшивку нагрудник спецкостюма со следами крови изнутри и табличкой «Lt J. Meyer» снаружи. Припомнил сокурсника Изю, пожал плечами, о находке доложил – и больше об этом случае не думал. Из однокашников Вернера погибла едва ли не половина, одним больше, одним меньше... А потом Эндрю списали вниз, и начались такие личные проблемы, что самому впору было по стенке размазаться.

Разумеется, Вернер не был удивлён, встретив Изю на борту «Тушканчика», живого и невредимого, да ещё при адъютантском мундире. Он его просто не узнал. Но Мейер ему о себе напомнил. И тут Эндрю, что называется, поплохело.

Может, поэтому он не поцеловал Иву тогда, в битком набитой людьми библиотеке.

А хотел ведь.

* * *

У своего кабинета Линда остановилась.

– Ты иди, – сказала она Изе, ныряя за дверь, – а я догоню. Мне обуться надо.

Изя кивнул и заспешил по коридору дальше. Но тут ему навстречу открылась дверь, и на территорию жилой палубы ввалилась целая делегация.

Во главе колонны следовал малый состав охраны контр-адмирала Задницы в количестве шести здоровенных лбов при автоматическом оружии. Следом важно шествовал сам Эссекс, что-то втолковывая на ходу полушёпотом Рашену, злому и взъерошенному. Замыкал шествие техник Вернер. С боков его подпирали двое охранников Рашена. Вид у них был донельзя воинственный, и Изя на миг решил, что Вернера арестовали. Но тут Рашен поднял голову, увидел Изю и сказал: «Ага!»

Изя щёлкнул было каблуками, но его уже профессионально взяли за шкирку, развернули лицом к стене и обшарили проворными ладонями.

– Да вы чего?! – возмутился Изя.

– Молчать, капитан! – пролаял Эссекс, и тот благоразумно притих.

В карманах у Изи оказалось несколько пластиковых карточек, пачка салфеток и рамка с голографической фотографией семьи.

– Негусто, – сказал Рашен. – Ну что, Изя, будем сознаваться?

– В чём? – искренне удивился тот.

Из кабинета вышла Линда, уже в ботинках, тщательно причёсанная, и в изумлении уставилась на распластанного по стене Изю.

– Ишь ты, – сказала она. – Сексуальные домогательства. А чего так грубо, мальчики? Это мягче надо, мягче. Тогда всё у вас получится.

– Фил, – сказал Рашен. – Рекомендую – наш психолог капитан Стенфилд.

– Наслышан, – Эссекс осклабился, протягивая Линде руку и пожирая глазами её мощный бюст.

Капитан Стенфилд отсалютовала, расплылась в улыбке и учтиво пожала руку Заднице.

– Кажется, мы встречались когда-то внизу, – проворковал Эссекс, не в силах оторвать взгляд от выпуклостей под комбинезоном психолога.

– Очень даже может быть, – в тон ему протянула Линда. – Думаю, обстоятельства помешали нам познакомиться, но...

– Отставить! – скомандовал Рашен. – Линда, мы к тебе. Все и сразу.

– Давно пора, – сказала Линда.

Она сделала приглашающий жест, и охрана волоком затащила Изю в кабинет. Следом зашло начальство. Линда бросила озадаченный взгляд на Вернера, но тот указал ей подбородком на дверь и, согласно Уставу, шагнул через порог последним. Телохранители Рашена встали снаружи, дверь закрылась.

Кабинет у Линды оказался раза в три больше, чем каюта адмирала, с уютными креслами, живописью на стенах и прочими расслабляющими аксессуарами. Эссекс, почувствовав вокруг слишком много пространства, ссутулился и отошёл в угол. Здесь действительно было неожиданно просторно, и не скажешь, что жилая зона боевого корабля, да всего-навсего круизера. Ещё одни такие же личные апартаменты полагались только доктору Эпштейну, но там всё было забито медицинской техникой.

Охрана уронила Изю в кресло и угрожающе нависла над арестантом со всех сторон.

– Молодцы, ребята, – похвалил Рашен. – А теперь свободны.

Старший охраны удивлённо посмотрел на Эссекса. Тот кивнул, и бойцы с недовольными лицами убрались за дверь.

– Значит, так, – Рашен заложил руки за спину и подошел к Изе вплотную. – Ты сиди, сиди...

– Можно к вашему терминалу?.. – спросил Эссекс у Линды.

– Да, пожалуйста... – Линда, видимо, уже поняла, чего от неё хотят, и исподволь внимательно разглядывала перепуганного Изю. Эссекс с видимым облегчением спрятался за рабочий стол, развернул к себе монитор и принялся теревить контактную доску.

– Своей властью активирую для этой каюты протокол секретного совещания, – бросил он. – Связь блокирована полностью, включая систему оповещения. Теперь нам не помешают. Командир группы не возражает?.. А если война или пора обедать – пускай в стену стучат, хе-хе.

– Значит, так, – повторил Рашен. – Капитан Мейер, это допрос. Я буду спрашивать, а ты отвечать. Быстро и чётко. Осознал?

– Так точно... – пробормотал Изя.

– Имя, звание, должность, – без выражения произнёс Рашен.

– Капитан Мейер, старший помощник начальника штаба усиленной бригады Attack Force, господин адмирал, сэр!

– Где получал специальное образование.

– Город Ванкувер, Соединённые Штаты, высшее специальное военно-космическое, факультет навигации, господин адмирал, сэр! Затем курсы штабных аналитиков на базе Орли, Париж, Европа, господин...

– Можно без званий.

– Да, сэр!

– Куда распределён по окончании училища.

– ББК «Пиркс». Младший навигатор, сэр. По окончании переподготовки – БМК «Джон Гордон», сэр!

– Ну, – кивнул Эссекс, глядя на монитор. – Правильно врёт. Да я этот файл сто раз видел...

– Это кто? – спросил Рашен, указывая на Вернера, который невоспитанно уселся на край стола и ещё более невоспитанно смотрел вместе с Эссексом в один монитор.

– Это Эндрю Вернер, сэр. Мой сокурсник, технический факультет.

– Твой сокурсник утверждает, что ты ходил не на «Пирксе», а на «Скайуокере».

– Не может быть, сэр, – твёрдо сказал Изя, распрямляясь в кресле. – ББК «Пиркс», сэр. Младший навигатор. А с господином Вернером мы, извините, сэр, по окончании училища встречались исключительно внизу и о служебных делах не разговаривали.

– Ты уверен, Изя, что повторишь это под гипнозом? – поинтересовался Рашен. Линда сунула руки в карманы и подалась вперёд.

Изя опустил глаза и весь как-то обмяк.

– А? – спросил Рашен. – Не слышу ответа, капитан Мейер, или как вас там.

– Почему вы ему верите, а мне нет, сэр? – пробормотал Изя. – Вы посмотрите, он сколько лет служит, а всего лейтенант. Он же псих, это все знают.

– Я такой же псих, как ты – капитан Мейер, – процедил Эндрю.

– Цыц! – бросил Эссекс. – Не встревай, лейтенант. Здесь тебе не русская чайная.

– Виноват, сэр.

– То-то же. Мейер, кто поменял информацию в твоём файле?

– Господин контр-адмирал! – взмолился Изя. – Ну вы же меня знаете!

– Отвечать!

– Да я понятия не имею, о чём вы, господин контр-адмирал! Какой «Скайуокер»? Ну, был такой ББК. Кто-то его в Поясе стукнул, так, что одни модули остались, да и те, говорят, пустые...

– Эта история со «Скайуокером» покрыта завесой секретности от начала и до конца, – сказал Рашен, оборачиваясь к Эссексу. – Мы ведь тоже знаем, что он ушёл к Поясу вместе с полицией, а назад не вернулся. И всё. Правильно, какие-то модули нашли, но был ли там кто живой, официально не сообщалось. Вот на этом-то наш друг Изя и погорел...

- Ничего не понимаю... – почти шёпотом пробормотал Изя.
- Обломки «Скайуокера» потом упали на Марс, – объяснил Рашен. – И твой друг Эндрю...
- Да не друг он мне никакой! – взвыл Изя.
- Не перебивай. Твой никакой не друг Эндрю работал на подхвате в аварийной комиссии. И нашел кусок спецкостюма с табличкой «лейтенант Джей Мейер». Доходчиво объясняю?
- Да этих Мейеров – как говна! – в голос заорал Изя. – Вы что, тоже с ума посходили?! Кого вы слушаете?! – От собственного вопля он сам чуть не оглох и бессильно скомкался в кресле.
- Ох, и нечиста же у тебя совесть, дружище! – сказала Линда.
- Изя тихо застонал и отвернулся.
- Говна на флоте точно много, – заметил Эссекс. – А Мейеров за последние двадцать лет всего-навсего трое. Один якобы ты. А ещё двое, Эфраим и Мордехай, командиры десантных батальонов. Им нечего было делать на бэттлшипе, приписанном к группе F. Ну так не кажется ли тебе, дорогой Изя, что один из этих Мейеров действительно говно?
- А Вернера, между прочим, списали вниз после того случая, – заметил Рашен. – И загнали в службу, чтобы с астронавтами не болтал.
- Это ты зря, – перебил его Эссекс. – Вернера я списал. Ты же мне не говорил, что он твой...
- Рашен укоризненно покосился на Эссекса и почесал в затылке.
- Видите, ничего не сходится, – поспешно вставил Изя.
- Вернер машинально отодвинулся от Задницы подальше и уставился в пол.
- Извини, лейтенант, – сказал Эссекс. – Но тебя после взрыва на «Виггине» и особенно после «Декарда» никто брать не хотел. За тобой беда ходит, ты в курсе? Сплошные неприятности...
- Я их не искал... – тихо произнёс Эндрю, не поднимая глаз.
- До чего же вы суеверные, астронавты! – Линда невесело усмехнулась. – Слушайте, господа адмиралы, зайдите ко мне как-нибудь, а? Ничего особенного...
- Успеется, – сказал Рашен. – Ладно, Andrey на нас не в обиде. В конечном счёте всё обернулось не так уж плохо. И мы эту ситуацию потом обсудим. Верно, Andrey?
- Все нормально... – тихо сказал Эндрю.
- Так как насчёт гипноза? – спросил Рашен, обернувшись к Линде.
- Никаких проблем, драйвер. Расколю его как миленького.
- Я буду все отрицать, – пообещал Изя. – В смысле – потом.
- Ну ты даёшь! – Эссекс хмыкнул и покачал головой. – Ты что же решил, мы тебя судить будем? Судом присяжных? Ха!
- Мы тебя просто в мусоропровод спустим, – объяснил Рашен. – Не волнуйся, это не больно. «Последний шанс» тебе воткнем – и головой в люк. А летать тебе не впервой, навигатор все-таки. Pídaras.
- Не посмеете! – окрысился Изя. – Здесь вам не Россия! Быстренько вслед за мной загремите!
- Слушай, Линда, чего он такой агрессивный? – благодушно осведомился Рашен.
- Да он с самого начала всё понял, – объяснила Линда. – И никак не может решить, сразу колоться или чуть погодя. Вот, душу отводит, ловит свой кайф, рычит на начальство. Моментом пользуется, крысняк мелкий.
- А-а... А Россию ты, Изя, лучше не трогай. Здесь точно не Россия, здесь люди живут. А вот из-за таких, как ты, от группы F может остаться грудка металлолома. Давай рассказывай, кто ты есть на самом деле. А то у нас времени в обрез. И про мусоропровод я не шутил, клянусь.
- Я потом буду всё отрицать, – повторил Изя.

– Ну, заладил, yolkee-palkee! Изя, мне плевать, что ты скажешь потом. Мне важно знать правду.

– А потом вы меня убьёте!

– Не обязательно.

– Это как? – удивился Изя.

– Нам тоже нужны свои люди в Адмиралтействе, – объяснил Рашен. – Между прочим, сколько они тебе платят?

– Да уж побольше, чем вам... – признался Изя.

– Нет, – отрезал Рашен. – Я тебе могу заплатить по самой высокой ставке. Если мы договоримся, так уж и быть, выйдешь отсюда живым.

– Я вам не верю, – заявил Изя твёрдо. – Вы, русские, нас арабам продали. А потом весь мир – китайцам. И Россию продали. И меня сначала купите, а потом тоже продадите. Русские самая хитрожопая нация на свете. Пусть мне гарантии дает господин Эссекс, но только не вы...

Рашен на протяжении этой глубокомысленной проповеди стоял неподвижно и даже в лице не переменился. Но когда Изя замолк, адмирал сделал резкое, почти неуловимое движение правой рукой. В кабинете раздался негромкий хлопок. Подголовник Изиного кресла разлетелся в клочья, и что-то с глухим шлепком ударило в стену.

Изя медленно поднял руку, потрогал разорванное ухо, поднёс окровавленную ладонь к лицу, и взгляд его остекленел.

Звонко щёлкнуло: это адмирал спустил взведённый курок, придерживая его большим пальцем.

На глазах у Изи выступили крупные слёзы.

Рашен не спеша убрал в набедренный карман маленький чёрный пистолет.

– Попытки выдержишь, жидёныш? – спросил он почти ласково.

– Матерь Божья... – прошептал Изя, рассматривая свои трясущиеся пальцы, с которых капала на пол кровь.

– Бога нет, – заметил Рашен. – Во всяком случае, для тебя.

– Бог есть ненависть, – сказала Линда. – А тебе сейчас, Изя, позарез нужна любовь. Кстати, господин адмирал, я вам не разрешала тут стрелять.

– Залатай ему ухо по-быстрому, – приказал Рашен. – И не возникай. Шутки кончились. Мы на военном положении уже почти час. Застрелю любого, кто мне не понравится.

– Почему военное?.. – громким шёпотом спросил Вернер.

– На Марс идём, – проворчал Эссекс. – Контрабанду душить. Полицейских недостает, видите ли.

– Господин адмирал! – позвал Вернер. – Разрешите? Так, может, я?..

– Иди, Andrey, – кивнул Рашен, не оборачиваясь. – Продолжай работу. И от души благодарю. Потом увидимся.

– Есть, – Вернер кивнул Эссексу, подошёл к двери, нажал кнопку и испуганно отшатнулся. В коридоре стоял такой оглушительный мат, какого не бывает, наверное, даже в бою. Это орал командер Жан-Поль Боровский. Мальчиками для битвы выступала охрана, героически не пуская старпома к переговорному устройству на двери.

– Что ещё такое?! – рявкнул адмирал, перекрывая командным рёвом вопли в коридоре. – Пропусти!

– Б-л-лядь! – выдохнул Боровский, продираясь сквозь охрану. – Ой, виноват, сэр! У нас ЧП. Мне Линда нужна позарез. А у вас тут... Виноват, сэр! Я лучше потом.

– Какое ещё ЧП? Зачем тебе Линда? У кого там крыша съехала?

– Старший навигатор Фальцфейн, сэр! Дважды отказалась выполнять приказ, а потом взяла и... Разрешите без подробностей. Острый психоз, если по-простому.

Из-за перегородки высунулась Линда с баллоном анестетика в руке.

– Давно пора, – заметила она.

– Это какая Фальцфейн? – оживился Эссекс. – Куколка такая светленькая, с круглой попкой?

– Да нет, – отмахнулся Рашен. – Светленькая – это наша Кенди. А Фальцфейн шатенка. Ты её не знаешь.

– Мы её пока наркотой жажнули, – сказал Боровский извиняющимся тоном. – Но боязно что-то. Вдруг очнётся...

– Линда занята, – отрезал Рашен. – А Марго – расстрелять nahui. Не до неё сейчас.

– Чего? – вылупился на адмирала Боровский.

– Пойдёмте, Жан-Поль, – сказал Эндрю, обнимая старпома за талию и вытаскивая в коридор. – Видите же, заняты люди.

– Как это – расстрелять? – пробормотал Боровский.

– Nahui, – объяснил Рашен. – И дверь закрой.

В коридоре старпом обвёл потрясённым взглядом охрану. У бойцов, которые разговор прекрасно слышали, тоже вид был так себе.

– Мужики, – спросил Боровский, – а вы расстреливать умеете?

Мужики обалдело переглянулись. Кто-то нервно хихикнул.

– Может, обойдётся... – неуверенно заметил старший охраны Эссекса, довольно симпатичный здоровяк-капитан.

– И не надейся, – печально сказал один из телохранителей Рашена, украдкой подмигнув Боровскому. – Если бы Задница приказал, тогда ещё туда-сюда. А тут – сам Рашен. Наш патрон слов на ветер не бросает. Давай поднимай архив, уточняй процедуру. Или спроси меня. Я – читал.

– А чего я-то? Почему не вы, например? – капитана прямо затрясло.

– А потому что, если нет палача, расстрельная команда минимум пятеро. Это чтобы крыша не потекла. Как раз ваш случай, пять стрелков, и ты – главный. Командовать будешь. Отмашку давать.

– Суки! – догадался капитан. – Разыгрываете, да?

– Не-а, – Боровский помотал головой.

Капитан широко открыл рот. Потом закрыл. Боровский ещё год назад был заместителем Рашена по боевой части и наводил ужас на всю группу F, пока не загремел в психушку с нервным истощением. Иначе он был бы уже контр-адмиралом, и все об этом помнили. До сих пор единственным кораблём, на котором Боровского не боялись, оставался «Пол Атридес». Здесь командер был просто лапочка. Но едва он появлялся где-то ещё, как все разбегались. Даже вооружённая охрана. Ходили слухи, что Боровский отсидится на «Тушканчике» немного, а потом Рашен вернёт этого маньяка на организационную работу. И когда он снова примется дрючить экипажи и гонять корабли... Лучше уж война.

А его друг и начальник адмирал Рашен, весьма опасный человек, говорят, когда-то собственноручно кого-то шлёпнул. За неповиновение.

– Готовьтесь, капитан, – жёстко приказал Боровский. – Инструктируйте своих людей. Печально, конечно, но что поделаешь... Нам в походе балласт ни к чему.

– Значит, вы это серьёзно... – упавшим голосом пробормотал капитан.

– Вы же слышали приказ – расстрелять.

– Но я подчиняюсь начальнику штаба лично, и...

– Не придуривайся, ладно? – мягко перебил Боровский. – Ты на моём корабле. Все, чем могу помочь, это вместо расстрела посадить тебя в карцер. И доложить контр-адмиралу, что у его охраны – нежная и ранимая психика.

– А даже если так?! – взвился капитан. – Безоружного человека убить! Женщину!

Боровский пожал плечами.

– Это, конечно, совершенно не моё дело, но если бы меня спросили, я бы сказал... Боюсь, Эссекс тебя не поймёт. И Рашен тем более. Время-то у нас на борту – военное. Марго отказалась выполнить приказ, её – к стенке. Ты отказался выполнить приказ...

– Коммандер, вы тоже с ума сошли?!

– Почему обращаетесь не по Уставу? – посуровел старпом.

– Виноват, сэр. Но...

– Вы слышали, что приказал командир группы?

– Но...

– Повтор-р-ряю! – начал очень правдоподобно закипать старпом. – И больше не стану! Вы уже мне тут прекословили, молодой человек! Уже допустили грубость и нетактичное поведение! И что, вам мало показалось?!

– Ох...

– Нет, вы слышали или что, капитан? Оглохли, мать вашу?! Вы, блядь, на борту чего?! Военное, блядь, положение! Боевой корабль! Охр-р-рана! М-мать! После расстрела все немедленно в карцер! На сухой паёк! Так и доложите контр-адмиралу! Ответственный – вы, капитан! А я прослежу!

– Лучше всего сделать это в грузовом шлюзе, – негромко и очень спокойно подсказал Вернер. – Поставить Марго к внешнему люку, ба-бах, потом внутренний закрыть, а внешний открыть и дать продувку.

У капитана было такое выражение лица, будто он сейчас потеряет сознание. Телохранители Рашена за его спиной буквально съезжали по стенке от беззвучного хохота. Охрана Эссекса, которая, обмирая, тарасилась на Боровского, этого не замечала, и выручить капитана было некому.

– Хорошая идея, – поддержал Вернера Боровский, переходя на ровный деловой тон. – Ах, ну конечно, у вас же так на «Декарде» расстреливали? Технология обкатана, так сказать?

– Совершенно верно, господин коммандер, сэр.

Услыхав про «Декард», охрана Рашена как-то очень резко перестала смеяться и озадаченно переглянулась.

– И никакой возни с телом, – добавил Вернер. – Главное, сразу включить продувку, тогда в шлюзе – ни кровинки. Был человек – и нет человека, остался только протокол, что он захоронен в космосе.

– И никакой возни с телом... – протянул Боровский. – Идеально. Если бы я раньше знал, что всё так просто... М-да. Значит, капитан, работаем в грузовом шлюзе! Слышишь меня? Готовь людей. Так и быть, потом литр самогона поставлю. Считаю, я тебя простил. Я же понижаю... Я же не изверг какой.

– Приказ... – выдавил капитан. – В письменной форме... На бумаге... Ой, что-то мне нехорошо...

– Лови! – скомандовал Боровский.

Подчинённые схватили капитана под руки и бережно опустили на пол.

– Будешь знать, ты, поц, как распоряжаться на моём корабле, – гордо заявил старпом. – Я здесь главный, коммандер Боровский! А ты никто! У себя на «Гордоне» возникай. А «Тушканчик» – моё хозяйство. Ладно... – Он перевёл взгляд на телохранителей Рашена, и у тех вытянулись лица. – Эти заезжие слабаки не справятся, – объяснил им Боровский.

– И что? – осторожно спросили местные.

– А то, что расстреливать Марго будете вы!

* * *

– Свет, – пробормотал Изя. – Вижу свет...

Он уверял, что его зовут Джозеф Мейер. Он рассказал, как катапультировался с подбитого бэттлшипа и совершил беспрецедентный дрейф на крошечном модуле от Пояса к Земле.

– Очень яркий свет. И очень тёплый. Как будто с Земли смотришь прямо на Солнце...

Он уже выложил под гипнозом всё о контактах с военной контрразведкой, вплоть до канала связи и кодовых слов. Эссекс, слушая откровения своего адъютанта, обжег на руках все ногти.

Допрос продолжался больше часа – из памяти Изи вытянули даже именной список экипажа «Скайуокера». Кто-то ведь ещё спасся помимо Мейера, и этих астронавтов нужно было теперь искать. Потому что стало ясно: Адмиралтейство не упустило шанса заполучить людей без прошлого, сделать их секретными агентами и рассовать по всему флоту, целясь поближе к ключевым должностям.

– А потом... а потом я заснул, – сказал Изи и тут же действительно захрипел, прямо внутри гипнотического транса.

– Он на самом деле заснул, – Линда кивнула, отрываясь от монитора и глядя на Рашена с немым вопросом в глазах. – Он больше ничего не помнит. То есть... Ну, вы понимаете. Скажем, так: это существо обладает в полном объёме памятью лейтенанта Джозефа Мейера. Который увидел свет и заснул.

Рашен с усилием провёл рукой по лицу.

– Больше ничего? – спросил он.

– Стёрто всё.

Линда снова посмотрела на монитор, встала, подошла к Изе и принялась собирать с его головы контакты гипнорекодера.

– Стёрто все, – повторила она. – Нет, может, там что-то ещё записано, но скорее всего на языке, который мы пока читать не умеем. Я ведь угадала, а, драйвер?

Она наткнулась на эту информацию случайно. Что-то ей показалось странным в рассказе Изи о том, как он болтался над Поясом, и Линда попросила его вспомнить некоторые детали. И тот рассказал, как на пятые сутки увидел загадочный свет. Увидел и заснул.

Эссекс поскрёб тщательно выбритый подбородок и так вздохнул, что Рашен недовольно покосился на него через плечо.

– Сколько Абраму осталось до Цербера? – спросил он. – Недели две?

– Пятнадцать суток.

– Пошли ему вдогонку приказ. Увидит свет – пусть не засыпает, а двигает оттуда самым полным. Не пытаться рассмотреть, бежать немедленно.

Эссекс кивнул и вздохнул снова.

– Чужие? – спросила Линда, приподнимая Изе веко и заглядывая в глаз.

– Да кто его знает, – уклончиво ответил Рашен.

– Но ведь ему приказано этот случай забыть...

– А почему этого не могли сделать в Адмиралтействе? Ты что-нибудь знаешь об экспериментах по клонированию? Они ведутся сейчас?

– Понятия не имею, шеф.

– Но тем не менее образец ДНК каждого астронавта лежит в банке данных строевой части. Теперь представь – накрылся корабль. Дядя Гуннар отдаёт приказ своей контрразведке. Та выращивает нового Джозефа Мейера взамен погибшего, сочиняет милую легенду, для большего правдоподобия ещё и секретит её... Нет, концы с концами не сходятся. Зачем тогда этот свет?

– Вот именно – зачем?

– Слушайте, Линда, а никак не получится распотрошить ему башку и узнать, что же там всё-таки было? – поинтересовался Эссекс. – Я имею в виду, ну, хирургическое вмешательство какое-нибудь...

– Не моя компетенция, – хмуро сказала Линда. – Может, нейрохирург вам и скажет, а для меня это уже слишком. Да и вряд ли получится. Наша хирургия до сих пор смотрит на мозг как на компьютер. А это самый примитивный и лобовой подход, какой только можно себе вообразить.

– Кто тебе сказал, что чужие умнее нас? – заметил Рашен.

– Так, значит, всё-таки чужие, да? – оживилась Линда.

– Я же говорю – понятия не имею... Может быть.

– Умнее они или нет, – сказал Эссекс, – но то, что у них всё по-другому, это факт. И как бы мы ни искали, что они ему там записали на подкорку, толку не будет. Потому что искать мы будем не то, и методы наши не те... Сам подход. Уверен.

– Слушайте, господа, – Линда вдруг села, – вы хоть понимаете, какую бредятину мы сейчас несём?

– А чего ты от нас хочешь, от сумасшедших? – удивился Рашен. – Мы же астронавты всё-таки... Постоянный стресс, травма на травме, медицинскую печать ставить негде.

– По мне уже десятый год больница плачет, – на полном серьёзе поддержал его Эссекс. – Как уйду на пенсию, тут же лягу.

– Ой, не смешите, – отмахнулась Линда. – Таких сумасшедших, как вы, целый флот. Мало ли у кого травмы. Ну, тревожные все, не без этого. Опять-таки, сексуальные проблемы... И вообще, жениться вам надо, господа мужчины. Каждому по бабе, и чтобы нормальный дом. Всё как рукой снимет. А вот когда вы начинаете про чужих задумываться...

– Ладно, хватит, – приказал Рашен. – Ты, конечно, профессионал, и за Марго тебе отдельное спасибо, но что касается чужих, это, милая, просто не твоего ума дело. Ясно?

– Да, сэр, – Линда заметно надулась. – А за Марго не благодарить меня надо, а лицензию отобрать.

– Нам балласт ни к чему, – сам того не зная, повторил Рашен слова Боровского, сказанные час назад в коридоре. – Психопатка на руле – угроза боеспособности... Линда её на обострение спровоцировала, – объяснил он Эссексу. – Сам понимаешь, не могу же я списать человека вниз по одному только подозрению, что он больной.

– А я могу, – твёрдо сказал Эссекс. – Я добрый.

– Ты, наверное, совсем размякший был, когда Вернера списывал, – вспомнил Рашен. – Уверен, что никто тебе ничего не говорил насчёт Эндрю?

– Да, уверен. Помню я его отлично. Как тут забудешь – русский же. Опять-таки, «Фон Рей», погружение в Юпитер... Классика. Нет, Алекс, ты прости, но я всё отлично помню. Его действительно никто не хотел брать в экипаж. И ты в том числе.

– Мы тогда повздорили слегка... – Рашен потупился. – Я ведь его на флот привёл, и всё такое. Конечно, отношения у нас были совсем не уставные, а скорее как у отца с сыном. Но после истории с Юпитером Эндрю долго лежал в больнице, и отдыхал ещё почти год, и вернулся наверх совсем другим, не таким, каким я его знал. Вот я и не стал его при себе держать. Пусть, думаю, ходит на разных кораблях, опыта наберётся. А его начали преследовать неудачи. Хотя почему неудачи – он ведь каждый раз выкарабкивался...

– Извините, сэр, а в какой больнице он лежал? – встряла в разговор Линда. – По нашей части?

– А в каких ещё больницах лежат подолгу? – ответил Рашен вопросом на вопрос.

– Я так и думала, – кивнула Линда. – Действительно везучий парень. Хорошо его поправили. Недаром у них с Кенди роман.

– Да ну? – удивился Рашен. – Что ж... Неплохо. Лишь бы от работы не отвлекался. А работы у него... – Он многозначительно посмотрел на Эссекса, и тот понимающе кивнул. – Фил, загладь вину. Сообрази мужику капитана, а?

– Придумаем, – согласился Эссекс. – Случай тяжёлый, – это он имел в виду условный срок Вернера, – но не безнадёжный.

– Хорошо, – сказал Рашен. – Поболтали, отдохнули, а проблема всё стоит. Точнее, лежит, – он кивнул в сторону Изи, который по-прежнему спал. – Что нам делать с этим приятелем? В контексте последних открытий? Допустим, в том, что это клон, мы почти уверены. Но кто его вырастил? Угрожает ли нам его присутствие в штабе группы? Куча вопросов, а, Фил? Yolkee-palkee, поверить не могу, что он не человек.

– Он человек, сэр, – не согласилась Линда. – Просто искусственный. Ну, бывает, не всем же рождаться от мамы с папой. И, знаете, я думаю, это всё-таки адмиралтейская работа.

– А свет? – напомнил Рашен.

– М-да... Не сходится.

– Придётся как-то от него избавиться, – сказал Эссекс легкомысленным тоном, как будто обсуждалась не судьба его адъютанта, а некий отвлечённый предмет. – Пусть даже Изя клон, так и хрен с ним. Всё равно офицер толковый. Но терпеть под боком адмиралтейского шпиона – это ещё куда ни шло, а вот человека, узревшего свет небесных сфер...

– Может, это какой-нибудь религиозный припадок у него был, а? – с надеждой спросила Линда. – Господа, вы же образованные...

– Вот, Фил у нас образованный, – вспомнил Рашен. – Он даже Библию читал.

– Отстань, – попросил Эссекс. – Не читал я Библию. Так, просматривал. И не советую больше никому. Весьма детализированная история кровопролития. Все друг друга убивают и в жертву приносят. А дальше про то, как евреи Христа распяли и сами себя убедили, что так и надо было. И вывод из всего этого – что Бог есть любовь.

– Странные люди были наши предки... – вздохнул Рашен.

– Есть там, конечно, примеры и положительные, – заметил Эссекс. – Даже весьма положительные. Но тоже какие-то смурные, с явным оттенком психопатологии. И мало их, честно говоря.

– Короче, что нам делать с Изей? – подытожил Рашен.

– Как что – отдать мне. А я разберусь. Не беспокойся, Алекс, он теперь долго не проживёт. Мы его тихонько шлёпнем, а потом вскроем и посмотрим, чья это работа, земная или чужая. Линда, милая, вы сможете его пробуждение как-нибудь естественно обставить, чтобы он ничего не понял?

– Да, сэр. Только лучше, наверное, не здесь. Вы могли бы симитировать какое-нибудь совещание или что-то в этом роде? А я ему внушу, что он давно с вами рядом сидит и думает о своём, поэтому ничего толком не запомнил.

– Нет проблем, – сказал Рашен. – Тогда вызываем охрану, и пусть тащат его ко мне. Спасибо, Линда. Век не забуду.

– Вы лучше забудьте про чужих, – посоветовала Линда. – Здоровее будете.

Рашен встал и подошёл к двери.

– Про чужих забудь ты, – сказал он жёстко. – Ясно?

– Да, сэр. Поняла, сэр.

– Нет, ты не поняла. Это был приказ, капитан Стенфилд.

Линда встала и сделала «руки по швам».

– Виновата, сэр, – сказала она серьёзно. – Есть забыть про чужих, сэр.

– Вот так-то лучше, – Рашен улыбнулся и открыл дверь. – Пойдём, Фил.

– По-моему, мы всё-таки с вами раньше встречались, милая Линда, – проворковал Эссекс, пожимая Линде руку и значительно глядя в глаза. – Что ж, приятно было поработать вместе. А не хотите ли посетить «Гордон» как-нибудь на досуге? Вы уже бывали на наших БМК? Там есть на что посмотреть. Мегадестроер – это целый город...

– При случае – с удовольствием, сэр.

– Впрочем, я не прощаюсь, вы же сейчас пойдёте с нами? Чудесно, чудесно...

В коридоре народу заметно поубавилось, из охранников Эссекса на месте были всего лишь трое. Вид бойцы имели бледный.

– Не понял, – буркнул Эссекс, обнаружив, что ряды его охраны сильно поредели. – А где остальные?

– Старшему плохо стало, господин контр-адмирал, сэр, – хмуро доложили ему. – Сердечный приступ. Двое наших с ним в лазарете.

– С чего бы это вдруг? – изумился Эссекс.

– Это его Боровский довёл, – наябедничали ему.

Эссекс с укоризной покосился на Рашена.

– Наш кадр, – сказал Рашен гордо. – Мёртвого затрахает. Он как, моего навигатора не расстрелял ещё?

– Готовится, сэр. Нас хочет заставить. А нам не положено, мы подчиняемся только начальнику штаба... Вы скажите господину Боровскому, сэр, а то он нас за людей не считает...

– Дети, – объяснил Рашен Эссексу. – Все охранники принадлежат, как правило, к ярко выраженному инфантильному типу. Большие дети. Только бы им в войнушку поиграть. К настоящим-то боевым действиям их не подпускают. Вот они и не взрослеют никогда. Скажешь им какую-нибудь глупость, а у них уже сердечко ёкает. Что же вы, балбесы, – он повернулся к охране, – Устава вообще не знаете? Читать разучились? Какой ещё, к чёртовой матери, расстрел наверху?

– Так военное же положение... – слабо возразили ему.

– В карцер, – заключил Рашен. – На урезанный паёк, и каждому в зубы – Устав. И пока не выучите наизусть, за порог ни ногой.

– Ты это... – Эссекс потянул адмирала за рукав. – У тебя вон своих лоботрясов двое, ты с ними и развлекайся. А моих не трогай.

– Разве это я тронул? – Рашен усмехнулся. – Ты же знаешь, что бывает, когда я действительно трону. Ладно, вы... расстрельная команда. Поработайте, что ли, грузчиками для начала. Заходите в кабинет, берите капитана Мейера и тащите ко мне. А в карцер – потом.

Охранники с похоронными лицами проследовали в дверь.

– Жестокий ты человек, Алекс, – сказал Эссекс с деланой серьёзностью. – Одно слово – русский.

– Ага, – кивнул Рашен. – Ещё я продал евреев арабам, а всю остальную планету – китайцам. И всех марсиан поубивал.

– И как только успел! – рассмеялся Эссекс.

* * *

Чтобы перестроить группу F в походный ордер из орбитальной позиции, обычно требовалось около двух часов. На этот раз управились за полтора. Даже рядовые были в курсе, что эта операция может оказаться для группы последней (на судах в таком случае говорили «ещё разок, и все»), и поэтому работа шла чётко и слаженно, без единого сбоя. С некоторым опозданием в хвост бригаде пристроился неповоротливый десантник, и Рашен, который весь извертелся, наблюдая его неуклюжие манёвры, дал команду на отвал.

Начальство снизу требовало шевелиться, денег бухгалтерии Эссекса отвалили щедрой рукой, поэтому разгон шёл на бустерной тяге, в обычной ситуации для бюджета группы совершенно разорительной. «Марсианское плечо», и без того короткое, на этот раз надо было проскочить за одиннадцать суток.

Перегрузка на разгоне была шестикратная. Поскольку все ходили в масках, Рашен приказал каждому вдобавок к табличке на груди написать фамилию ещё и на спине. Над Раше-

ном эту операцию проводил Фокс, и, разумеется, плечи адмирала украсились крупной надписью «RUSSIAN», о чём тот поначалу не подозревал. Но днём позже адмирал догнал в коридоре какого-то деятеля по фамилии Fuckoff и почуял неладное. Построение личного состава выявило ещё десяток неприличных фамилий, а также барышню по имени Candy и мужика, на котором спереди было написано, как положено, «capt. Fox», а сзади коротко и ясно: «Bombardier». Рашен сначала ругался, но, когда ему сказали, что там на спине у него самого, вдруг успокоился. Конечно, всяческих Факовых, Шитхедов и Доннерветтеров он приказал уничтожить, но в остальном неуставная выходка сошла экипажу с рук.

В целом жизнь астронавтов на разгоне не особенно изменилась, дело было привычное. В боевой обстановке им случалось не расстёгивать масок по два-три месяца, а при шести «же» спецкостюм позволял хоть танцевать. Только Боровский, которому даже в спецкостюме при таких режимах было нехорошо, уже на второй день совершенно озверел и, пользуясь тем, что из бассейна слили воду, послал техников Вернера циклевать дно ультразвуковыми резаками. Вернер, отдыхавший в кубрике от трудов праведных, обнаружил это злоупотребление властью только к моменту, когда его подчинённые содрали уже два миллиметра покрытия, и огромный красный член на дне бассейна заиграл такими яркими красками, что техники выразили желание продолжить работу. Боровский сидел на бортике, свесив ноги вниз, и изрыгал тоскливую ругань на всех доступных ему языках.

Вернер хохотнул и ушёл дальше спать. За два часа до старта он доложил адмиралу, что все работы по нейтрализации саботирующих и подслушивающих устройств на борту «Тушканчика» успешно завершены. Рашен одобрительно хлопнул Эндрю по плечу и разрешил отдыхать, пока не надоест. Вернер посмотрел на часы и со всех ног бросился к Иве.

– Ох... – только и выдохнул он, увидев, что Ива в халате и на вахту не собирается. – Я так боялся, что ты сейчас уйдёшь... Милая! Как же я по тебе скучал!

Ива мягко обняла Эндрю и прижалась лицом к его груди.

– Я тоже, – сказала она. – Но ты напрасно радуешься. Мы пойдём на бустерах, сейчас объявят. Тут уж будет не до любви.

– Сколько у нас времени? – деловито спросил Вернер, расстегивая комбинезон. – Успею рассказать, как я тебя обожаю?

– На языке жестов? – Ива одним движением сбросила халат, и Вернер чуть не прослезился от нахлынувшей вдруг нежности. Эта женщина была не просто красива. Каким-то шестым чувством Эндрю ощутил, что она создана для него. Именно для него. А он – чтобы служить ей, быть ей верным, мечтать о детях, а может быть, даже предложить Иве руку и сердце, как это делалось в старые времена.

Наверное, у него было очень странное выражение лица в этот момент. Во всяком случае, Ива под его взглядом первый раз в жизни смутилась перед мужчиной и прильнула к Эндрю, избрав такой неожиданный способ прикрыть свою наготу.

– Ты что? – спросила она тихонько.

Из груди Эндрю вырвался нервный смешок, и он крепко прижал девушку к себе.

– Прости, – сказал он. – Я просто вдруг понял... Это так внове для меня. Понимаешь, я никогда раньше ничего подобного не испытывал. Ива, милая... А я ведь люблю тебя.

– Что? – переспросила она.

– Никогда ещё и никому такого не говорил, – признался Вернер. – Оказывается, это непросто. Словно душа нараспашку. И соврать невозможно. Либо ты это чувствуешь и тогда говоришь, либо нет, и тогда сказать нечего. А мне есть что сказать. Я люблю тебя. Я люблю тебя... Вот.

Ива чуть отстранилась от Эндрю и заглянула ему в глаза.

– Можно бестактный вопрос? – поинтересовалась она. – А когда ты это понял?

– С первого взгляда, – честно ответил Вернер. – Помнишь, тогда контроль отражателей барахлил, и я...

– Энди, – сказала Ива. – Пожалуйста, не стригись, а?

– То есть? – удивился перемене темы Вернер.

– Я понимаю, когда ходишь в маске, длинные волосы – неудобно, – Ива продолжала гнуть своё. – Но пожалуйста, ты побереги этот свой хвост. Для меня, хорошо?

– Да ладно... – пробормотал обескураженный Вернер.

– Он так тебе идёт... Ты такой красивый, Энди. Ты самый красивый на свете. И... Я как тебя в первый раз увидела... Ты мне снился потом каждую ночь. Я... я тоже люблю тебя. Я очень тебя люблю.

У Вернера перехватило дыхание. Он хотел сказать что-то очень важное, что-то самое главное, но не мог подобрать слов. И нашёл, сам того не подозревая, ёмкую и мужественную фразу.

– Значит, всё будет хорошо, – сказал он.

Больше они почти не говорили, но им действительно было хорошо друг с другом, хорошо, как никогда раньше, а потом Ива вдруг заплакала, и перепуганный Вернер бросился её утешать. Но оказалось, что это с ней от радости.

И если бы не приказали всем стоять по местам, Вернер ни за что бы от Ивы не ушёл. Но потом он всё равно вернулся и часами сидел рядом с ней в ходовой рубке, когда Ива была на вахте, и ходил за ней как привязанный, куда бы она ни пошла. Два угловатых чудовища с забралами вместо лиц, они даже по обезображенной усилителями походке легко узнавали друг друга. Им не нужны были надписи на спинах, чтобы расслышать, как под металлом и пластмассой бьётся родное сердце.

А усиленная бригада Attack Force беззвучно раздирала пространство на шестикратной.

Маяк на Цербере по-прежнему не подавал ни малейших признаков жизни. Ремонтник шёл к маяку самым полным и прибывал на Цербер в расчётное время, через полтора месяца.

Капитан скаута «Рипли» командер Файн докладывал с периферии Солнечной, что последние распоряжения адмирала Успенского принял к сведению. Экипаж «Рипли» завершал подготовку к работе на ближних дистанциях, на скауте шла плановая диагностика сканирующих устройств.

Последний опрос Акционеров по ограниченной выборке снова показал, что для роспуска боевого флота Земле скорее всего не хватит пяти-шести процентов голосов.

На Чикагской фондовой бирже акции производителей комплектующих для военных кораблей медленно, но неуклонно шли вверх.

Экспериментальный звездолёт «Леонид Горбовски» вернулся на орбитальные верфи из-за фатального сбоя в работе ходового процессора. Капитан Риз дал в Сети открытую пресс-конференцию и пообещал, что «Горбовски» стартует не раньше, чем будет идеально отлажен, а значит – готов со стопроцентной гарантией вернуться домой и открыть для жителей Солнечной новую эру космической экспансии.

На Земле число лиц, ограниченно дееспособных по инвалидности детства, перевалило отметку в восемь процентов.

Правительство Марса в очередной раз отклонило предложение Совета Директоров продать земным банкам воспроизводства свой генетический материал.

Совет Директоров, в свою очередь, снова отверг законопроект о безвизовом перемещении лиц в пределах Солнечной.

Интерпол перехватил крупнейшую в истории контрабандную партию элитной консервированной спермы.

На территории бывшей Российской Федерации были зафиксированы массовые перемещения кочевых орд.

Правление Соединённых Штатов опубликовало ежегодный годовой отчёт и прогноз развития компании на ближайшие пять лет. Один из пунктов – объявление Лондона свободной экономической зоной – был вынесен для обсуждения в Сеть.

На Венере в возрасте девяноста пяти лет умер последний чернокожий гражданин республики.

Адмиралтейство удовлетворило прошение об отставке мастер-навигатора капитана Маргарет фон Фальцфейн.

Адъютант начальника штаба группы F капитан Джозеф Мейер получил смертельную черепно-лицевую травму в результате неосторожного обращения с маской спецкостюма при ускорении в шесть единиц.

Часть II

Вне земли

Маяк на Церbere не имел навигационных функций и вообще представлял ценность только для того, кто его установил. Маяк работал громко хлопающей пробкой или, если хотите, сигнальной затычкой. На обледеневшей каменюке, чисто по недоразумению считавшейся десятой планетой Солнечной, маяк крепко держался сенсорными щупальцами за единственную полезную вещь, которая там нашлась. Он контролировал редкоземельную жилу. И стоило бы какому-нибудь идиоту (а иначе не назовёшь того, кто пойдёт за лантанидами в такую даль) сунуться к жиле, как маяк вместо дежурного ОК послал бы в эфир тревожный вопль.

Безотказную и практически вечную штуковину когда-то установили на Церbere марсианские геологи. Ред-Сити в те времена был ещё лоялен, купался в земных инвестициях, о независимости не помышлял и услугами контрабандистов не пользовался. Исследовательские группы марсиан шныряли по Солнечной за денежки землян и повсюду втыкали маяки и бакены. Как выяснилось потом, месторождений было открыто ровно вдвое больше, чем докладывали в метрополию. Разумеется, всё, что Ред-Сити придержал для себя, было и качеством повыше, и числом поболее, и скрывалось по тёмным углам, как правило, внутри Пояса, который марсиане изучили прилично, а земляне едва-едва. Так что, когда Марс провозгласил республику, а Земля устроила ему жесткую блокаду, именно по этим секретным точкам разместились марсианские базы нелегального горнорудного промысла. А замаскированных космодромов на поверхности Красной планеты оказалось достаточно, чтобы хоть какой-то груз, но просачивался вниз и доходил-таки до заказчика.

Разумеется, аннексию залежей на Церbere марсиане перенесли безропотно в силу их удалённости. Земной ремонтник перепрограммировал маяк, и с тех пор никаких проблем с ним не возникало. Может, среди контрабандистов и встречались дураки, но грамотных экономистов там оказалось явно больше.

Так что маяк нёс службу, армия тормозила зазевавшиеся грузовики, полицейские силы ковырялись в Поясе, а Ред-Сити упорно отрицал, что контрабандные разработки финансируются им на правительственном уровне. Иногда марсиане арестовывали какого-нибудь совсем уж зарвавшегося торговца и устраивали над ним показательное судилище. После чего безобразник ввиду отсутствия на Марсе тюрем отправлялся под домашний арест. Откуда и продолжал свою преступную деятельность, необходимую марсианской экономике позарез. На Красной планете с ресурсами было так себе, а не имеющая (официально) собственного грузового флота Венера за каждый грамм обогащённого урана платила живыми деньгами. Причём так или иначе, а деньги эти шли с Земли, которой Венера подбрасывала время от времени здоровые яйцеклетки. Положение было идиотское, это все признавали, и только политические амбиции земных менеджеров не давали им по-хорошему договориться с бывшими колониями. Но альянс уже сам напрашивался. Слишком туго шли дела на Земле, чтобы не признать, что силовые методы результатов не дают и с сепаратистами пора дружить. Предстоящее Собрание Акционеров намеревалось решить этот вопрос раз и навсегда, а одним из следствий перехода от холодной войны к настоящему миру должен был стать демонстративный роспуск военного флота.

Умный Дядя Гуннар просчитал эту ситуацию ещё в ходе второй марсианской кампании. Адмирал флота крепко призадумался и сообразил, что спасти его от почётной отставки может только внешний противник, равно опасный для всех планет. Дядя Гуннар вызвал начальника разведки и приказал доложить, что у нас есть по чужим. Информации оказалось много, но вся она была, мягко говоря, неубедительной, а если честно – с шизофреническим душком. Тем не менее адмирал флота организовал утечку кое-каких данных в Сеть и стал ждать реакции.

Отклик пришёл не только от рядовых акционеров и не столько от них, сколько от Совета Директоров. Народ пошумел и вроде успокоился. А вот руководство планеты вызвало Дядю Гуннара на беседу, и, вернувшись, адмирал Кениг вид имел бледный. С этого момента любой разговор о чужих в стенах Адмиралтейства вызывал дисциплинарные последствия, а сам Дядя Гуннар впал в депрессию. Ему и раньше случалось вести себя этаким марионеткой, а теперь он просто на всё плюнул и слепо проводил в жизнь линию гражданского начальства. В частности, не моргнув глазом загнал группу F на Марс, хотя здорово сомневался в том, что элитную бригаду стоит отправлять на полицейскую операцию.

Сам того не зная, адмирал Кениг добился-таки своего. И уж совсем нечаянно этим нагадил флоту. Мысль о том, что космос может быть враждебен, не вызвала мгновенной реакции, но отложились у землян в подкорке. И социологи вдруг увидели, что исход голосования по роспуску флота может оказаться совсем неоднозначным. Земляне хотели иметь защиту. Увы, за решением о переводе военных кораблей в грузовики прятались такие деньги, о которых Дядя Гуннар и не подозревал. Кроме того, Марс и Венера ставили будущие торговые контакты в прямую зависимость от устранения земной угрозы. Экономика и политика нависли над военными астронавтами и собирались их раздавить.

Перед лицом такой проблемы никому не было дела до того, что адмирал Успенский, дабы потешить своё любопытство, послал за казённые деньги на край света какого-то Абрама. Тем более что Успенский не лез в политику. Он, конечно, грызся с Адмиралтейством, но это были личные сложности Дяди Гуннара. В остальном адмирал Рашен вёл себя как честный служака. И до поры до времени его не трогали. Да и мелкое разбазаривание фондов не походило на преступление, способное всерьёз испачкать ослепительную репутацию командира группы F. На флоте и без того хватало начальников, за которыми в массовом сознании закрепился образ кровожадных чудовищ.

Поэтому группа F отправилась к Марсу, и не просто так, а на бустерах. А в Сети что ни день возникали материалы, напоминающие акционерам о зверствах военных, из-за которых погибло куда больше мирного инопланетного населения, чем могла себе позволить изнывающая от генетического дефицита Земля.

А скаут «Рипли» подгребал себе потихоньку к зоне активного поиска. Эбрахам Файн придирчиво следил за работой экипажа и про себя неумело молился. Религиозность на Земле считалась чем-то вроде заболевания психики, но Файну на это было наплевать. Ему, уверенному в существовании чужих, требовался сейчас божий промысел, и никак не меньше. Чтобы вместо чужих найти всего лишь пиратов.

* * *

Ещё за добрую сотню лет до Полночи, в эпоху расцвета науки и промышленности, когда сырьё и товаров было завалилось, пиратство на торговых путях Солнечной уже цвело махровым цветом. Общественная мораль пребывала в упадке, и многие компании, имея частный флот, баловались перехватом грузов конкурентов. Поэтому буксиры ходили с вооружённым эскортом, который мог внезапно отвалить и сцапать показавшийся на радарном экране соблазнительный корабль. А вернувшись с добычей, увидеть, что их собственный подопечный летит уже налегке и капитан на радостях, что не убили, сосёт из горлышка припрятанный для такого повода самогон.

Ценность грузов с лихвой окупала риск, и в один прекрасный день выяснилось, что по безбрежным просторам Солнечной буквально ни пройти, ни проехать без того, чтобы тебя не взяли на абордаж какие-то негодяи. Как правило, захват обходился без стрельбы по коммерческим судам, палили друг в друга только нападающие и охрана. Всё-таки буксиры не за один день строятся, да и астронавты не размножаются почкованием. А кто-то ведь должен перево-

зять товар, который ты задумал хапнуть. Так что пираты отстёгивали грузовой отсек, делали ручкой и улетали восвояси. Капитан Лунц, ходивший на буксировщике «Янки Фэйр» и счастливо переживший восемь ограблений, стал притчей во языцех и так красочно рассказывал внизу о своих приключениях, что в итоге спился.

Потом разразилась Полночь, которая смела с лица Земли целые народы, спровоцировала ядерную зиму и уничтожила столько ресурсов, что в буквальном смысле не из чего стало костёр запалить. Экономика, политика, религия, культура – всё полетело в тартарары. Жуткая Зава-руха, случившаяся тремя веками раньше, ещё не научила человечество гибкости. После религиозной войны земляне отдались в лоно победившей религии. Возобладавшие в борьбе народы старались посильнее затоптать побеждённых. И только Полночь расставила всё по местам, показав, что если дважды наступил на грабли, надо их поднять и выбросить. Остатки населения, а особенно – уцелевшие военные, – требовали радикальных перемен. В то же время всем, наряду с позитивными идеями, очень хотелось электричества и ещё поесть, пусть немного, но ежедневно. А чтобы поесть – хотя бы вонючей хлореллы, – опять-таки, электричества. И чистой воды. Значит, снова энергии. Подскочил в цене уран. Образовался мощный чёрный рынок. Там, где раньше сталкивались интересы фирм, теперь грызлись правительства, озабоченные выживанием своих граждан.

Пересидевшие бойню в колониальных доках пираты занялись разработками полезных ископаемых, ориентируясь в первую очередь на земной спрос. Для этого требовался грузовой флот, и корабли начали угонять вместе с экипажами. От полярной шапки Марса кто-то отковырял громадный кусок льда и толкнул его, как оказалось позднее, американцам. В руинах старых земных городов обнаружилось подозрительное шевеление, и вскоре полицейские скауты нашли три хорошо укреплённые пиратские базы, захватить которые удалось только после массовой бомбардировки.

Качество оборудования на подпольных заводах поражало воображение. А оружие у пиратов было зачастую гораздо круче, чем у охотившихся за ними войск. И после того как засевшая в развалинах Пекина еврейская банда, оказавшись в кольце, подорвала себя ядерным зарядом в пять килотонн, терпение честных землян исчерпалось. Разразился глобальный правительственный кризис, в результате которого радикально изменилась как форма правления, так и степень участия граждан в принятии решений. Группа молодых амбициозных политиков, опираясь на социологические выкладки, считавшиеся раньше абстрактными и утопическими, бросила в массы идею «народного капитализма» и не просчиталась. Земля превратилась в холдинговое предприятие, где каждый гражданин получал базовый пакет акций и право голоса в Собрании Акционеров. Суверенные государства стали компаниями. И всё пришло в норму. Оказалось, что надо защищать и приумножать собственность, а делать это лучше сообща.

Уже через сто лет на той же самой почве единая как никогда Земля отбомбилась по Марсу и крепко приложила Венеру. Большая часть населения, сама того не понимая, жила в долгах как в шелках. Вырождение биосферы затормозилось, но обратно тоже не шло. Появление на свет здорового ребёнка по-прежнему считалось удачей. Взамен политических дрызг между земными правительствами возникли склоки межпланетного уровня. Но поскольку именно за описываемый период удалось насытить рынок продуктами и земляне перестали умирать от голода, никто особо не роптал. Пока отдельно взятый землянин становился всё менее кредитоспособен, правительственные структуры, наоборот, крепили. Земля сформировала космические полицейские силы, запретила любые вооружения на частных кораблях и объявила пиратов вне закона. Нехороший промысел был жестокими и эффективными методами быстренько взят к ногтю. А когда забрезжила проблема с колониями, на базе полицейской эскадры начала строиться полноценная армия.

Грянула жестокая и кровопролитная война. И вскоре по её окончании пиратство возродилось, только в более изощрённой форме. Экономическая блокада Марса и частичное эмбарго

на торговые контакты с Венерой заставили сепаратистов выдумать заново систему каперства. А действительно, что ты будешь делать, если месторождения на твоей родной земле контролирует противник и разрешает добывать ровно столько, чтобы подданные не загнулись от нехватки ресурсов? И очень быстро полулегальные контрабандисты и вольные охотники Венеры и Марса устроили в Солнечной такой кавардак, что время от времени за ними принималась гоняться чуть ли не вся земная армия. Разумеется, схваченного землянами пирата никто не признавал за своего, а сам преступник обычно в последний момент стрелялся, травился или прыгал в открытый космос. Люди это были отпетые, все настоящие фанатики, в прошлом воевавшие против Земли за независимость своих планет и заочно приговорённые к уничтожению. Живьём их брали редко, а результаты допроса под гипнозом в межпланетной судебной практике всё равно не признавались.

Но конфликт пошел на убыль. И пока контрабандисты снабжали осаждённые планеты топливом, строительными материалами и прочим сверх установленных Землёй норм, всё шло как по маслу. А вот когда Земля ослабила тиски и сама заговорила о партнёрстве, с несметной толпой космических старателей нужно было что-то решать. Положение усугублялось тем, что смертные приговоры этим людям земляне ещё не отзывали. И пока завоевавшие независимость планеты озадаченно чесали в затылке, вооружённые до зубов рыцари левых поставок сами показали характер. Выяснилось, что в Солнечной никто чёрный рынок не отменял и прикупить редкоземельных элементов по демпинговым ценам согласны многие как в экс-колониях, так и в бывшей метрополии. Кроме того, в Поясе работали мощные лаборатории, производившие медикаменты и точные приборы, и на этот товар тоже нашёлся устойчивый спрос. Космическая полиция рвала жилы, а чёрный рынок всё процветал.

На этом фоне информация о том, что какая-то наглая сволочь откупила законсервированную шахту прямо на марсианской поверхности, никого не удивила. Группа F шла наперехват без особого удовольствия, но кто-то же должен был это сделать. То, что ждало усиленную бригаду Attack Force у Красной планеты, адмирала Успенского совершенно не волновало. Дело неприятное, но, увы, привычное.

А вот то, что мог увидеть Эбрахам Файн на Цербере, беспокоило Рашена весьма. Потому что контрольный маяк сам по себе не замолкает. Даже разлетись Цербер на кусочки, маяк успел бы встревоженно пискнуть. Возможно, одно из ударных крыльев группы F смогло бы при желании расстрелять хитрую железку до того, как та засечёт корабли на подходе. Но пираты так виртуозить не умели. Они ловко прятались среди каменных глыб Пояса, а в открытом космосе воевали шаблонно и в целом посредственно.

И вообще, любой одиночный корабль, построенный в пределах Солнечной, просто не имел вооружения, способного прихлопнуть маяк одним импульсом.

Поэтому адмирал Рашен по пути к Марсу нервничал. И даже известие с Земли о том, что он стал дедом вполне нормальной девчонки, не привело его в приятное расположение духа. Да и сообщение от сына пришло сухое и официальное. Игорь Успенский отца не любил. Не мог простить ему профессию военного астронавта, холодного и расчётливого убийцы, от чьих рук гибли марсиане, которые были, конечно, сепаратисты и не любили Землю, но всё-таки живые люди.

Таких виноватых без вины, как Рашен, на «Тушканчике» хватало. У Фокса на Марсе погиб дядя, после чего от Майкла навсегда отвернулась мать. С Кенди сестра принципиально не разговаривала. Слегка ненормальный брат Линды, насмотревшись по Сети новостей с марсианского фронта, дождался, когда родственница спустится вниз, и едва её не задушил. Технику Ди Ланца, любившему зайти в пиццерию неподалеку от базы Орли, дважды прямо там били морду его импульсивные соплеменники.

Это всё были люди, которые провожали астронавтов на войну как героев. Нормальные люди, вполне хорошие. Просто за то время, что астронавты провели далеко от дома, в сознании

тех, кто остался на Земле, произошёл крутой поворот. И экипажи группы F оказались к нему совершенно не готовы. Они делали свою работу, полагая, что действуют от имени всех землян, таких же, как они, рядовых держателей акций.

А вышло на поверку что-то совсем другое.

* * *

Утверждённый адмиралом флота план операции по зачистке поверхности свалился на Рашена так неожиданно, что тот даже выругаться толком не сумел. Группе F оставалось полчаса до торможения, когда по дальней связи пришла некая кодированная информация чрезвычайного характера. Рашен включил дешифровку и с неудовольствием отметил, что новая вводная – а в том, что это именно она, адмирал не сомневался – будет готова к чтению за несколько минут до начала манёвра.

Рашен вызвал начальника штаба.

– Получил? – спросил он.

– Угу, – буркнул Эссекс.

– И что делаешь?

– Раскодирую, что ещё...

– Слушай, Фил, что это может быть?

– Подлянка какая-нибудь, – без тени сомнения заявил Эссекс. – Иначе зачем её посылать сразу в два адреса?

Рашен на секунду задумался.

– Ну да, – кивнул он. – Соображаешь, Фил.

– И как мы к этому отнесёмся? – осторожно спросил Эссекс.

– Почитаем сначала, – вздохнул Рашен. Не хотелось предполагать худшее, но они уже поняли друг друга без лишних слов. Приказы Адмиралтейства всегда поступают строго по Уставу: командиру лично конфиденциально. А дальше он уже сам доводит содержание приказа до подчинённых в части, их касающейся.

Но сегодня начальник штаба получил копию документа. Дело пахло жареным. Нет, адресованный Эссексу приказ не начнётся со слов типа «если командир группы проигнорирует данное распоряжение или отдаст его в искажённом виде, арестуйте командира и обеспечьте неукоснительное выполнение». Это уже лишнее, хватит и того, что у Эссекса перед глазами копия. Сам факт раздела ответственности на двоих заставит командира поступить как приказано. Особенно когда между командиром и начальником штаба есть разногласия. А Эссекс и Рашен были, на взгляд Адмиралтейства, просто ходячей взаимной обструкцией.

– Тормозить-то будем? – поинтересовался Эссекс.

– Я же сказал – почитаем сначала! – огрызнулся Рашен, дал отбой, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Ходовая рубка, сэр! – гавкнул динамик. – Готовность к торможению пятнадцать минут.

– Ходовой рубке – ждать, – устало сказал Рашен.

– Виноват, сэр? Да, сэр! Ходовой рубке – ждать... Господин адмирал, разрешите обратиться? Нам – что, пересчитывать торможение? Или как?

– Никак, – процедил Рашен. – Ты где находишься, астронавт? Тебе приказано – ждать! И нечего тут умничать! Mudak!

– Так точно, сэр!

– Скотина... – пробормотал Рашен, непонятно к кому обращаясь. Ему стало немного стыдно. Он сам распустил людей, привив им тягу к инициативе, а теперь готов был сорвать дурное настроение на подчинённом, который ничего крамольного в общем не сказал. Но сейчас Рашен предпочёл бы, чтобы на месте этого капитана сидела в ходовой рубке его бывшая началь-

ница психопатка Фальцфейн. Марго была профессионалом старой школы и умела ничему не удивляться. Манеру задумываться над смыслом несурзных приказов тогда просто выбивали из слишком независимых курсантов. Руками сокурсников. И если в мужском училище только били, то в женском могли от избытка фантазии устроить и что-нибудь похлеще.

Цель преследовалась по военным меркам благая: научить подчиняться не рассуждая. Поставить в строй и зафиксировать на месте. Но курсанту Успенскому, которого и так шпыняли за то, что русский, размеры мордобоя показались завышенными. Он вообще это не одобрял, потому что умел добиваться своего убеждением. Став офицером и завоевав авторитет, он много сил потратил на то, чтобы порядки в училищах стали либеральнее. А теперь иногда жалел об этом. Прослужив на флоте больше четверти века и оказавшись во главе ударных сил, он уже почти не использовал былое знание психологии, нажитое потом и кровью. Лейтенанту Успенскому, чтобы воевать и выживать, требовались подчинённые-друзья. Адмиралу Рашену для того же понадобились винты и гайки.

Сам-то он почти не изменился за эти годы. Поменялся характер задач.

– Здесь Боровский, сэр. У нас проблема?

– Ждать, – в который раз сказал Рашен. На этот раз – благодарно.

– Понял? – спросил в ходовой рубке Боровский расстроенного капитана, принявшего «скотину» в свой адрес. – Давай всё пересчитывай к едрёне матери. В первую очередь посчитай разворот к Земле. И на всякий случай – выход к Поясу. Да, на крайняк посмотри ещё обход Марса по касательной с пролётом над точкой. Осознал? И расслабься. Сам нарвался. Мог бы всё это сделать, не задавая дурацких вопросов.

– Хотел бы я знать, что случилось, – заметил приободрившийся капитан, вводя задачи в ходовой процессор.

– Ну какая тебе разница?! – простонал Боровский, заводя глаза к потолку. – Всё узнаешь в своё время.

– Интересно, когда нам рассказывали это самое «всё»? – ехидно спросил капитан.

– Интересно, когда ты в последний раз был лейтенантом, – небрежно бросил куда-то в сторону Боровский.

Капитан оторопело зыркнул на старпома и рефлекторно ссутулился.

Рашен в своей каюте подался вперёд и впился глазами в монитор.

– Ого! – только и сказал он.

Приказ отменял заказанную Адмиралтейством операцию по зачистке поверхности. Вдумчивая пальба с безопасных дистанций потеряла актуальность. Дядя Гуннар требовал от группы F стремительной атаки. В древности это называлось «кавалерийский наскок».

Новый манёвр был из разряда фигур элементарного пилотажа. Штурмовка – проход над поверхностью по касательной. Обычно так делают, когда внизу ждут мощные зенитные вооружения. Ты выскакиваешь из-за горизонта, даёшь залп, – и немногим уцелевшим даже целиться некуда, потому что вспышка выстрела была с одной стороны, а ты уже с другой. Попасть в круизер или дестроер, решившийся на штурмовой заход, почти нереально.

Никаких аналогий с пулей – ты летишь гораздо быстрее.

Главное – идти как можно ниже, чтобы зенитки не успели развернуться тебе вслед. Мощная наземная лазерная установка легко прожжёт обшивку корабля. Но повернуть её зеркало на большой угол – задача на десятки секунд. А ты проскочишь верхнюю полусферу за несколько. И пока эта дура внизу крутится, второй такой же отчаянный, как ты, заходит сбоку. А третьего, как правило, и не требуется.

При условии, что ты не цапнул поверхность брюхом и не влетел прямо во вражеское расположение вперёд ногами. Выхлоп у корабля не всегда стабильный, и судно чуть-чуть рыскает. В космосе это неважно, а над поверхностью отклонение в десяток метров бывает смер-

тельным. Ещё на сверхнизких высотах иногда барахлит авионика. Короче говоря, штурмовой заход – удел асов, в руках которых хорошо отлаженная техника.

Конечно, в плотных атмосферах Земли или Венеры такие фокусы вообще не проходят: сгоришь. А если идти на авиационных скоростях, то заметят тебя издали, просчитают траекторию и успеют зацепить хотя бы по удаляющейся корме. Над атмосферными планетами умнее висеть невидимкой и постреливать с высоты километров в пятьсот. Выстрелил – отпрыгнул. Снова выстрелил. Пусть у компьютеров мозги трещат в попытке догадаться, куда ты отскочил. Эту тактику земляне применяли над Венерой, и она вполне себя оправдала.

Но марсианский квазивоздух позволял штурмовой заход, атмосфера там была разрежена и имела ерундовую по земным меркам глубину. Рашен выполнял штурмовые манёвры над Красной планетой неоднократно, как в одиночку, так и в составе эскадрильи. Однажды пришлось даже целым крылом атаковать оборонительные сооружения Ред-Сити. Потери ограничились дестроером, который всё равно уполз по инерции на орбиту, хотя корма у него была в решето. Зато вовремя сброшенный реактор с пробитым охлаждением падал на головы марсианам, и позже говорили, что эта импровизированная атомная бомбардировка сыграла в штурме Ред-Сити не последнюю роль. Правда, реактор так и не взорвался, что тоже записали группе F в плюс: не испортили трофейный город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.